

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«СМОЛЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

БУРДУКОВ ИЛЬЯ ВИТАЛЬЕВИЧ

**СМОЛЕНСКАЯ ЕПАРХИЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В
ВЕРОИСПОВЕДНОЙ ПОЛИТИКЕ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА И
ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА В 1943 – 1964 ГГ.**

специальность 5.6.1 – Отечественная история
(исторические науки)

Диссертация
на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель:
кандидат исторических наук,
доцент М.В. Каиль

Смоленск 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. РЕЛИГИОЗНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА ПО ОТНОШЕНИЮ К РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В 1943–1964 ГГ.: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ	24
1.1. Нормативно-правовая база религиозной политики СССР в 1943– 1964 гг.	24
1.2. Статус и функционирование уполномоченных Совета по делам РПЦ в структуре органов власти Смоленской области 1943–1964 гг. ..	42
1.3. Религиозные практики населения по материалам Смоленской области: статистика и методы анализа.	59
ГЛАВА 2. Практические шаги по осуществлению советского законодательства о культурах на территории Смоленской епархии: методы, инструменты и итоги	84
2.1. Меры воздействия на финансово-хозяйственную жизнь Смоленской епархии со стороны государства в 1943–1964 гг.	84
2.2. Епархиальное управление и приходы под влиянием мероприятий Совета по делам РПЦ и региональных властей	110
2.3. Атеистическая пропаганда в Смоленской области: условия, динамика, практики	137
ГЛАВА 3. СМОЛЕНСКАЯ ЕПАРХИЯ В УСЛОВИЯХ РЕЛИГИОЗНОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА: 1943–1964 ГГ.	166
3.1. Управляющие Смоленской епархией	166
3.2. Кадровое состояние Смоленской епархии	183
3.3. Приходской уровень религиозной жизни Смоленской епархии	205
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	225
ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА	234

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. История взаимоотношений государственной власти и Русской Православной Церкви послевоенного двадцатилетия на региональном уровне занимает важное место в историографии новейшей истории России и ряде общественных дискурсов. Изучение данной проблематики с начала 1990-х гг. является предметом научных исследований, способствуя более широкому пониманию путей развития современной конфессиональной политики.

Детального рассмотрения заслуживают наиболее важные, переломные этапы истории религиозной составляющей внутренней политики советского государства. Политические, экономические и социальные изменения, произошедшие в 1940-х–1960-х гг., принципиально изменили облик церковно-государственных взаимоотношений, сформировавшихся в период до Великой Отечественной войны. В это время на фоне легализации церковного управления объектами контроля становились различные формы деятельности как всей Русской Православной Церкви, так и отдельных ее подразделений вплоть до ключевых единиц – приходов.

В контексте развития государственно-церковных отношений важной задачей является исследовать трансформации, происходившие внутри религиозных сообществ в обозначенный период. Это позволяет наиболее объективно подойти к степени влияния внешних и внутренних факторов на религиозную жизнь в стране. И если на общегосударственном и общецерковном уровне эти вопросы получили достаточное освещение в работах ключевых российских исследователей православия второй половины XX в. – М.В. Шкаровского, М.И. Одинцова, Т.А. Чумаченко и др., то региональная повестка остается недостаточно изученной.

Региональный аспект позволяет обратиться к теме, которая на рубеже XX–XXI столетий стала представлять значительный интерес как в зарубежной, так и в отечественной науке: религиозность в дискурсивных практиках, влияющих на самоосмысление и развитие современного

общества. Исследуемый материал на примере одного из исторических регионов, в котором преобладает титульное население СССР с доминированием православной веры, позволяет рассмотреть религиозные практики исповедания и формы самоорганизации церковных институтов и сообщества православных в условиях новой политико-правовой реальности среди населения в эпоху давления на религиозные организации и ограничения их деятельности.

Региональный компонент не может в полной мере стать репрезентативной моделью в масштабах страны, тем не менее, сведения, полученные в ходе исследования, могут значительно дополнить картину процессов, происходивших в сопредельных церковно-административных территориальных единицах. Тем самым настоящая работа вносит вклад в изучение религиозной жизни в крупном макрорегионе, включающем в себя западную часть Центральной России. Использование корпоративного архива Смоленского епархиального управления усилило возможность более глубокого и объективного исследования региональной проблематики. С учетом того, что, как правило, данные фонды остаются закрытыми для большинства исследователей, данный источниковедческий фактор стал одним из определяющих при выборе географических рамок работы.

Таким образом, диссертация нацелена на изучение комплекса региональных проекций бытования и развития в послевоенных социально-политических реалиях отдельной епархии Русской Православной Церкви в контексте церковно-государственных отношений и внутрицерковных процессов в 1943–1964 гг. Выбор в качестве объекта Смоленской епархии обусловлен, не только относительной целостностью базы источников и наличия среди них уникальной составляющей – архива епархиального управления, но и историческими реалиями существования конкретной епархии: фактически полной ликвидацией епархиальных структур и приходов к 1940 г., дальнейшей тяжелой оккупацией, явлениями

коллорационизма и противоречиями послевоенного воссоздания структур православия на территории региона – епархии.

В настоящей работе употребляются взаимозаменяемые термины – «религиозная политика», «конфессиональная политика», «вероисповедная политика». В текущем контексте, все они отражают историю и воздействие государства по отношению к Русской Православной Церкви, объединяющей высшее духовенство, церковнослужителей и мирян. Однако в заглавие работы вынесено понятие «вероисповедная», так как, согласно историографической традиции, оно является общеупотребительным в рамках рассматриваемой темы и позволяет соблюсти понятийные и общезыковые требования, лишённые оценочного характера.

Историография. В настоящее время накоплен значительный пласт исследований, которые представлены монографиями, материалами научно-практических конференций, отдельными статьями и научными рецензиями советского и постсоветского периодов, посвященных истории Русской Православной Церкви и ее взаимоотношениям с государством в XX столетии.

Наиболее ранние работы, в которых анализировалась исследуемая проблематика, носили на себе печать политизированности и идеологического влияния, что вполне объяснимо в условиях существования единой идеологии и одной политической партии, которая определяла курс развития страны. В 1990-е гг. эти ограничения прекратили свое влияние, и ученые получили возможность объективно подходить к вопросам влияния государства на внутрицерковную жизнь, формам и методам взаимодействия с религиозными организациями. Исследования этого периода подробно рассмотрены в различных работах авторов. В связи с этим обратим внимание на постсоветский период развития историографии вопроса.

Одним из первых, кто воспользовался открывшимися возможностями «архивной революции» начала 1990-х гг., стал доктор исторических наук М.И. Одинцов. Его публикации и выводы дали толчок к дальнейшему

обсуждению проблематики, ввели ее в общественный дискурс открытия подлинной истории православия в XX веке и церковно-государственных взаимоотношений¹. Также невозможно пройти мимо фундаментального труда прот. Владислава Цыпина «История Русской Церкви»². Это многотомное издание стало одним из ключевых пособий, значительное внимание в котором уделено истории церкви прошедшего столетия с точки зрения ее корпоративного представителя.

В монографии Д.В. Пospelовского «Русская Православная Церковь в XX веке» можно увидеть взгляд заграничного ученого на историю православия в СССР. В этой работе исследователь отмечает, что в первое послевоенное десятилетие Совет по делам РПЦ (главный орган исполнительной власти, реализовавший государственную вероисповедную политику) отчасти выполнял функции, обозначенные при его создании, в том числе следил за исполнением советских законов не только духовенством, но и государственными чиновниками³. Однако в конце 1950-х годов, по мнению исследователя, наступил перелом, после которого Совет стал «неофициальным и незаконным органом контроля над Московским патриархатом»⁴. Таким образом, подобный взгляд позволяет проследить изменения функционала Совета, его роль в реализации религиозной политики государства.

Теме законодательства, регулирующего религиозную жизнь в СССР, посвящены работы Л.И. Сосковец, Н.В. Потаповой, свящ. Д. Сафонова⁵ и др.

¹ *Одинцов М.И.* Государство и церковь: история взаимоотношений (1917–1938 гг.). М.: Знание, 1991; *Одинцов М.И.* Русская православная церковь в XX веке: история, взаимоотношения с государством и обществом. М.: Объединение исследователей религии, 2002.

² *Цыпин В., прот.* История Русской Церкви. В 11 кн.: Кн. 9. М.: Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997.

³ *Пospelовский Д.В.* Русская православная церковь в XX веке. М.: Республика, 1995. С. 265.

⁴ Там же. С. 294.

⁵ *Сосковец Л.И.* Правовое положение религиозных организаций в советском государстве // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2003. № 3. С. 310–322; *Потапова Н.В.* Политика Советского

Значительный вклад в разработку исследуемой проблемы был внесен Т.А. Чумаченко. Ее совместная работа с М.И. Одинцовым «Совет по делам Русской Православной Церкви при СНК (СМ) СССР и Московская Патриархия: эпоха взаимодействия и противостояния. 1943–1965 гг.»¹ является одной из наиболее глубоких и детальных по данной теме. Монография посвящена деятельности Совета, его формированию и становлению. На основе широкого круга источников разного характера, авторам удалось проследить трансформацию Совета, его функций и значения в государственной политике на протяжении всего существования этого органа.

Важную роль в исследовании поставленной проблемы играют региональные исследования. Так, Ю.В. Гераськин использует личностный подход при изучении деятельности уполномоченных в центральных областях России². В статье он рассматривает социальное происхождение, компетентность, образовательный и культурный уровень чиновников. К региональным исследованиям относится кандидатская работа О.С. Смирновой, посвященная деятельности уполномоченных Совета по делам РПЦ в Верхнем Поволжье³. На основе источников различного происхождения, начиная от архивных документов и заканчивая мемуарами, О.С. Смирнова провела значительную работу по реконструкции рамок и форм деятельности уполномоченных в регионах, входящих в

государства в отношении Церкви 1940–1980 гг. (Нормативно-правовые аспекты регулирования) // Ленинградский юридический журнал. 2007. № 4. С. 166–178; Сафонов Д., свящ. Налог на культовую деятельность как способ борьбы с религией при советской власти // Богословский вестник. 2015. Т. 16–17. № 1–2. С. 155–192.

¹ *Одинцов М.И., Чумаченко Т.А.* Совет по делам Русской Православной Церкви при СНК (СМ) СССР и Московская Патриархия: эпоха взаимодействия и противостояния. 1943–1965 гг. Санкт-Петербург: Российское объединение исследователей религии, 2013.

² *Гераськин Ю.В.* Уполномоченный Совета по делам Русской Православной Церкви: исторический портрет (На материалах областей Центральной России) // Государство и церковь в XX веке: эволюция взаимоотношений, политический и социокультурный аспекты. Опыт России и Европы. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. С. 48–59.

³ *Смирнова О.С.* Деятельность института уполномоченных совета по делам Русской Православной Церкви в 1944–1965 гг.: на материалах Верхнего Поволжья. Дисс. на соиск. уч. степени к.и.н. Иваново: Ивановский государственный университет, 2010.

Верхневолжский макрорегион, а также сформулировала и аргументировала собственный взгляд на соотношение роли центрального аппарата Совета и его уполномоченных, высшего партийного руководства и местных региональных властей в проведении государственной политики по отношению к Русской Православной Церкви.

Период активной антицерковной кампании подробно освещен в работах Д.И. Сазонова. Особое внимание исследователь уделил изучению реформы приходского управления 1961 г., ее восприятием духовенством и мирянами, а также последствиям этих изменений, сказавшихся на приходской жизни в последующие годы¹.

Деятельность церкви в Смоленской области в период Великой Отечественной войны раскрывается в монографии В.Л. Амельченкова (ныне епископа Серафима)². В работе автор обращает внимание на просветительскую и патриотическую деятельность духовенства в период оккупации и обращается к теме установления новых рамок во взаимоотношениях между органами советской власти и Смоленской епархией после освобождения региона. Значительный вклад в изучение Смоленской епархии через призму церковно-государственных взаимоотношений вносят работы М.В. Каиля. К их числу относятся

¹ Сазонов Д., *прот.* Государство и Церковь в Советском Союзе. Мотивы и последствия Архиерейского собора Русской Православной Церкви 1961 года // На пути к гражданскому обществу. 2013. № 3–4. С. 46–51; Сазонов Д., *прот.* Реформа приходского управления Русской Православной Церкви, принятая на поместном соборе 1961 года, и ее последствия // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2014. № 1. С. 69–73; Сазонов Д., *прот.* Сопrotивление духовенства реформе приходского управления 1961 года (по материалам Ярославской и Костромской областей) // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2015. № 4. С. 32–37; Сазонов Д., *прот.* Разница понимания и смыслов при принятии реформы приходского управления 1961 года со стороны Церкви и государства. Дискурс истории // Ипатьевский вестник. 2022. № 1. С. 128–134.

² Амельченков В.Л. Смоленская епархия в годы Великой Отечественной войны. Смоленск: Свиток, 2006.

исследования послевоенного периода существования Смоленской епархии, деятельности епископата и духовенства¹.

На основе материалов Центральной России А.А. Федотовым опубликованы работы, охватывающие собой весь период с 1917 г. по 2000 г., в которых автор уделяет внимание внутрицерковной жизни, взаимоотношениям церкви с государством и обществом². Географические рамки и охват материала позволили автору репрезентативно представить картину религиозной жизни в центральных регионах РСФСР. Ценным для настоящей работы является анализ исследователя внутрицерковного контекста, который после 1961 г. характеризовался разделением в приходской среде. В рамках прихода могли сосуществовать две противоборствующие группы верующих, одна из которых поддерживала настоятеля, другая – исполнительные органы. Такое положение дел наносило вред религиозной жизни в период после хрущевского наступления³.

Региональный компонент существенно дополняет работа А.А. Дороша, в качестве объекта исследования избравшего изучение политики советского государства в отношении Русской Православной Церкви, православной религии и религиозных культов православного и других вероисповеданий на протяжении 1941–1964 гг. по материалам Воронежской области. Внимания заслуживает одна из гипотез автора о том, что Совету и его

¹ *Каиль М.В.* Послевоенное православие: епископат, духовенство и государственное регулирование церковной жизни в СССР (1943–1953 годы) // Новый исторический вестник. 2019. № 4. С. 22–35; *Каиль М.В.* Владыка Сергей (Смирнов): епископское служение и взаимоотношения с клиром послевоенной церкви // Вопросы истории. 2020. № 9. С. 228–240.

² *Федотов А.А.* Русская православная церковь в 1960–1990 гг.: внутрицерковная жизнь и взаимоотношения с государством: На материалах Владимирской, Ивановской и Костромской областей. Дисс. на соиск. уч. степени к.и.н. Иваново: Ивановский государственный университет, 2000; *Федотов А.А.* Ивановская, Владимирская и Костромская епархии Русской Православной Церкви в 1917–1990-е гг. Иваново: б.и., 2000; *Федотов А.А.* Из истории Русской Православной Церкви в XX веке. Иваново: б.и., 2002; *Федотов А.А.* Реформа приходского управления. Закрытие храмов как одно из важнейших направлений хрущевской антицерковной политики // Вестник Ивановского государственного университета. 2005. № 2. С. 52–58.

³ *Федотов А.А.* Русская православная церковь в 1960–1990 гг.: внутрицерковная жизнь и взаимоотношения с государством. С. 153.

уполномоченному была дана «негласная, не зафиксированная ни в одном из письменных документов установка на защиту прав духовенства и верующих и ограждение их от немотивированной агрессии и противозаконного самоуправства со стороны центральных и местных партийных органов»¹. Подобный взгляд является отражением действительности, имеющей место в условиях конкретного региона. Как будет указано в настоящем исследовании, данная гипотеза не подтверждается практиками, осуществлявшимися на территории Смоленщины. Объяснить это расхождение могут как личностные характеристики уполномоченных, так и практики местных партийных и исполнительных органов власти, оказавших влияние на институт уполномоченных. В связи с этим, выводы о наличии подобной установки по защите церкви, сделанные на материале отдельно взятого региона, являются безосновательными.

В рамках исследования религиозности населения Советского Союза автором был рассмотрен ряд работ, касающихся этой темы. Так, одним из наиболее глубоких исследований, посвященных данной проблематике, является монография В. Смолкин, охватывающая весь период существования советского государства². Многие из гипотез и утверждений, высказанных автором, нашли свое подтверждение в материалах, касающихся Смоленского региона. Также этой теме посвящены отдельные статьи В.Н. Алейнекова и Д.И. Сазонова³.

На основе проведенного историографического обзора фиксируется наличие тематически и хронологически очерченных лакун, определяющих

¹ *Дорош А.А.* Государственная политика Советской власти в отношении Церкви и религии в 1941–1964 гг. (по материалам Воронежской области). Дисс. на соиск. уч. степени к.и.н. Белгород: Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 2018. С. 14.

² *Смолкин В.* Свято место пусто не бывает: история советского атеизма. М.: Новое литературное обозрение, 2021.

³ *Алейнеков В.Н.* К вопросу о ренегатстве православного духовенства в период хрущевской антирелигиозной кампании (1958–1964) // *Современные проблемы науки и образования.* 2013. № 4. С. 326–345; *Сазонов Д., прот.* Отречение от веры. Мировоззренческая убежденность или сумма обстоятельств? К теме ренегатства 1960-х годов // *Вестник Костромского государственного университета.* 2019. № 2. С. 71–78.

познавательные запросы в дальнейшей разработке избранной проблематики. Доминирование обобщающих публикаций или узких по сюжетно-хронологическому плану исследований диктует необходимость локализации исследования сути церковной жизни на епархиальном и приходском уровне. Такая попытка и предпринимается в настоящем исследовании.

Объект исследования – Смоленская епархия Русской Православной Церкви в вероисповедной политике советского государства и жизни общества в 1943–1964 гг.

Предметом исследования является совокупность административных реалий и практик, определявших деятельность Русской Православной Церкви в рамках отдельного региона и церковного диоцеза – Смоленской епархии, воссозданной к 1944 г.

Цель настоящего исследования – реконструировать, маркировать и проанализировать факторы развития взаимоотношений органов советской администрации и структур управления, священноначалия и общин Русской Православной Церкви в 1943–1964 гг. в провинции (на материалах Смоленщины), а именно: религиозную политику советского государства по отношению к Русской Православной Церкви и адаптацию Смоленской епархии к изменяющимся условиям и практикам реализации религиозной политики в СССР, сложившимся в конкретном регионе.

В рамках поставленной цели были обозначены следующие **задачи**:

1. Проанализировать нормативно-правовую базу вероисповедной политики в СССР и основания правоприменительной практики в ее реализации советской администрацией в провинции изучаемого периода;
2. Рассмотреть статус и функционирование уполномоченных Совета по делам РПЦ в структуре органов власти Смоленской области в 1944–1964 гг.;
3. Выявить значение и место религиозного мировоззрения в советском обществе в изучаемый период;

4. Рассмотреть меры воздействия государства на финансово-хозяйственную жизнь Смоленской епархии, их значение и эффективность в достижении поставленных целей;

5. Проанализировать практические шаги по осуществлению советского законодательства о культурах, а также рассмотреть методы, инструменты и итоги государственной религиозной политики на уровне провинции вплоть до прихода;

6. Обозначить условия, динамику и методы атеистической пропаганды;

7. Изучить деятельность управляющих Смоленской епархией в 1943–1964 гг.;

8. Исследовать кадровое состояние Смоленской епархии: обстоятельства подбора, согласования, назначения на приходы священнослужителей;

9. Исследовать динамику состояния приходов и общин в обозначенные хронологические рамки: раскрыть механизмы самоуправления, управления и деятельности, описать взаимоотношения в вертикали «приход – советская администрация – епархиальный архиерей – Московский Патриархат».

Географические рамки настоящего исследования заключают в себе Смоленскую епархию, соответствовавшую границам Смоленской области периода 1943–1964 гг. Смоленский регион представляет особый интерес для исследования, так как пересечение различных культурных, исторических и религиозных факторов делает его изучение достаточно репрезентативным и основательным для обобщающих выводов.

Хронологические рамки (1943–1964 гг.) определены важностью исторического периода возобновления деятельности церкви в новом формате в период с момента освобождения Смоленской области от фашистской оккупации и до окончания, отличавшегося спецификой в вероисповедной политике и ее практиках «хрущевского периода». Именно тогда были

сформировались практики государственной вероисповедной политики советского государства, действовавшие вплоть до конца 1980-х годов. Выбранный для изучения период демонстрирует процессы трансформации отношения государства к религии, ее роли в советском обществе и те противоречия, которые возникали при попытках изгнать веру и религиозные практики из советской социальной реальности. Подобный взгляд сопровождается анализом изменений в деятельности церковных институтов, адаптировавшимся к меняющимся условиям своего положения в СССР.

Характеристика источников. В ходе научно-исследовательской работы был произведён поиск и анализ источников по теме исследования.

Источниковая база исследования представлена обширным комплексом как опубликованных, так и преимущественно неопубликованных материалов, которые делятся на пять групп: 1) документы Коммунистической партии СССР, 2) законодательные акты советского правительства, 3) делопроизводственная документация Совета по делам Русской Православной Церкви 1943–1964 гг., 4) делопроизводственная документация Смоленской епархии Русской Православной Церкви (на уровне епархиального управления и приходов), 5) материалы периодической печати.

Среди ключевых источников использованы документы высших органов КПСС, к каковым относятся: «Коммунистическая партия Советского Союза. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898–1988)»; «Коммунистическая партия и Советское правительство о религии и церкви: Сборник; КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 8. 1946–1955 и Материалы пленума ЦК КПСС. 14–15 июня 1983 года». В этих документах раскрываются цели, задачи и методы их достижения. В связи с тем, что Коммунистическая партия СССР имела статус правящей, решения, принимавшиеся на ее съездах, имели определяющий характер в жизни страны и влияли на все стороны ее жизни: законодательную, экономическую, идеологическую, социальную и иные. В

этой связи понимание и изучение стратегии и практик осуществления конфессиональной политики невозможно без использования документов КПСС.

Также к числу важнейших источников относятся правовые акты советского правительства. Именно они регулировали деятельность органов государственной власти, социальных институтов и общественных организаций. Анализ таких источников, как: «Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1917–1918 гг.»; «Законодательство о религиозных культах под общ. ред. Куроедова В.А. и Панкратова А.С.» и «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 8. 1946–1955», позволили проследить влияние политических процессов на установление правовых норм.

В поле исследования вошли документы, имеющие служебное происхождение и отражающие положение верующих Смоленской области в условиях динамики религиозной политики государства. В диссертации использованы не введенные в широкий научный оборот материалы, хранящиеся в Государственном архиве Смоленской области (ГАСО). Исследовательская работа проводилась с фондами Р–985 («Отдела по связям с религиозными организациями Смоленского облисполкома») и Р–1620 («Уполномоченного совета по делам Русской православной церкви»). Эти материалы характеризуют широкий круг вопросов епархиальной жизни и включают в себя: переписку с уполномоченным Советом по делам религий в Смоленской области, жалобы верующих, письма и заявления граждан и религиозных объединений, организационно–распорядительные документы, информационные доклады, статистические сведения, касающиеся религиозной жизни. Полученная информация в значительной мере раскрывает специфику взаимоотношений Русской Православной Церкви и верующих с органами советской власти и демонстрирует политическую стратегию в отношении религиозных организаций.

Важным источником по истории Смоленской епархии является делопроизводственная документация Русской Православной Церкви. В этой связи уникальные возможности представляет корпоративный Архив Смоленского епархиального управления (АСЕУ). Так как это собрание документов труднодоступно для большинства исследователей, то использование, введение в научный оборот и публикация его документов играет важную роль в освещении внутрицерковных процессов и внутренней жизни Смоленской епархии в рассматриваемые временные рамки. Для настоящего исследования значительную ценность представляют прежде всего личные дела священнослужителей, заключающие в себе автобиографии, различные прошения, указы, рапорты и обращения прихожан. Кроме того, сохранились документы периода управления епархией епископов Сергия (Смирнова) и Михаила (Чуба): годовые отчеты, рапорты на имя патриарха и др. Таким образом, можно заключить, что в отечественной историографии подобные документы комплексно используются впервые.

В дополнение к региональным источникам были использованы документы из федеральных архивов: Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) и Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ). Документы этих архивов в значительной степени способствовали более широкому взгляду на поставленные в исследовании вопросы и позволили взглянуть на их решение с иной точки зрения.

Источники из периодики также нашли свое отражение в настоящем исследовании: Главная партийная газета СССР – «Правда», региональный печатный орган Смоленской области – «Рабочий путь», газета «Красное Знамя», издававшаяся в Карельской АССР. Издание Демидовского района – «Путь Ильича» и др. Конечно, эти источники отличались идеологической ангажированностью, однако они освещали точку зрения как органов власти, так и некоторой части общества.

Архивно-эвристическая работа позволяет констатировать, что по данной теме удалось выявить и проанализировать широкую и репрезентативную источниковую базу. Объем и разнообразие этих источников позволяют провести вдумчивый анализ и классификацию материала.

Методы исследования. На всех стадиях исследования применялись общенаучные принципы: историзма, объективности и комплексности. Это позволило учитывать и описать влияние субъективного фактора – религиозного мировоззрения на развитие изучаемых процессов, коммуникации в конфессиональном сообществе и с властными органами, учесть психологический настрой населения, объективнее подойти к изучению культурных процессов, для чего использовался культурологический подход. Эти принципы помогли раскрыть тему религиозного фактора в советском обществе послевоенного двадцатилетия, его места и значения в повседневной жизни человека.

Принцип историзма позволил проследить преемственность в развитии отдельных направлений истории общественных организаций, выявить причины и предпосылки происходивших изменений. В частности, этот метод способствовал реконструкции трансформационных процессов в формировании нормативно-правовой базы советского государства, относящегося к религиозным организациям.

При разработке и освещении темы применялись как общенаучные, так и специальные методы исторического исследования. Из числа общенаучных был использован проблемно-хронологический метод, который позволил рассмотреть ключевые проблемные точки истории взаимодействия государства и церкви на различных уровнях – внешне- и внутривластную обстановку, расширение влияния церкви в обществе, ее материальное укрепление, администрирование на различных уровнях власти, вмешательство государства в административное устройство епархии и прихода. Это дало возможность анализа обозначенных факторов в

определенной исторической последовательности, в которой они себя проявляли. Историко-генетический метод позволил выявить имманентные факторы в развитии церковных (приходских и епархиальных) структур самоуправления и управления диоцезом на примере Смоленской епархии. Сравнительно-исторический метод дал возможность изучить трактовки процессов религиозной жизни в церковных структурах и органах исполнительной власти, курировавших и администрировавших сферу религиозности в Советском Союзе; а также сравнить трактовки и оценки церковно-административных и религиозных практик православных на уровне регионального уполномоченного и центрального аппарата Совета по делам РПЦ. Кроме того, этот принцип стал основой для изучения административных практик высшего звена церковного управления – архиереев, их роли и инструментария в осуществлении тех или иных задач, которые перед ними стояли.

Использование статистических методов обосновало и конкретизировало количественные показатели вовлеченности населения в обрядовые практики церкви, также продемонстрировало динамику сокращения приходов. Не менее важной характеристикой стал анализ изменений финансовых показателей Смоленской епархии, структуры доходов и расходов приходов в городской и сельской местности. Применение количественного анализа позволило получить данные о численности и динамике штатов духовенства Смоленской епархии изучаемого периода, проанализировать и представить в систематизированной форме сведения об образовании и иных параметрах епархиального духовенства. Эти данные наиболее объективно осветили результаты мер, предпринимаемых государством для ограничения деятельности церкви. Историко-описательный метод открыл возможность к восстановлению событийной канвы истории православия в Смоленском регионе в рассматриваемый период.

Научная новизна диссертации заключается в том, что:

– изучены функции уполномоченных в рамках конфессиональной политики советского государства с момента основания Совета по делам РПЦ до завершения правления Н.С. Хрущева, их роль и задачи в условиях региональной повестки;

– проведен комплексный анализ состояния религиозности населения Смоленской области в послевоенное время и период «хрущевской оттепели», рассмотрены практики народных обычаев и верований, которые, с одной стороны, противоречили официальной позиции Русской Православной Церкви, с другой – определяли уклад и традиции значительного числа верующих;

– в диссертации впервые исследовано экономическое положение Смоленской епархии как части РПЦ в контексте проводившихся государством мер по контролю, сдерживанию и изъятию финансов и церковного имущества. Рассмотрены результаты проводимой фискальной политики в отношении религиозных организаций, влияющей на показатели финансово-хозяйственной деятельности приходов;

– на базе архивных материалов удалось проанализировать и описать репертуар реакций Смоленского епархиального управления и приходов на мероприятия, проводимые Советом по делам РПЦ, региональными и местными органами власти;

– новизной отличается изучение мер атеистической пропаганды, ее роль в инструментарии сдерживания церкви и воспитания нового общества на примере деятельности уполномоченных Совета, региональных и местных партийных органов, печатных СМИ, а также регионального отделения Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний;

– в тексте диссертации впервые рассмотрены фигуры (биографический план, обстоятельства и практика служения) архиереев Смоленской епархии, несших свое служение в 1943–1964 гг., в контексте политических и идеологических изменений в советском государстве с учетом

специфики взаимоотношений архипастыря с вверенным ему клиром и паствой;

– на основе архивных данных, в том числе уникального источника – архива Смоленского епархиального управления, изучено кадровое положение в Смоленской епархии в контексте общецерковных тенденций и процессов, влияние верующих на жизнь церкви в контексте взаимоотношений с государством, клиром и архиереями, а также их роль и значение в адаптации церковной структуры к давлению со стороны органов государственной власти в лице региональных и местных ее представителей.

Основные положения, выносимые на защиту:

– Конфессиональная политика государства в 1943–1964 гг. характеризуется глубокими трансформациями, которые не только повлияли на последующие формы взаимодействия между государством и обществом в СССР, но и определили современное положение религии как значимого элемента общественных настроений. Религиозность не потеряла свое значение в ходе реализации советской секулярной программы и «естественного» отмирания религиозных пережитков и успехов научно-технической революции;

– Проводимая государственная политика по отношению к религиозным организациям, несмотря на жесткую вертикаль власти, сталкивалась с личностными факторами тех, кто отвечал за это направление работы, в том числе уполномоченных Совета. Последние в силу своих профессиональных и личных качеств не всегда могли отражать «генеральную линию партии», что затрудняет оценку методов их работы. Тем не менее логика развития событий демонстрировала поэтапную трансформацию роли уполномоченных и решаемых ими задач, которые определялись динамикой внутренней политики государства. Партийные органы и центральный аппарат Совета приобретали большее значение, в результате чего уполномоченные оказывались более зависимыми от ресурсов Партии и оценки вышестоящих органов власти. Институт уполномоченных становился

инструментом контроля за религиозными организациями, а не независимым арбитром, призванным координировать взаимоотношения с церковью.

– Задача по уменьшению влияния церкви на население решалась путем ликвидации инфраструктуры, то есть приходов, для чего использовались прежде всего инструменты финансово-хозяйственного давления. Эти меры достигли определенного результата, который характеризовался снятием с регистрации приходов, не способных изыскать средства для содержания зданий и священнослужителей. Но обратной стороной этого процесса стало возникновение очагов народной религиозности, возглавляемых местными жителями. Итак, становится очевидным, что прямой зависимости между наличием храма и уровнем религиозности населения не наблюдается. Более того, такие уже стандартные показатели, как посещаемость храмов по праздникам, фиксация совершения таинств, половозрастные характеристики верующих не могут в полной мере стать основанием для объективной оценки религиозных настроений населения. Итогом мер, предпринятых в период с 1958 по 1964 гг., стала не ликвидация «религиозных предрассудков», а их активизация, в основном по причине потери духовенством и отчасти органами власти контроля за этой стороной жизни человека, которая из публичной сферы была вытеснена в частную.

– Смоленская епархия располагалась на территории, экономический и демографический потенциал которой был в значительной мере подорван войной и оккупацией. Это не могло не повлиять на общее положение дел в епархии, испытывавшей большие трудности с кадрами, финансами и материально-технической базой. Тем не менее от фигуры архиерея зависело, каким образом эти проблемы могли найти свое решение. Пример епископа Михаила (Чуба) демонстрирует, что, несмотря на агрессивные внешние условия, грамотно выстроенные управленческие практики положительным образом сказываются на разных сферах епархиальной жизни. Так или иначе, роль личности правящего архиерея, с

учетом традиционно строгой вертикали власти, играла значительную роль в жизни церкви.

– Несмотря на комплекс предпринятых ограничительных мер в отношении Русской Православной Церкви, последняя сохранила свою структуру и влияние именно благодаря религиозности населения. Этот фактор стал открытием для лиц, занимавшихся проблемой атеистической пропаганды и воспитанием общества, и способствовал активизации изучения этого феномена в рамках высших учебных заведений, ключевую роль в котором сыграло создание в 1964 г. Института научного атеизма.

Теоретическая и практическая значимость работы заключается в синхронном рассмотрении динамики (конкретных мероприятий и мер) государственной политики, ее влияния на жизнь верующих и внутреннее положение дел в Смоленской епархии Русской Православной Церкви. Итоги работы позволяют расширить устоявшееся понимание церковно-государственных отношений в рассматриваемый период в региональном аспекте. Результаты исследования могут быть использованы в соответствующих разделах и пособиях по истории Русской Православной Церкви в Смоленской области, истории религиозности и развития религиозных практик в советском обществе, а также истории формирования гражданского самосознания в советском государстве.

Апробация работы. Ряд положений исследования были представлены в докладах на XIII Международной научно-богословской конференции «Актуальные вопросы современного богословия и церковной науки» (29–30 сентября 2021 г. Санкт-Петербургская духовная академия. Санкт-Петербург.), V Всероссийской (с международным участием) научной конференции «Теология в научно-образовательном пространстве: теория, история, практика межрелигиозного и межкультурного диалога в ситуации глобальных вызовов» (1 декабря 2021 г. НИЯУ МИФИ. Москва.), Общественно-научном форуме «Государство и религия: пути диалога» (14–15 декабря 2021. РАНХиГС. Санкт-Петербург.), Международной

научной конференции молодых ученых «Путь в науку» (21 апреля 2022 г. Тверской государственный университет. Тверь), Всероссийской научной конференции «История Церкви: факт и мысль» (5 мая 2022 г. Московская духовная академия. Сергиев Посад) XVII Международной научно-практической конференции «Традиции и инновации в государственном и муниципальном управлении: ценности, цели и императивы развития российской государственности» (7–9 декабря 2022 г. Брянский филиал РАНХиГС. Брянск), научном семинаре «Православие и советская культура: путь от взаимоисключения к взаимовлиянию» (21 апреля 2023 г. Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук. Москва), Всероссийской (с международным участием) научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Путь в науку» (18 апреля 2024 г. Тверской государственный университет. Тверь). Автор диссертации опубликовал 7 статей (1 в соавторстве), совокупным объемом 7,8 авт. л., в том числе 4 – в ведущих научных рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России. Отдельные разделы успешно апробированы в преподавании истории Русской Православной Церкви в Смоленском государственном университете.

Также автор является участником в качестве исполнителя двух проектов, получивших грантовую поддержку Российского научного фонда – проект № 19–78–00120, «Институты православия и православное общество в новейшей истории России 1914–1964 гг.: церковная традиция и идентичность в эпоху модернизации» (2019–2021 гг.); проект № 24–28–01325, «Церковная дипломатия эпохи холодной войны, персональное измерение: митрополит Питирим (Нечаев)» (2023 – по наст. вр.).

Диссертационное исследование обсуждено и рекомендовано к защите на заседании кафедры истории России Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения «Смоленский государственный университет».

Структура диссертации определяется целью и задачами исследования и включает введение, две главы, заключение, список источников и литературы.

Во введении обосновывается актуальность исследования, рассматривается историография вопроса и анализируется степень изученности темы, определяются объект и предмет, цель и задачи исследования, указываются методы, приводится анализ используемых источников.

В первой главе рассмотрена нормативно-правовая база советского государства, относящаяся к религиозным объединениям. Это позволяет проследить этапы изменения государственной религиозной политики. Также рассматриваются статус и функционирование уполномоченных Совета по делам Русской Православной Церкви в структуре органов власти Смоленской области в 1944–1960-е гг. Завершается глава исследованием состояния религиозных практик населения региона, что дополняет картину изменений в жизни общества на фоне тех мер, которые предпринимали органы власти для воспитания «советского» человека.

Вторая глава посвящена анализу комплекса мер, в которые входят финансовые, административные и идеологические инструменты, предпринятые в рамках сдерживания развития церкви, которая должна была, согласно поставленным задачам в период активного наступления на религию, прекратить существование в обозримом будущем.

В третьей главе предпринята попытка исследовать внутрицерковный контекст взаимодействия государства и церкви. С этой целью рассматривается деятельность смоленских архиереев в изучаемый период, кадровое положение в Смоленской епархии, состояние приходов и общин, их проблемы и внутренняя жизнь.

В заключении приводятся общие выводы по теме исследования.

ГЛАВА 1. РЕЛИГИОЗНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА ПО ОТНОШЕНИЮ К РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В 1943–1964 ГГ.: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

1.1. Нормативно-правовая база религиозной политики СССР в 1943–1964 гг.

Рассмотрение нормативно-правовых актов, регулировавших взаимоотношения советского государства и Русской Православной Церкви в 1943–1964 гг. необходимо осуществлять в контексте предшествующего опыта нормативного регулирования религиозной жизни, складывавшегося с 1918 г.

Трудно переоценить значение для развития и судьбы Русской Церкви и других религиозных организаций первого нормативного акта вероисповедной политики советской власти – Декрета Совета Народных Комиссаров от 23 января 1918 года. Однако не меньшего внимания заслуживает постановление Священного Собора Православной Российской Церкви, принятое 2 декабря 1917 г., которое декларировало с позиции иерархов статус церкви в новых исторических и политических условиях. Так, в самом начале постановления содержится предписание государству утвердить «первенствующее среди других исповеданий публично-правовое положение» Российской Церкви¹. В четвертом пункте было зафиксировано: «Государственные законы, касающиеся Православной Церкви, издаются не иначе, как по соглашению с церковной властью»²; согласно положению № 24: «Православная Церковь получает из средств Государственного Казначейства по особой смете, составляемой Высшим Церковным Управлением и утверждаемой в законодательном порядке, ежегодные ассигнования в пределах ее потребностей...»³. Рассмотрение советского

¹ Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. В 11 т.: Т. 5. М.: Новоспасский монастырь, 1996. С. 225.

² Там же. С. 226.

³ Там же. С. 227.

декрета во взаимосвязи с церковной декларацией – существенное достижение современной историографии, отражающее объективный этапный двухсторонний характер формирования вероисповедного законодательства и нормативных оснований государственно-церковных отношений.

Ответ со стороны большевистской власти на данный документ готовился немногим более месяца. По своему содержанию он был призван развеять у высшей церковной власти какие-либо иллюзии относительно дальнейшего положения православия и иных конфессий в новых политических реалиях. Отныне церковь отделялась от государства, упразднялось ее право регистрировать акты гражданского состояния, все имущество объявлялось народным достоянием. Становилось невозможным материальное субсидирование религиозных обществ со стороны государства. Все церковные и религиозные организации лишались прав юридического лица¹.

В дальнейшем правовое положение Русской Православной Церкви становилось все более затруднительным. Одним из ключевых документов, определявших жизнь церкви на протяжении нескольких десятилетий, стало Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях». Фактически этот документ был «венцом» в законотворческой деятельности советского государства в отношении религиозных организаций в довоенный период и стал, по выражению П.В. Гидулянова, «атеистической конституцией страны»². Так, согласно новым установлениям, священнослужители были лишены права становиться учредителями приходов. Благотворительная деятельность ставилась вне закона, так же, как и религиозное образование. Разрешалось лишь обучение религии в рамках семьи, хотя в Декрете от 1918 г. «Об отделении...» в

¹ Декрет СНК «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», 23 января (5 февраля) 1918 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1917–1918 гг. № 18. Отд. I. Ст. 263. М., 1942. С. 286–287.

² См.: Законодательство о религиозных культах / Сборник материалов и документов / Под общ. ред. Куроедова В.А., Панкратова А.С. М.: Юридическая литература, 1971. С. 43.

частных учреждениях религиозное образование допускалось. Первостепенной задачей, которая должна была быть реализована, являлось полное изгнание религии из общественной сферы. Как отметил М.И. Одинцов: «Религиозные общества превращались в “резервации” для исповедующих те или иные религиозные убеждения»¹.

Несмотря на то, что именно Постановление 1929 г. позволило в значительной мере парализовать деятельность церкви в последующие годы, рядом советских деятелей оно оценивалось как достаточно мягкое². В дополнение к принятию этого установления в мае того же года было внесено изменение в 4 статью Конституции РСФСР, закреплявшей «свободу религиозной и антирелигиозной пропаганды». Вместо этого положения была внесена иная формулировка «о свободе религиозных исповеданий и антирелигиозной пропаганды»³. Тем самым это позволило достаточно широко трактовать те или иные действия представителей церкви и верующих людей в части их «религиозной пропаганды», не допускавшейся в советском государстве. Несмотря на то, что Постановление от 1929 г. декларировало предоставление некоторых гарантий правовой защиты религиозным организациям, оно никак не повлияло на развернувшуюся антицерковную кампанию в последующем.

В военные и послевоенные годы правительством и различными ведомствами были приняты правовые нормы, которые стали превалировать при осуществлении конфессиональной политики. Параллельно с этим формально продолжала действовать и довоенная правовая база, которая имела более весомое значение, так как принималась на основе решений высшего советского законодательного органа власти. И несмотря на докладные записки Совета по делам РПЦ о необходимости принятия нового

¹ *Одинцов М.И.* Государство и церковь: история взаимоотношений (1917–1938 гг.). С 37.

² *Федотов А.А., Полозова К.А.* Внутренние противоречия советского законодательства, регулирующего религиозную сферу в 1929–1943 гг. // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков. Материалы XIX Международной научной конференции. Иваново, 2020. С. 10.

³ См.: *Шкаровский М.В.* Русская Православная Церковь в XX веке. М.: Вече, 2010. С. 118.

закона «О положении церкви в СССР», который бы упорядочил сложившиеся правоприменительные практики и разрозненные законы, он так и не был утвержден. Как предполагает Д.Н. Никитин, И.В. Сталин и высшее партийное руководство оставляло окно возможностей для использования более жестких норм ранее принятого законодательства в случае изменений государственной политики по отношению к церкви¹. Именно это и произошло уже в скором времени – в конце 1950-х–нач. 1960-х гг.

Вплоть до 1943 г. какого-либо ослабления давления со стороны государства не было. Действовала директивная практика, сформированная двумя инструкциями 1918 и 1929 гг., разъяснявшая исполнителям органов власти и самим религиозным организациям характер применения Декрета. Также, как правило, упускается из виду при рассмотрении положения церкви в советском государстве Программа РКП(б), принятая на VIII Съезде в 1919 г. Она действовала вплоть до окончания руководства страной И.В. Сталиным и декларировала неизбежность «полного отмирания религиозных предрассудков» в формирующемся коммунистическом обществе. По мнению И.А. Курляндского, данная программа влияла на антицерковный вектор во внутренней политике советского государства весь период его существования².

В середине Великой Отечественной войны отмечается изменение положения религиозных организаций на территории СССР, что было в дальнейшем ознаменовано освобождением некоторого числа духовенства, отбывавшего срок в тюрьмах и лагерях, и открытием храмов (в ряде регионов речь шла о разрешении функционирования открытых оккупационными властями церквей при замене выявленных коллаборационистов

¹ Никитин Д.Н. «О религиозных объединениях» // Православная энциклопедия. Т. 52. Москва, 2004. С. 208.

² Курляндский И.А. Сталин, власть и религия (религиозный и церковный факторы во внутренней политике советского государства в 1922–1953 гг.). Москва: Кучково поле, 2011. С. 10.

² См.: Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь в XX веке. С. 118.

² Курляндский И.А. Указ. соч. С. 537.

новопоставленным священством). Так, по выражению И.А. Курляндского, произошла «частичная легализация религии»¹. Это выразилось, в частности, в принятии двух постановлений СНК СССР от 19 ноября 1944 г. «О порядке открытия молитвенных зданий религиозных культов»² и от 1 декабря 1944 г. «О порядке открытия церквей и молитвенных зданий на территории, освобождённой от фашистской оккупации»³. Что касается последнего документа, то он имел особое значение для Смоленской области, так как большинство храмов сохранились и продолжали действовать именно благодаря ему. Таким образом, декларативный характер построения конструктивных взаимоотношений между государством и церковью приобрел юридические формы. Данный документ предоставил основания для регистрации религиозных общин, храмов и священнослужителей и на первом этапе послужил увеличению их количества, в том числе в Смоленской области.

Важным следствием изменения государственной политики стало регулирование имущественно-хозяйственных вопросов жизни религиозных общин и предоставление им ограниченных прав юридического лица. Выразилось это в принятии двух постановлений СНК от 24 августа 1944 г. и 22 августа 1945 г. Первый документ разрешал Госбанку СССР открывать счета для хранения средств Патриархии, епархий и приходов⁴. Постановление от 22 августа дало возможность религиозным общинам приобретать движимое и недвижимое имущество, производить товары религиозного назначения и реализовывать их. Кроме того, оговаривалась возможность оказания помощи приходам в приобретении строительных материалов для восстановительных работ. Последнее решение оказалось крайне важным, так как с 1920-х гг. во многих храмах ремонтные работы не

¹ Там же. С. 531.

² См.: *Сосковец Л.И.* Указ. соч. С. 316–317.

³ См.: *Одинцов М.И., Чумаченко Т.А.* Указ. соч. С. 121.

⁴ Законодательство о религиозных культах / Сборник материалов и документов / Под общ. ред. Куроедова В.А., Панкратова А.С. С. 32.

проводились, многие из них были разграблены и повреждены. Ситуация усугубилась военными действиями на европейской части СССР. В этой связи требовалось предпринять значительные усилия, чтобы привести здания в порядок. Ограниченное право юридического лица, помимо всего прочего, дало возможность церкви иметь собственность, но не распоряжаться ею. Все приобретаемое имущество в случае снятия с регистрации общины переходило в пользование государства. Это положение было подтверждено инструкцией Министерства финансов СССР от 7 июля 1961 г. В документе оговаривалась лишь «возможность», но не обязательность передачи предметов, используемых в обрядах (иконы, облачения, покрывала и т.д.) другим зарегистрированным приходам¹.

Рубежом «сталинской оттепели» можно считать 1948 г., который связан с определенными изменениями планов относительно церкви и ее значения во внешней политике. Кроме того, активизировалась работа МГБ по изучению деятельности религиозных организаций в СССР. И выводы, к которым пришло руководство министерства в лице ее руководителя В.С. Абакумова, были достаточно жесткими. Подчеркивалась враждебность верующих по отношению к советской власти, колхозному строю, Коммунистической партии и т.д. Указывалось на то, что религиозные организации используют все возможности для проведения «антисоветской деятельности»².

Но все же первым признаком «нового штурма небес» стало принятие постановления ЦК КПСС «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения» от 7 июля 1954 года. В его подготовке приняли участие Д.Т. Шепилов, А.Н. Шелепин и М.А. Суслов. Данное постановление Центрального Комитета партии необходимо рассматривать в общем контексте социальной и хозяйственной жизни страны. Послевоенный период был отмечен не только научно-техническими достижениями

¹ Там же. С. 35.

² См.: *Курляндский И.А.* Указ. соч. С. 559–575.

советской промышленности, но и невысоким уровнем жизни советских граждан. В этот же период наблюдается активная борьба внутри советской элиты за политическое господство, оформляются новые союзы; идеологические установки вновь становятся средством борьбы за власть. Наиболее непримиримую позицию по отношению к религии заняла группа в составе Н.С. Хрущева, Е.А. Фурцевой и М.А. Суслова. Ее участники были убеждены в том, что примиренческая позиция со стороны государства по отношению к церкви была ошибкой и отходом от «заветов Ленина». Сторонниками прежнего курса мирного сосуществования, взятого в 1940-х гг., были В.М. Молотов, К.Е. Ворошилов и Г.М. Маленков¹. Они настаивали на взвешенной религиозной политике, которая может способствовать получению в лице религиозных групп значимого инструмента для внешнеполитической деятельности страны и поддержанию лояльности среди верующих слоев населения по отношению к светской власти.

При анализе Постановления от 7 июля 1954 г. можно отметить несколько ключевых положений, которые в нем содержатся. Первое выражено в следующем фрагменте документа: «Среди некоторых партийных и советских работников утвердилось ошибочное мнение, что с ликвидацией в нашей стране классовой базы церкви и пресечением ее контрреволюционной деятельности отпала необходимость в активной атеистической пропаганде, что в ходе коммунистического строительства религиозная идеология стихийно, самотеком себя изживает»². Обратим внимание на употребленное слово «утвердилось». Здесь можно выразить упрек тем, кто ранее способствовал «утверждению ошибочного мнения», то есть предыдущим

¹ См.: *Дорош А.А.* Трансформация направленности политики Советского государства в отношении Церкви и религии в 1953–1964 гг. // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2018. № 2. С. 130.

² Коммунистическая партия Советского Союза. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898–1988) / Под общ. ред. А. Г. Егорова, К. М. Боголюбова: В 16 т. М.: Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, 1985. Т. 8. С. 429.

руководителям страны, и тем, кто продолжал занимать посты во властных структурах.

Другое замечание касалось качества научно-атеистической пропаганды среди населения. Отмечался недостаток в квалифицированных лекторах, которые могли бы на доступном языке объяснить «наиболее отсталой части населения, находившейся в плену религиозных верований и предрассудков»¹, законы мироздания, Вселенной, вопросы происхождения жизни на земле.

Еще одной важной составляющей рассматриваемого документа стали рекомендации по устранению допущенных ошибок. В этом деле в качестве главного и единственного инструмента признавался «метод убеждения, терпеливого разъяснения и индивидуальный подход к верующим людям»². В итоге мы встречаем новый инструмент борьбы против «религиозных предрассудков», который основывался на мягкой силе убеждения, а не на использовании административного ресурса при решении поставленных задач.

Однако после публикации постановления духовенство и миряне восприняли это как возобновление активного наступления со всеми сопутствующими ему элементами: закрытием храмов, судами над священнослужителями и верующими, запугиванием и притеснением. Так же оценивали новый курс и те, кто считал себя воинствующими атеистами. В результате последние стали проявлять открытую агрессию по отношению к религиозным людям и их убеждениям, а верующие писали многочисленные жалобы в Совет по делам РПЦ при Совете Министров СССР³.

Реакция на обнародование постановления не заставила себя долго ждать. На местах участились случаи «грубого администрирования» по отношению к религиозным группам со стороны тех, кто имел привычку действовать «проверенными» методами воздействия, а не методом

¹ Там же. С. 430.

² Там же.

³ *Дорош А.А.* Трансформация направленности политики Советского государства в отношении Церкви и религии в 1953–1964 гг. С. 130.

убеждения. Однако верующие также мобилизовались, и в Совет по делам РПЦ стало поступать множество писем с жалобами на неправомерные действия чиновников по отношению к верующим. Усугубились разногласия в среде партийных элит о судьбе и роли церкви в советском обществе¹.

В итоге всего через несколько месяцев после публикации Постановления от 7 июля 1954 г. было принято новое Постановление ЦК КПСС от 10 ноября того же года «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения». На следующий день документ был опубликован в газете «Правда»², что стало уникальным событием, так как в Постановлении открыто признавалась неприемлемость использования «административного вмешательства», «оскорбительных выпадов против духовенства и верующих». Все это со страниц «Правды» звучало непривычно и ново. В постановлении подчеркивалось изменившееся положение религии в советском государстве после «ликвидации эксплуататорских классов в СССР», в результате чего, была «уничтожена база, на которую опиралась церковь»³. В связи с этим, авторы документа подчеркивали наступление нового этапа борьбы с религиозным сознанием путем научного просвещения людей, повышения их культурного уровня, которому должно было способствовать улучшение материального положения народа. Так борьба перетекала из активной фазы в идеологическую плоскость. Религия в СССР признавалась чем-то отжившим свой век, и поэтому необходимо было методом культурно-просветительской работы помочь ей полностью исчезнуть.

Однако в последнем постановлении можно обнаружить и причину тех ошибок, которые сопровождали культурно-просветительскую работу в Советском Союзе: «ЦК КПСС считает, что положительные результаты в

¹ *Потапова Н.В.* Указ. соч. С. 171.

² Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения // Правда. 1954. 11 ноября. № 315.

³ Коммунистическая партия Советского Союза. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898–1988). С. 448.

воспитательной работе, направленной на преодоление религиозных пережитков, могут быть достигнуты лишь при условии дальнейшего подъема всей нашей культурно-просветительской работы среди трудящихся, значительного улучшения деятельности Дворцов культуры, клубов, библиотек, читален, лекториев, парков культуры и отдыха и других культурно-просветительских учреждений. Поэтому задача партийных, государственных и общественных организаций состояла в том, чтобы коренным образом улучшить культурно-просветительскую работу среди населения»¹.

Исполнение этой задачи встретило ряд проблем. Во-первых, директива предполагала стремление к значительному улучшению деятельности Дворцов культуры, клубов и прочих культурно-массовых площадок. А это означало необходимость вложения значительных материальных средств. Во-вторых, в самом документе отмечалась нехватка квалифицированных кадров для проведения качественных лекций, докладов, выступлений в печати и на радио. Где было взять такие кадры, которые бы обладали достаточной компетентностью? Для этого опять же необходимо было готовить подобных людей, выплачивать им соответствующее материальное довольствие и проч. При выполнении поставленных задач нужно было планомерно и поступательно готовить почву для их воплощения в жизнь. Но в это же время необходимо было с мест присылать в центральные государственные структуры отчеты о проделанной работе, достигнутых результатах, количестве проведенных лекций, выпущенных печатных материалах, уменьшении количества верующих граждан и т.д. Для достижения этих целей требовалось действовать «большевистскими темпами», что и привело в итоге к «перегибам» на этом участке работы.

Как бы то ни было, Постановление ЦК КПСС от 7 июля 1954 г. оставалось руководящим документом при определении политики советского государства в отношении Русской Православной Церкви все последующие

¹ Там же. С. 450.

годы руководства Н.С. Хрущева. Цели, которые были в нем поставлены, требовалось планомерно воплощать в жизнь.

Важнейшим инструментом влияния на финансово-хозяйственную жизнь церкви являлось налоговое законодательство СССР. Так, подоходный налог использовался в качестве эффективного финансового рычага, призванного изъять «излишки» церковных доходов в пользу государства. О важности этого вопроса говорит то, что он был поднят в ходе встречи трех иерархов с И.В. Сталиным 4 сентября 1943 г. Данное обращение возымело эффект, так как налоговая нагрузка на епархии уменьшилась. Однако, по замечанию протоиерея Димитрия Сафонова, в связи с тем, что в Указе от 30 апреля 1943 г. «О подоходном налоге с населения» отсутствовала категория «священнослужитель», для финансовых органов оставалось широкое поле для трактовок законодательства и различных злоупотреблений при начислении налогов¹. Об этом свидетельствует тот факт, что тема налогообложения была поднята на заседании Священного Синода 8 февраля 1954 г. В журнале № 1 сообщается о том, что: «В течение ряда лет в Патриархию из большинства епархий поступают жалобы на затруднительные взаимоотношения духовенства с местными финорганами по вопросам налогообложения духовенства»². В документе фиксируется следующая информация:

- Род деятельности духовенства не соответствует статье подоходного налога;
- Священнослужители не имеют фиксированного дохода от совершения треб, а получают различные суммы пожертвований, фиксация которых возможна лишь путем ведения «Книг записей причтовых доходов»;
- Финансовые органы игнорируют данные записи и произвольно определяют размер получаемого дохода для соответствующего обложения его подоходным налогом;

¹ Сафонов Д., *свящ.* Указ. соч. С. 170–171.

² АСЕУ. Переписка с Московской Патриархией. Выписка из журнала № 1 заседания Священного Синода от 8 февраля 1954 г.

– Имеются случаи некорректного поведения работников финорганов при использовании собственных «методов» подсчета доходов церковнослужителей (подсчет просфор, записок и кассы во время богослужения, опрос молящихся);

– В результате произвольного определения размера дохода, суммы начисленных налогов зачастую являются непосильными. В этой связи некоторые священнослужители вынуждены прекращать свое служение и выходить на пенсию либо за штат¹.

В сообщении патриарха Алексия (Симанского) подчеркивалось, что данные случаи имели массовый характер. Вследствие этого патриарх предложил подготовить обращение в финансовые органы с ходатайством о рассмотрении вопроса по налогообложению духовенства, а также издании инструкции по определению доходности приходов и начислению подоходного налога. В итоге, вышло постановление, согласно которому все члены Священного Синода просили патриарха Алексия представить Совету по делам РПЦ предложения по урегулированию данного положения для возбуждения перед правительством вопроса об изменении существующих правил². Дальнейшие события показали, что решение этого вопроса не имело развития.

Гораздо больший урон финансово-хозяйственной деятельности должен был нанести шаг государства по увеличению обложения подоходным налогом свечных мастерских³. Положение церкви, в связи с принятием постановления «О налоговом обложении доходов предприятий епархиальных управлений, а также доходов монастырей» от 16.10.1958 г., осложнялось тем, что оно вступало в силу с 1 октября. Храмы вынуждены были оплатить налог за уже проданные свечи и, соответственно, заново верстать годовой бюджет. Однако не все приходы обладали запасом средств на подобные траты.

¹ См.: Там же.

² Там же.

³ См.: Чумаченко Т.А. Государство, православная церковь, верующие. 1941–1961 гг. М.: АИРО-XX, 1999. С. 185–186.

«Патриархат захлестнула волна отчаянных просьб о помощи»¹, – отмечает М.В. Шкаровский.

Записка Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам «О недостатках научно-атеистической пропаганды» от 12 сентября 1958 г. послужила отправной точкой для нового витка наступления на «религиозные пережитки» в СССР. В данном документе констатировалось, что Постановления ЦК КПСС от 7 июля и 10 ноября 1954 г. партийными организациями и различными профильными ведомствами не выполнялись. Этот вывод подкреплялся фактологической базой, которая свидетельствовала об укреплении позиций Русской Православной Церкви среди населения страны². Наряду с этим отмечались случаи «грубого администрирования» по отношению к верующим, что уже неоднократно признавалось неэффективным инструментом для убеждения населения во вредности религиозных взглядов. В документе был представлен набор мер для исправления существующих недостатков. Направлены они были, в первую очередь, на создание необходимого кадрового потенциала. Предполагалось достичь этой цели за счет создания широкой сети курсов для подготовки лекторов и преподавателей на ниве научно-атеистической пропаганды. Усиление работы с молодежью в школах, вузах и рабочих коллективах также являлось приоритетным направлением³.

В активную фазу государственный курс на искоренение религии в СССР вступил после представления Записки заместителя председателя Совета по делам РПЦ П.Г. Чередняка в ЦК КПСС о мерах по реализации постановления ЦК КПСС от 4 октября 1958 года. В их числе первым мероприятием значилось увеличение налога на свечи для производств Московской патриархии, что должно было привести к значительному

¹ Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь в XX веке. С. 363.

² См.: Чумаченко Т.А. Государство и Русская Православная Церковь в 1958–1964 годах: новая политическая борьба с религией, церковью и верующими // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 19. С. 82–90.

³ РГАНИ. Ф. 4. Оп. 16. Д. 554. Л. 5–13.

падению ее доходов. Второй мерой значилось ограничение количества монастырей и рамок их деятельности. Согласно Постановлению Совета Министров СССР от 16 октября 1958 г., для монастырей устанавливались повышенные налоговые ставки с монастырских земельных участков и вводился налог на строения и земельную ренту¹, тем самым отменялся 4-й пункт Постановления СНК от 29 августа 1945 г., согласно которому монастыри освобождались от последнего. Постановление Совмина от 16 октября 1958 г. запрещало монастырям использовать наемный труд, а Советам министров союзных республик, Совету по делам Русской Православной Церкви и Совету по делам религиозных культов поручалось «изучить вопрос о возможности сокращения количества монастырей и скитов»².

Также наносился удар по особо почитаемым святым местам, притягивавшим к себе множество паломников. Водные источники засыпались землей либо же иными способами делались непригодными для использования в религиозных целях. Предполагалось значительно ослабить приток молодых и наиболее способных кадров в духовные учебные заведения путем запрета лицам, имевшим среднее специальное и/или высшее образование, обучаться в духовных школах³.

Новый этап политики установления законности в религиозных организациях был ознаменован Постановлением ЦК КПСС «О мерах по ликвидации нарушений советского законодательства о культах» от 13 января 1960 г.⁴ Именно после принятия данного документа, по мнению Т.А. Чумаченко, Г.Г. Карпов покинул свой пост председателя Совета по

¹ Законодательство о религиозных культах / Сборник материалов и документов. Под общ. ред. Куроедова В.А., Панкратова А.С. С. 35.

² Там же. С. 36.

³ РГАНИ. Ф. 4. Оп. 16. Д. 554. Л. 18–20.

⁴ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1649. Л. 161.

делам РПЦ, который он занимал в течение многих лет¹. В постановлении указывалось на слабую работу в области атеистической пропаганды и контроля за деятельностью духовенства и приходов. Главная вина за допущенные ошибки возлагалась на Совет по делам РПЦ и его уполномоченных. Сотрудники Совета обвинялись в непоследовательности при проведении религиозной политики партии и потворстве религиозным организациям².

Параллельно шло ужесточение ответственности за нарушение советского законодательства, касающегося соблюдения норм Декрета об отделении церкви. 27 октября 1960 г. в Уголовный кодекс РСФСР была введена 142 статья («Нарушение закона об отделении церкви от государства и школы от церкви»). Она достаточно лаконична: «Нарушение законов об отделении церкви от государства и школы от церкви – наказывается исправительными работами на срок до одного года или штрафом до пятидесяти рублей. Те же деяния, совершенные лицом, ранее судимым за нарушение законов об отделении церкви от государства и школы от церкви, а равно организационная деятельность, направленная к совершению этих деяний, – наказываются лишением свободы на срок до трех лет»³.

В чем же заключалось нарушение закона? Никаких комментариев не давалось, в связи с чем поступало множество вопросов о том, что подразумевается под нарушением законов. Лишь спустя 6 лет было выпущено Постановление Президиума Верховного Совета РСФСР от 18 марта 1966 г., которое разъясняло условия применения данной статьи⁴. Среди противоправных действий упоминалось «совершение обманных действий с

¹ Чумаченко Т.А. Совет по делам Русской Православной Церкви при СМ СССР и его уполномоченные в первой половине 1960-х годов: структура, формы и методы работы // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 30. С. 74.

² ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1646. Л. 143–148.

³ Законодательство о религиозных культах / Сборник материалов и документов. Под общ. ред. Куроедова В.А., Панкратова А.С. С. 197.

⁴ Там же. С. 198.

целью возбуждения религиозных суеверий в массах населения»¹. Под обманными действиями, можно предположить, понимались случаи чудотворения от икон, источников, исцеления больных и т.д. Однако это лишь предположение, если учитывать, что, согласно представлениям материализма и марксизма, религия была сама по себе «обманным действием», то под этот пункт мог подпасть широкий круг деяний, которые бы убеждали людей в истинности религии.

После публикации Постановления ЦК КПСС «О мерах по ликвидации нарушений советского законодательства о культах» 16 марта 1961 года была выпущена секретная Инструкция по применению законодательства о культах. Н.В. Потапова в статье о правовом регулировании деятельности Русской Православной Церкви в период 1940–1980-е гг. дает такую оценку этому документу: «Секретная инструкция по применению законодательства о культах в марте 1961 г. акцентировала внимание на том, что служители культа не имеют права вмешиваться в распорядительную и финансово-хозяйственную деятельность религиозных объединений»². В самой Инструкции относительно управления финансово-хозяйственной частью общины мы находим следующее: «Для управления делами религиозного общества, выполнения функций, связанных с пользованием культовым имуществом и денежными средствами, религиозное общество избирает из среды своих членов на собрании верующих открытым голосованием исполнительный орган в количестве трех человек»³. В число этих трех человек входили староста, помощник старосты и казначей. Примечательным является то, что в документе ни разу не упомянута фигура настоятеля прихода, что сводило его руководящие функции на нет.

Таким образом, оценка Н.В. Потаповой постановления вполне объективна. Подобные изменения подрывали приход изнутри, так как

¹ Там же.

² *Потапова Н.В.* Указ. соч. С. 173.

³ Законодательство о религиозных культах / Сборник материалов и документов. Под общ. ред. Куроедова В.А., Панкратова А.С. С. 78.

управление общиной отдавалось группе людей, кандидатуры которых должны были удовлетворять органы власти. Последние имели по своему усмотрению «право отвода отдельных лиц из состава членов исполнительного органа и ревизионной комиссии»¹. Такого права не было у священнослужителей или церковных органов управления.

В Инструкции от 16 марта 1961 г. был затронут вопрос о пастырской деятельности священнослужителей. По сути, она полностью была ограничена рамками богослужения. Запрещалось проводить какие-либо специальные молитвенные собрания для детей, юношей и женщин, организовывать курсы по обучению основам веры и религиозным дисциплинам, паломничества и сборы средств нуждающимся. Священник, согласно Инструкции, ставился в положение совершителя богослужений и требоисполнителя.

Положения Инструкции были закреплены решениями Архиерейского собора, прошедшего в Троице-Сергиевой лавре 18 июля 1961 г. Д.В. Поспеловский дает следующую оценку этому важному событию: «Самым трагичным для церкви стало изменение Церковного положения, проведенное от имени Собора епископов, собравшегося в Троице-Сергиевой лавре 18 июля 1961 г. Это совещание с трудом может быть названо собором, поскольку епископы приехали по телеграммам от патриарха, в которых ничего не говорилось о цели вызова. Епископы прибыли накануне памяти Св. Сергия во время всенощного бдения. На следующий день они совершили продолжительную литургию, затем обедали и после этого были препровождены в зал заседаний, все еще не имея представления о повестке неожиданного для них обсуждения»². В большей степени с этим мнением согласен историк Русской Церкви протоиерей Владислав Цыпин, заметивший, что участники собора были поставлены перед фактом принятия отредактированного Положения об управлении РПЦ, согласно которому

¹ Там же. С. 78.

² *Поспеловский Д.В.* Указ. соч. С. 289.

настоятель мог заниматься лишь «духовным руководством прихожан», не входя в управление финансово-хозяйственной жизнью прихода¹.

Идеологические установки являлись определяющими в политике советского государства. Материалистическая идеология марксизма-ленинизма не могла мириться с тем, что существует значительная часть людей, имеющих религиозное мировоззрение. В связи с этим борьба с Русской Православной Церковью как одним из влиятельных общественных институтов страны являлась важной составляющей во внутренней политике СССР, чье руководство стремилось уменьшить влияние Русской Церкви на общество, для чего предпринимало соответствующие времени и ситуации меры. Тем более подобная политика стала актуальной в рамках борьбы с наследием культа личности И.В. Сталина, который на короткий промежуток времени дал церкви возможность восстановить свою структуру и вернуть некоторые позиции в обществе. Однако новое руководство не могло действовать старыми методами устранения ошибок в исполнении закона о религиозных объединениях. Если в 1930-е–1940-е гг. прошлого столетия власть пользовалась преимущественно репрессивными методами, то после короткого периода «оттепели», в 1950-е–1960-е гг. акцент сместился в сторону идеологических, правовых и финансовых рычагов воздействия, которые применялись под лозунгом об искоренении нарушений «советской законности».

¹ Цит. по: *Цыпин В., прот.* История Русской Церкви. С. 395.

1.2. Статус и функционирование уполномоченных Совета по делам РПЦ в структуре органов власти Смоленской области 1943–1964 гг.

Проблематика функционирования института уполномоченных Совета по делам РПЦ в постсоветский период приобрела значительное место в работах, посвященных государственно-конфессиональным взаимоотношениям в СССР. Несмотря на большой объем имеющихся источников по обозначенному вопросу, мнения и оценки общества и профессиональных исследователей о роли и значении этого государственного органа в вероисповедной политике государства значительно расходятся. Одна сторона в полной мере возлагает всю тяжесть недостатков и сбоев в жизни религиозных объединений на уполномоченных. Другая учитывает всю сложность политического ландшафта того или иного исторического периода и внутрицерковных процессов, характерных для него.

Совет по делам РПЦ был создан с целью взаимодействия советского правительства и Московского Патриархата. Руководящим документом вновь созданного органа стало «Положение о Совете по делам Русской православной церкви при СНК СССР», принятое 7 октября 1943 г. В отдельной графе документа было зафиксировано создание института уполномоченных, действующих на уровне союзных республик, автономных областей, краевых и областных исполнительных комитетов. Таким образом, вновь созданный орган имел консультационные функции при органах исполнительной власти. Влияние структур государственной безопасности на его деятельность было значительно снижено и ограничивалось надзором. Последнее замечание является важным, учитывая то, что с 1938 г., когда была упразднена Комиссия по делам культов, именно НКВД–НКГБ являлось единственным государственным учреждением, курировавшим деятельность религиозных организаций. Несмотря на то, что сам Г.Г. Карпов и значительное число сотрудников Совета и уполномоченных ранее служили в

спецслужбах, между Советом и НКГБ возводилась «видимая преграда»¹. Это выражалось в секретных ориентировках, в которых была обозначена недопустимость вмешательства в деятельность новых «специальных органов» по взаимодействию с религиозными организациями и использование их в собственных оперативных целях².

На плечи государственных чиновников ложилась задача по претворению в жизнь новой государственной политики по отношению к Русской Православной Церкви. Назначение на должность уполномоченного происходило путем выбора кандидатуры из сотрудников местного областного исполкома партии, после чего она утверждалась в Совете. Немаловажной чертой работы уполномоченных являлось ее финансирование из областных бюджетов. В этой связи можно говорить о включении вновь созданной единицы в территориальную систему исполнительных органов. Последние, в свою очередь, опирались на идеологические установки партии. Поэтому Совет по делам РПЦ и его уполномоченные на местах неизменно должны были согласовывать свои действия, учитывая «колебания линии» партии, практику и обстоятельства функционирования местных органов власти.

Осуществление контроля за деятельностью церкви и выстраивание церковно-государственных взаимоотношений требовало от назначаемых на пост уполномоченного Совета в регионе определенного уровня опыта и знаний. Однако, учитывая историческую ситуацию, не всегда возможно было найти достаточно компетентного администратора на эту должность. Первым уполномоченным в Смоленской области был Н.Л. Митин, занявший свой пост после деятельности в сельском хозяйстве³. Последнее обстоятельство характеризует отношение к новому направлению работы со стороны местных

¹ Смолкин В. Указ. соч. С. 133.

² См.: Там же.

³ Каиль М.В. Послевоенное православие: епископат, духовенство и государственное регулирование церковной жизни в СССР (1943–1953 годы). С. 22–35.

органов власти, а также самого назначенного, его опыт и знания в религиозных вопросах.

О компетентности Н.Л. Митина свидетельствует следующий случай из его отчета, в котором сообщалось о том, что в г. Рославле появился протоиерей Петр Черных, который, по мнению уполномоченного, претендовал на место смоленского епископа. В характеристике, которую дал уполномоченный священнику, отмечалось, что тот «в прошлом монах, имеет большое общение с народом, с церковниками не в ладу, епископа не признает. Непосредственно обращался в Московскую патриархию с просьбой о назначении его Смоленским епископом»¹. Для уполномоченного вполне нормальным является то, что протоиерей был монахом. Другие же сведения говорят о неадекватном восприятии действительности бывшим монахом «не признающим архиерея». Об этом уполномоченный считает важным сообщить Совету. В этой связи не вызывает удивления тот факт, что уполномоченному на пленумах Обкома ВКП(б) и закрытых партийных бюро, посвященных церковной жизни, не предоставлялось слова, потому что это «считалось излишним»².

Н.Л. Митин неоднократно признавал отсутствие у себя достаточных компетенций. В заключение одного из своих отчетов, он обращается в Совет с просьбой, текст которой в лучшей степени отражает восприятие себя и своих задач уполномоченного Совета в Смоленской области³: «Мы, уполномоченные, в своей повседневной работе встречаемся с людьми в высшей степени политически и общеобразовательно грамотными, культурными и имеющими большой жизненный опыт. Для того чтобы иметь возможность оппонировать своему собеседнику, необходимо иметь соответствующую политическую зрелость, дабы правильно разрешить тот или другой вопрос, поставленный посетителем. Мне кажется, что

¹ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 4. Л. 6.

² ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 5. Л. 67.

³ Здесь и далее в цитатах орфография и пунктуация сохранены, согласно первоисточникам.

уполномоченный не только должен, но обязан свободно разбираться в политических вопросах международного порядка и уметь правильно определить политическую обстановку момента... Принимая во внимание ответственность работы уполномоченного и чувствуя необходимую потребность приобретения всесторонних знаний, прошу организовать курсы по переподготовке уполномоченных совета»¹. Для полноты картины стоит учитывать то, чему уполномоченный посвящал большую часть своего рабочего времени. В 1947 г. Н.Л. Митин представил отчет о командировках по области за год. Из документа следует, что чиновник, отвечающий за взаимодействие государства с РПЦ, из 136 суток 123 дня выполнял выездную работу в районах «по линии Обкома ВКП(б)» и лишь 13 дней посвятил деятельности «по делам Совета»². Это сообщение красноречиво свидетельствует как о мотивации в развитии навыков по работе с церковью, так и о характере выполняемых уполномоченным функций.

Важным инструментом в работе с общинами и епископом Н.Л. Митин считал принцип «*divide et impera*». Так, члены прихода Преображенского храма г. Рославля обратились к уполномоченному с просьбой «воздействовать на епископа в деле наведения порядка в их церковном приходе». Верующие обратили внимание на то, что несмотря на многочисленные обращения к епископу и неоднократные встречи с прихожанами, так и не удалось достичь соглашения по удалению из прихода лиц, которым оказывалось покровительство со стороны правящего архиерея. Ходатаи были перенаправлены в Патриархию³.

Имеется и иной случай влияния Н.Л. Митина на взаимоотношения между епископом и духовенством. В отчете за 1949 г. он дает положительную для любого священнослужителя характеристику настоятелю кафедрального собора – протоиерею Валентину Поликарпову. В ней подчеркивается активность священника в деле проповеди и налаживания

¹ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 4. Л. 22.

² ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 5. Л. 55.

³ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 9. Л. 12.

«крепких устоев среди верующего населения». Все это, как замечает Митин, «не играло им на руку». В результате «по предложению Обкома партии» уполномоченный в ходе одной из бесед с епископом обратил внимание последнего на то, что Поликарпов пользуется большим уважением и влиянием в среде духовенства, чем правящий архиерей. Подобный подход возымел свой результат: епископ стал более подозрителен во взаимоотношениях с настоятелем собора. В Патриархию стали поступать многочисленные доносы, результатом которых стал перевод Поликарпова в Чебоксары¹.

Преемником Н.Л. Митина стал Г.Н. Галинский. Он вступил в свою должность в 1952 г. В это время наметилась тенденция к ужесточению контроля за деятельностью Русской Православной Церкви со стороны государства. Это, в свою очередь, привело к повышенному вниманию со стороны Совета к работе уполномоченных. Однако еще с конца прошлого десятилетия ряд высокопоставленных лиц партии инициировали пересмотр места религии в советском государстве. Среди этих чиновников был и секретарь ЦК ВКП(б) М.А. Суслов, под руководством которого в 1949 г. был разработан проект под названием «О мерах по усилению пропаганды научно-атеистических знаний»². Это свидетельствовало о направляющем влиянии высшего партийного руководства на непосредственное поле деятельности Совета и послужило дискредитации его уполномоченных в глазах местных органов власти и партийной номенклатуры.

Г.Г. Карпов не мог смириться с ухудшением положения своего ведомства и всячески стремился заручиться поддержкой иных сил. Им было направлено письмо на имя И.В. Сталина с предложением о повышении эффективности института уполномоченных путем наделения их большими властными полномочиями, увеличения штата сотрудников центрального аппарата и фонда заработной платы. Также глава Совета предлагал запретить

¹ Там же. Л. 11–12.

² Чумаченко Т.А. Государство, православная церковь, верующие. С. 115.

использование уполномоченных региональными властями на иных участках работы и смещения их с должности без согласования с центральным аппаратом¹. Таким образом, содержание этого письма указывает на проблемные стороны деятельности Совета, обострившиеся в кризисный для ведомства период. Ответа на письмо так и не было получено. Также и К.Е. Ворошилов, осуществлявший надзор за деятельностью Совета, не решался выступать против части партийных элит и предпринимать каких-либо мер для разрешения складывающейся ситуации².

Партия не могла мириться с тем, что важное поле «идеологической работы» находилось под влиянием Совета, который подчинялся Совету министров СССР. Тогда ЦК ВКП(б) вынес постановление, согласно которому деятельность Совета ограничивалась посредничеством между Русской Православной Церковью и правительством страны. Также Совету необходимо было подготовить новую редакцию «Положения о Совете по делам РПЦ», в котором было бы зафиксировано упразднение института уполномоченных. Серьезным ударом по авторитету Совета и его руководителя стало вынесение выговора лично Г.Г. Карпову «за грубое нарушение директив партии и правительства об отношении к церкви и превышение предоставленных прав»³. В итоге статус Совета был понижен до комитетов и комиссий при Совмине. При этом новая конфигурация лишала Совет права издавать распоряжения местным властям, эта прерогатива оставалась исключительно у Совмина СССР.

Вскоре от Совета последовали предложения по совершенствованию идеологической работы в отношении религии. Его функционеры предлагали сократить количество духовных учебных заведений, ограничить издательскую деятельность Патриархии и ликвидировать монастыри. Подобные предложения шли вразрез с позицией Г.Г. Карпова и его сторонников, последовательно отстаивавших более умеренную политику в

¹ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 291. Л. 243–249.

² Смирнова О.С. Указ. соч. С. 86.

³ Цит. по: Чумаченко Т.А. Государство, православная церковь, верующие. С. 117–118.

отношении церкви. Эти перемены, как отмечает Т.А. Чумаченко, были продиктованы опасением чиновников Совета не только за будущее этого органа, но и за свои жизни, что имело под собой серьезные основания, так как именно в этот период разворачивалось знаменитое «Ленинградское дело»¹.

Резолюция И.В. Сталина на первой странице подборки материалов проекта – «Решения не принимать», положила конец всем дальнейшим попыткам преобразования Совета по делам РПЦ. Произошедшее нанесло ощутимый удар по авторитету этого органа и его уполномоченных на местах. Местные власти, наблюдавшие за тяжелой ситуацией, в которой находились чиновники, отвечавшие за взаимодействие с Русской Православной Церковью, несомненно действовали в русле политики партии. Последняя же низко оценивала эффективность Совета, и лишь личное распоряжение руководителя государства остановило его реорганизацию.

В 1948–1949 гг. оформилась новая модель функционирования Совета, который с этого времени был вовлечен в непосредственную зону влияния ЦК Партии. Более того, его статус в качестве элемента структуры в СМ СССР также был понижен, так как вошел в ведение вновь созданного Бюро по культуре. Это наложило свой отпечаток на деятельность Совета и его уполномоченных, которые в дальнейшем, по замечанию Т.А. Чумаченко, должны были руководствоваться, в первую очередь, не законодательными, а идеологическими установками².

После смерти И.В. Сталина положение Совета стало неопределенным. Ни ЦК КПСС, ни Правительство не давали ответа на все запросы Совета о характере его дальнейшей деятельности. Поэтому в течение 1953–1954 гг. политика уполномоченных осуществлялась в прежнем русле исполнения функций арбитра между государством и церковью. Об этом идет речь в замечании членов Совета на один из отчетов Г.Н. Галинского за 1953 г. Так,

¹ Там же. С. 119.

² Там же. С. 124–125.

согласно сведениям из отчета за четвертый квартал 1953 г., епископ Смоленский Сергей обращался к уполномоченному за содействием в постройке архиерейского дома, а священник из г. Сычевка А. Чугунов передал Г.Н. Галинскому заявление от церковного совета о разрешении на строительство новой церкви на окраине города взамен имеющейся, которая не вмещала в себя всех верующих. В обоих случаях уполномоченный направлял просителей обращаться непосредственно к местным властям¹. Совет со своей стороны раскритиковал подобные решения и по первому вопросу указал Г.Н. Галинскому на необходимость самому решить вопрос о строительстве архиерейской усадьбы в Горисполкоме, относительно же строительства храма в Сычевке ему необходимо было также самому связаться с местными властями, собрать информацию и обратиться в Совет за решением².

Подобная стратегия перекладывания ответственности на центральный аппарат Совета и отказ от скрупулезной работы сложилась еще при предшественнике Г.Н. Галинского. Подобный вывод можно сделать, анализируя переписку и отчеты Н.Л. Митина, содержание и стилистика которых свидетельствуют о поверхностном понимании им своих задач. Об этом же идет речь в замечаниях к отчету уполномоченного за 4 квартал 1945 г.: «При рассмотрении информационного отчета за IV квартал 1945 г. Совет обращал Ваше внимание на более внимательные проверку и рассмотрение заявлений верующих об открытии церквей, однако это ведется Вами по-прежнему формально и поверхностно...»³. Причиной указанных недостатков могли быть как личные качества чиновника, так и недостаточно четкие инструкции со стороны Совета.

Отдельное внимание стоит уделить сотрудничеству уполномоченного и сотрудников Министерства государственной безопасности в Смоленской области. Взаимодействие было постоянным и многоаспектным. Некоторые

¹ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 14. Л. 23–24.

² ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 16. Л. 1.

³ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 5. Л. 4.

фрагменты документов иллюстрируют характер этого взаимодействия, которое состояло в обязательной консультации со служащими из МГБ по различным вопросам, в том числе кадровым, а также в предоставлении информационных справок. В отчете за 1952 г. Л.Н. Митин упоминает о конфликте с одним из сотрудников госбезопасности майором Соколовым, который в грубой форме требовал от уполномоченного предоставления докладной записки в Обком ВКП(б) и всячески ему угрожал. В результате конфликт дошел до первого секретаря Смоленского Обкома¹. Что касается решения кадровых вопросов, то Г.Н. Галинский в отчете за I квартал 1953 г. упоминает о консультации с сотрудником МГБ «тов. Левиным», который не рекомендовал принимать в Смоленск из Пинской епархии священника Пиленого, названного Левиным «нежелательной личностью»². Пиленого претендовал на место соборного клирика, однако после беседы с уполномоченным епископ Сергей (Смирнов) поменял свое решение и не принял его в Смоленскую епархию. Некоторое влияние на принятое решение оказал настоятель собора свящ. В. Никитский, высказавший на приеме у уполномоченного недовольство тем, что архиерей «в последнее время стал тянуть с запада священников»³. Таким образом, уполномоченные Совета оказывали информационную поддержку органам государственной безопасности, а последние корректировали кадровый состав духовенства Смоленской епархии через уполномоченных.

Случай со священником Пиленогой был упомянут в замечаниях Совета к докладу Г.Н. Галинского и обнаружил недостатки последнего в выстраивании взаимоотношений с местными органами власти. Заместитель председателя Совета С.К. Бельшев и член Совета И.И. Иванов назвали ошибочным решение смоленского уполномоченного относительно отказа в предоставлении регистрации священнику из БССР, который на момент оформления имел прописку в Смоленске и указ архиерея о назначении на

¹ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 12. Л. 40.

² ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 16. Л. 4.

³ Там же.

приход. Относительно же «нежелательности» Пиленоги чиновники из центрального аппарата отметили: «Выяснением его личности пусть занимаются органы МВД». И далее Г.Н. Галинскому была дана следующая инструкция: «Вам надо добиться через облисполком такого порядка, чтобы все вопросы, относящиеся к церкви, представители местных органов решали через Уполномоченного Совета»¹. Из данного указания следует, что не уполномоченный обязан был решать возникавшие вопросы через местные органы, в том числе безопасности, а наоборот, к нему должны были обращаться за консультацией и рекомендациями.

Таким образом, к 1953 г. уполномоченному Совета в Смоленской области не удалось очертить и закрепить четкие границы своих полномочий в разрешении тех или иных ситуаций, в результате чего совершались ошибочные действия и происходили случаи превышения своих полномочий местными органами. Эти и иные факторы не позволяли уполномоченному иметь возможность в полной мере исполнять свои функции.

Подтверждением этому служит случай, произошедший в г. Велиже, куда для отпевания покойника был приглашен священник из г. Демидова. Священник Исаев в последний свой приезд в Велиж был оштрафован местной милицией на 100 рублей за нарушение паспортного режима, о чем он написал жалобу архиерею, а тот переадресовал ее уполномоченному. Г.Н. Галинский выяснил, что представители местного правопорядка сами создали условия, при которых Исаев должен был задержаться более чем на 48 часов. Во избежание новых конфликтных ситуаций Исаев по приезде в Велиж решил отправиться к председателю райисполкома Дмитриеву. По словам Исаева, председатель сразу же сообщил ему о запрете совершать требы в Велиже. На замечание Исаева Дмитриеву о том, что у него нет подобного права, тот пригрозил священнику в случае нарушения запрета выдворить его с помощью милиции из города. Тогда Исаев попросил его позвонить уполномоченному, на что Дмитриев ответил:

¹ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 16. Л. 14.

«Мне нет никакой нужды звонить, кому нужно тот позвонит мне»¹. Через некоторое время между Дмитриевым и Г.Н. Галинским состоялся телефонный разговор, в котором последний убедил председателя райисполкома больше подобных действий не совершать.

Значительные изменения в направлении деятельности Совета наступили после публикации Постановления ЦК КПСС «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах её улучшения» (7 июля 1954 г.). Совет по делам Русской православной церкви не мог оставить этот документ без внимания.

Были разработаны новые инструкции, учитывающие положения нового Постановления «О формах и методах идеологического воздействия церкви на верующих в настоящее время»². Представители духовенства отныне именовались «идеологическими врагами», деятельность которых должна была «оттянуть неизбежный конец своего существования»³. Показательным является то, что председатель Совета Г.Г. Карпов ограничивал практическую деятельность уполномоченных информированием партийных и государственных структур по вопросам, относящимся к деятельности церкви⁴. Однако порой уполномоченные выполняли функции, которые мало были связаны с их непосредственными обязанностями. Подтверждением тому служит происшествие, зафиксированное в информационном отчете за первое полугодие 1955 г. Г.Н. Галинскому поступила жалоба от благочинного В. Никитского о том, что в с. Печерске в церковь, в которой находился ее настоятель священник Егоров, вошел неизвестный и потребовал от него денег. Получив отказ, неизвестный набросился на священника и нанес ему тяжкие повреждения, в результате которых священник потерял сознание. После обращения к местным властям никаких мер к задержанию преступника принято не было. В результате, уполномоченный сам обратился

¹ Там же. Л. 25–26.

² ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1115. Л. 87–112.

³ Там же. Л. 88.

⁴ Там же. Л. 112.

в областное УМВД с просьбой принять неотложные меры к задержанию и привлечению к ответственности¹ преступника, хотя подобные дела должны были решаться в общем порядке.

Смерть И.В. Сталина и проведение XX съезда КПСС существенно изменили последующую деятельность Совета. Его положение стало крайне неустойчивым, так как Совет был наследием эпохи умершего вождя, чья личность и методы управления стали подвергаться все большей критике бывших соратников. В этом контексте для руководства Совета и его уполномоченных неясной оставалась ситуация с тем, как относиться к прошлой стратегии, проводившейся в период управления страной И.В. Сталиным, и как на практике осуществлять требования к следованию «социалистической законности». Тем не менее последующие действия и выступления сотрудников Совета и его уполномоченных показали, что в этой структуре не находилось сторонников резкого изменения стратегии взаимоотношений с РПЦ. Об этом красноречиво свидетельствует выступление председателя Совета на совещании с участием уполномоченных, в котором Г.Г. Карпов в качестве приоритетных задач Совета обозначил выстраивание и обеспечение прагматичных и устойчивых взаимоотношений государства и церкви с целью недопущения радикализации верующих по отношению к государственной власти².

В 1956 г. в трудовое законодательство СССР были внесены изменения, согласно которым оно распространялось на лиц, работающих в религиозных организациях. По новым правилам, с этой категорией граждан в обязательном порядке должен был быть заключен трудовой договор, который позволял бы им вступать в профсоюзы. Данное решение могло быть продиктовано как заботой государства о людях, так и стремлением усилить свой контроль за этой группой верующих, которая в отличие от священно- и церковнослужителей оставалась, как правило, вне поля зрения

¹ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 20. Л. 7.

² Цит по: *Одинцов М.И.* Государство и церковь в России. XX век. М.: Луг, 1994. С.117–118.

государственных органов. Более того, изменение законодательства дало возможность осуществлять контроль за выделением оплаты труда, которая имела на 1957 г. закреплённый государством минимальный размер. В городах он составлял 300 рублей, а в сельской местности – 270 рублей. Все это создавало проблему для малоодоходных сельских приходов. Так, в одной из бесед с уполномоченным епископ Смоленский Михаил (Чуб) сообщил собеседнику о том, что в некоторых приходах техническим рабочим, на которых распространялось действие нового закона, выплачивалась зарплата в размере 100–150 рублей, и интересовался, достаточно ли этого, на что получил отрицательный ответ¹. Таким образом, в задачи уполномоченного входило информирование и разъяснение нового законодательства, однако какого-либо вмешательства в дела епархии или активной деятельности по «устранению» нарушений законодательства со стороны уполномоченного в описываемый период не наблюдается.

Сложившаяся ситуация не могла удовлетворить руководство ЦК КПСС. Поэтому в 1957 г. начинается кадровая перестройка Совета. Первым был уволен руководитель Отдела по делам центрального управления церкви Г.Т. Уткин. На пенсию ушли заведующий инспекторским отделом И.И. Иванов и заместитель председателя Совета С.К. Бельшев. На место последнего был назначен бывший инструктор Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС П.Г. Чередняк², что должно было ускорить корректировку приоритетов в работе Совета.

Что касается уполномоченного по Смоленской области, то кадровых изменений не последовало. Однако сохранилась выписка из протокола заседания Совета, в которой давалась в целом положительная оценка работы Г.Н. Галинского. Среди недостатков упоминалось слабое взаимодействие с местными партийными органами власти, а также неудовлетворительное информирование Совета о религиозной обстановке в регионе. Кроме того,

¹ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 24. Л. 10.

² ГАСО. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 30. Л. 5–6.

давалось указание на более тщательное изучение финансово-хозяйственной деятельности епархии и приходов. Из данного документа, который был разослан всем уполномоченным, следует несколько ключевых установок, которыми чиновники должны были руководствоваться на местах¹:

- «Изучать положение и деятельность церкви»;
- Оказывать влияние на ее жизнь через «работу с духовенством», в том числе путем влияния на епископа;
- Составлять справки о выездах, встречах с духовенством и иных мероприятиях;
- Наблюдать за финансово-хозяйственной жизнью церкви и проповедничеством;
- Пресекать привлечение несовершеннолетних к участию в богослужениях путем воздействия через «соответствующие организации».

Уполномоченный тем самым становился фигурой, контролирующей религиозную жизнь. Его функционал не предполагал активного вмешательства в нее. Сбор сведений, их оперативная передача в Совет и местным партийным органам были приоритетом работы чиновников. Однако в скором времени ситуация изменилась.

В 1958 г. секретарь ЦК М.А. Суслов инициировал проведение Отделом пропаганды и агитации совещания, по итогам которого была составлена записка «О недостатках научно-атеистической пропаганды». В дальнейшем эта записка легла в основу секретного постановления ЦК КПСС от 4 октября 1958 г. «О записке Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС “О недостатках научно-атеистической пропаганды”». В документе звучала критика по отношению к Совету по делам Русской православной церкви и Совету по делам религий: «Советы и их представители на местах плохо осуществляют свои функции, иногда идут на поводу у церковников, своевременно не

¹ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 27. Л. 12–14.

информируют партийные и советские органы о деятельности служителей церкви, членов сект»¹.

К кампании по осуждению работы Советов также были привлечены центральные органы печати страны. В газете «Правда» о причинах ослабления идеологической борьбы с религией было сказано, что это стало возможным «лишь при попустительстве со стороны организаций, призванных следить за строгим соблюдением советского законодательства о религиозных культах»². Ко всему этому стоит добавить исходившую от уполномоченных информацию о том, что немало проблем в идеологической работе исходило от партийных работников по преимуществу районного уровня. Количество этих замечаний велико, и касается оно как излишнего администрирования, так и полного бездействия по отношению к научно-атеистической пропаганде³. Однако и в инструкциях центрального аппарата Совета в период с 1958 по 1959 гг. можно заметить неопределенность по отношению к целям и задачам уполномоченных. Связано это с позицией Г.Г. Карпова, который, по мнению М.И. Одинцова и Т.А. Чумаченко, не мог принять новый старый курс на борьбу с религией. Подобная неопределенность сохранялась вплоть до отставки Г.Г. Карпова с поста председателя Совета 6 февраля 1960 г. и до назначения его преемника В.А. Куроедова⁴.

С приходом нового руководителя центральный аппарат Совета, который также претерпел значительные кадровые изменения в своем составе, в полной мере стал ориентироваться на выполнение постановлений ЦК КПСС. Однако осуществление их на практике не могло происходить без активного участия и поддержки уполномоченных. В этой связи встал вопрос о статусе этих служащих и функционале, которым они обладали при

¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 91. Л. 13.

² Коммунистическая партия и Советское правительство о религии и церкви: Сборник. М.: Госполитиздат, 1961. С. 98–99.

³ См. напр.: ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 24. Л. 16.

⁴ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 44. Л. 1а.

осуществлении своих обязанностей. Что касается ответственности уполномоченных за проводимую на местах работу, то этот вопрос остро встал перед новым председателем Совета. Опыт показал, что в разных ситуациях, когда сообщалось о неудачах на атеистическом фронте, именно Совет и его сотрудники становились объектами для порицания и недовольства со стороны партийных идеологов. Поэтому В.А. Куроедов прилагал все усилия к тому, чтобы ЦК КПСС и СМ СССР зафиксировали в отдельных постановлениях ответственность местных органов власти за проведение новой государственной политики по отношению к религии¹. Однако положительного результата не последовало, за исключением внесения отдельных положений в Постановление Совета Министров от 16 марта 1960 г., согласно которым местные государственные органы должны были принимать все меры по устранению нарушений законодательства о религиозных культах².

В.А. Куроедов попытался нивелировать провалившуюся попытку повысить статус уполномоченных и добиться передачи функции их назначения в ведение Совета. В самом начале своей работы на новом посту В.А. Куроедов в письмах и докладах обращал внимание партийного руководства на недостаточно высокий статус уполномоченных в региональной номенклатуре. Выражалось это прежде всего в халатном отношении к деловым качествам назначаемых на эту должность работников, ущемлении материального их положения, отсутствием должных условий для работы. В этой связи председатель Совета обращался с предложением устранить все эти недостатки и приравнять уполномоченных к начальникам управления Совета Министров автономных и союзных республик и руководителям региональных исполнительных советов³. Однако Юридическая комиссия не одобрила эти предложения, и в итоговый документ проекта они не вошли. Таким образом, значительный объем новых

¹ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1748. Л. 13–14.

² ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1841. Л. 86.

³ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1747. Л. 84–85.

задач, которые ставились перед Советом и уполномоченными, должны были решаться при прежнем правовом статусе последних.

В 1943 г. Русская Православная Церковь получила ограниченные права юридического лица, и одной из задач института уполномоченных Совета стал контроль над осуществлением этих прав и недопущение значительного роста влияния церкви в обществе. Однако в последующем, по мнению автора, под влиянием внутривластных процессов, деятельность уполномоченных стала трансформироваться и приобретать наступательный характер. Эти изменения сопровождались ростом зависимости уполномоченных как от местных партийных органов, которые обеспечивали возможности и должны были делегировать ресурсы, так и от центрального аппарата Совета, за которым была оценка эффективности их работы. Конфигурация, при которой местные органы власти обращались бы по всем вопросам за консультацией и инструкциями к уполномоченным, с момента основания института до 1964 г. так и не была достигнута.

1.3. Религиозные практики населения по материалам Смоленской области: статистика и методы анализа.

Тема религиозности в настоящей работе является одной из ключевых в поиске объективной оценки (не-)результативности тех усилий, которые предпринимало государство в осуществлении религиозной политики и антирелигиозной агитации в рассматриваемый период. Изучение данного вопроса позволяет выяснить, насколько эти усилия были эффективными, и в то же время оценить адаптивные возможности церкви как структуры и сообщества людей, объединенных общей верой. Это тем более важно, что государство всячески стремилось контролировать численность верующих, их активность и степень воцерковленности, то есть вовлеченности в церковную жизнь. Важным является отметить, что такие понятия, как «религиозность» и «религиозные практики», в настоящей работе являются тождественными. Религиозность как совокупность субъективных чувств и мистического опыта не рассматривается, так как трудно поддается оценке, что следует из диссертации.

Основным источником для анализа этой проблематики служат отчеты уполномоченного, касающиеся посещаемости храмов, в особенности во время празднований важных религиозных событий. Кроме того, необходимо рассмотреть статистику треб и денежных поступлений, демонстрирующих религиозно-ритуальные потребности и запросы той части населения, которая, не являясь активными прихожанами, по тем или иным причинам участвовала в ключевых обрядах православной церкви. Важным аспектом изучения религиозности населения служит тема народных традиций. Проблематично провести точную границу между этим понятием и официальным исповеданием веры, которое подразумевает активное участие в церковной жизни. Однако материалы исследований и литература по этой теме позволяют выделить данные стороны жизни советского человека, ставшие важным объектом исследований и воздействия со стороны пропагандистов и

религиоведов. Установление параметров и уровня религиозности важно как на микроуровне (приход), так и на региональном (в том числе с учетом исторических, географических факторов) как важное условие демифологизации общественных представлений о характере советского общества, советской религиозности в контексте оценки влияния на него антирелигиозной советской агитации.

Первые сведения, которые нам предоставляет отчет Н.Л. Митина, касаются количества действующих на территории Смоленской области приходов в 1944 г. Из 359 храмов действующими были порядка 60. Также из общего числа 142 культовых строений использовалось для культурных и сельскохозяйственных нужд¹. Данные представлены с учетом наличия в составе Смоленской области 54-х районов, 16 из которых в том же году были переданы в иные регионы. Стоит отметить, что значительное число приходов было открыто в период оккупации территории немецко-фашистскими войсками. Более того, как отмечает в своем исследовании епископ Серафим (Амельченков), это возрождение церковной жизни носило «массовый стихийный характер и в первую очередь зависело от желания местных жителей»². Всего в период оккупации на современной территории Смоленской области было открыто 54 храма³, что явилось ярким свидетельством сохранения религиозности среди населения, которым местные оккупационные власти стремились воспользоваться в собственных интересах⁴.

После освобождения территории от оккупации просьбы об открытии приходов с разных мест региона стали непременной частью отчетов уполномоченного вплоть до 1960 г. До конца 1940-х гг. имелись немногочисленные случаи как открытия храмов, так и их закрытий, то есть лишения регистрации по причине отсутствия священнослужителя и

¹ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 2. Л. 4.

² Амельченков В.Л. Указ. соч. С. 89.

³ См.: Там же. С. 93.

⁴ См.: Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь в XX веке. С. 157–158.

прихожан. Динамика количества действующих храмов за рассматриваемый период выглядит следующим образом: 1943 г. – 54, 1944 г. – 57, 1945 г. – 56, 1947 г. – 60, 1948 г. – 59, 1949 г. – 58, 1950 г. – 56, 1953 г. – 54, 1961 г. – 46, 1962 г. – 40, 1963 г. – 38, 1964 г. – 38. В списке указаны года, в которые происходили изменения. Эти данные лишь отчасти свидетельствуют об уровне религиозности населения Смоленской области. Их объективность может вызывать вопросы. После 1960 г. местные органы власти были заинтересованы в проведении жесткой административной политики по отношению к религиозным объединениям, что сказалось на количестве закрывавшихся храмов. Неизменной причиной было долговременное отсутствие священнослужителя и распад двадцатки¹. Но и в 1940-е–1950-е гг. нет достаточных оснований ставить в полную зависимость показатель числа действующих храмов и уровень религиозности. Об этом свидетельствуют иные факторы.

Недостаточно было открыть храмы. Необходимым условием церковной жизни являлось наличие священнослужителей, которые могли бы совершать обряды, заниматься просвещением и индоктринацией новых членов церкви. Эта проблема проявила себя в период оккупации и имела как количественный, так и качественный характер². Она же встала и перед епископом Сергием (Смирновым) и его преемниками на Смоленской кафедре.

В 1944 г., согласно учету уполномоченного, служили: священнослужителей – 52, диаконов – 9, псаломщиков – 9³. Можно предположить, что из этого числа некоторые были заштатными, иные имели преклонный возраст и не могли совершать богослужения. Как бы то ни было,

¹ См.: ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 33. Л. 8.

² См.: *Шкаровский М.В.* Русская Православная Церковь в XX веке. С. 99.

³ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 2. Л. 12–14.

после выделения из состава Смоленской области ряда районов на ее территории действовало 54 прихода на более чем 1 млн. жителей области¹.

Такое положение дел способствовало распространению в народной среде совершений обрядов, преимущественно крещений, лицами, которые не являлись священнослужителями либо не имели регистрации. Об этом же шла речь в докладной записке Г.Г. Карпова в ЦК ВКП(б) от 30 августа 1945 г.² Как правило, подобные лица вели свою деятельность в отдаленной местности, где отсутствовали действующие храмы. В 1944 г. наличие самосвятов зафиксировано в трех районах области, подробно ни об их количестве, ни об их статусе не сообщается. В связи с этим проблематично полностью полагаться на отчеты, которые дают лишь фрагментарные сведения по этому вопросу. Однако из тех сведений, которые приводятся, можно обнаружить, что в число незарегистрированных совершителей обрядов входили преимущественно лица, в прошлом имевшие отношение к клиру, то есть лишенные сана священнослужители, либо псаломщики. Среди общего числа имелся небольшой процент тех, кто никогда не являлся клириком Русской Православной Церкви.

О рассматриваемом явлении в религиозной жизни населения уполномоченный составил специальное сообщение в контексте «священнодействий» бывшего псаломщика Чепелкина: «В селе Корсики Екимовичского р-на гр. Чепелкин Петр Игнатьевич, вследствие отсутствия священника, производил служение в церкви (не имея на это права). На дому совершал требы и тому подобное»³. В следующем 1945 г. Митин составляет специальную докладную записку на имя руководителя Управления НКВД по Смоленской области. Ее содержание свидетельствует о масштабах распространения рассматриваемого явления: «Довожу до вашего сведения, что по имеющимся данным за последнее время в отдельных районах области,

¹ См.: *Жиромская В.Б., Исупов В.А., Корнилов Г.Е.* Население России 1939–1945 // Вестник РАН. 2020. Т. 90. № 9. С. 852.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 313. Л. 168.

³ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 2. Л. 18.

на фоне церковной жизни появилось наличие «бродячего» духовенства, а особенно это приняло активный характер в следующих районах: в селе Корсики Ершичского района псаломщик Чепелкин совершает религиозные требы, как священник, за что получает от граждан деньги и продукты.

В селе Найденково Шумячского района гражданин Клименко напевает церковные мотивы с антисоветскими припевами. За эти услуги получает натурой и деньгами.

В гор. Рославле и в с. Мышевое Починковского района периодически появляется пьяница, именующий себя священником, Борисов Григорий, который совершает требы и распространяет гнусные сплетни по адресу руководителей партии и правительства и лично на товарища СТАЛИНА...

Подобные явления имеют место и в других районах нашей области»¹.

В этом же году в восточных районах области зафиксирована деятельность трех «бывших монахинь», которые распространяли информацию о том, что современные им священники «советские» и к ним не следует обращаться². В ином отчете за 1947 г. Н.Л. Митин упоминает о некоем «Борисове», которого характеризовал как безработного и проповедующего «вредные антисоветские идейки». Решение этой проблемы было переадресовано уполномоченным «соответствующим органам»³.

В подобных случаях обращают на себя внимание следующие замечания уполномоченного. Требы совершались за определенное вознаграждение. В некоторых случаях имела место политическая подоплека выступлений народных проповедников и совершителей обрядов. Последний факт не мог не тревожить как уполномоченного, так и органы государственной безопасности. Массовость подобных практик свидетельствовала о наличии неудовлетворенного спроса на совершение религиозных обрядов. В результате требования к совершителям треб были минимальными, что может также объясняться низким уровнем религиозного

¹ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 3. Л. 22.

² ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 4. Л. 21 об.

³ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 5. Л. 32 об.

и культурного сознания населения. Необходимо учитывать фактор долговременного отсутствия священнослужителей либо их малая доступность. Однако люди, несмотря на эти сложности, стремились провести обряды крещения, погребения и венчания, для чего обращались к либо откровенно сомнительным персонажам, либо к мирянам, бравшим на себя определенные (священнические) функции. В последнем случае в отношении крещения традиция позволяла подобные практики в экстраординарных условиях.

Это заключение подтверждается наблюдением Г.Н. Галинского, которое он зафиксировал в своем отчете за 1959 г.: «На протяжении длительного времени от большой группы верующих г. Велижа ежегодно поступали настойчивые просьбы об открытии церкви. Надо сказать, что этому значительно способствовало администрирование районных работников, запрещавших совершать религиозные требы с вызовом священника. Это вызвало группирование верующих, которые стали выделять из своей среды самозванных священников, которые совершали в уродливой форме религиозные требы и даже церковные службы»¹. Таким образом, деятельность лиц, называвших себя священнослужителями либо бравших на себя такую функцию продолжалась и в 1950-х гг. Этому также способствовали элементы дезорганизации церковной жизни, которая в предвоенные годы была едва не уничтожена, а затем многие документы были утрачены, в результате чего порой было проблематично документально подтвердить наличие сана и другие биографические сведения о себе.

Имели место и иные формы религиозной деятельности лиц, присваивавших себе святость и избранничество. В 1954 г. в г. Ельне появился некий Грищенко, объявивший себя «вторым апостолом Петром» и «посланником бога». Он, в прошлом милиционер, «начал производить им самим изобретенные службы, крещение детей, делать всякого рода «исцеления», «заклинания» и т.д.

¹ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 30. Л. 7.

Уполномоченный отмечал следующее: «В период выборов народных судов выражал недовольство к верующим, которые принимали участие в голосовании. Как ни странно, но этот психически ненормальный человек за довольно короткий срок приобрел себе в некоторых селениях и в г. Ельне десятки сторонников»¹. В результате Грищенков был отправлен на принудительное лечение.

Показательным является не только наличие политической подоплеки в выступлениях «святого», но и его популярность среди определенной части населения. Объяснить это может тот факт, что ближайший храм от г. Ельни располагался в 70 км в г. Рославле. Об этом же сообщал в своем отчете епископ Михаил (Чуб), указывавший на неравномерное распределение приходов по территории Смоленской области, что влекло за собой «развитие хищнических инстинктов у разного рода самочинных требоисполнителей»². Наиболее сложная обстановка, по его мнению, была в северо-западных и юго-восточных районах, в гг. Ярцево, Сафоново и Ельне, где не было действующих храмов.

Кроме того, имелась и кадровая проблема среди духовенства, подавляющая часть которого не только не имела специального духовного образования, но зачастую и среднего. Об этом епископ Михаил писал следующее: «Пьянство и стяжательность, в соединении с пренебрежением своими прямыми обязанностями, делают таких «батюшек», по существу, дезорганизаторами приходской жизни»³. Протестный же потенциал отдельных групп людей мог использоваться «шарлатанами» для повышения собственной популярности, как борцов за правду и справедливость.

Наличие подобных элементов не могло не беспокоить как представителей епархии, так и местных органов власти, в т.ч. уполномоченного. Первоначально Н.Л. Митин устранился от решения этой проблемы, о чем откровенно сообщал в Совет в 1946 г.: «С лицами, не

¹ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 18. Л. 23.

² АСЕУ. Отчет епископа Смоленского и Дорогобужского Михаила (Чуб) за 1955 г.

³ АСЕУ. Отчет епископа Смоленского и Дорогобужского Михаила (Чуб) за 1956 г.

зарегистрированными как служители культа, занимающимися исполнением религиозных обрядов среди населения, епископ полагал повести борьбу без своего вмешательства, через административные органы, а служителям культа остаться в стороне. Мною было разъяснено епископу, вследствие того что в уголовном кодексе не предусмотрено мер наказания указанных лиц за их действия, придется Вам через своих благочинных и приходских священников организовать наблюдение за своевременным устранением подобного явления»¹. Действительно, лишь с 1961 г. вступила в действие статья 227 УК РСФСР, предусматривавшая ответственность за «организацию или руководство группой, деятельность которой, проводимая под видом проповедывания религиозных учений и исполнения религиозных обрядов, сопряжена с причинением вреда здоровью граждан или иными посягательствами на личность и права граждан, либо побуждением граждан к отказу от общественной деятельности или неисполнению гражданских обязанностей»². Таким образом, уполномоченный указывал на отсутствие формальной причины вмешиваться в ситуацию. Тем не менее церковь не была наделена полномочиями «устранять подобные явления».

Такое решение проблемы могло быть обосновано стремлением усложнить деятельность церкви, о чем свидетельствует следующий случай. В с. Тёсово местный священник был лишен сана епископом «за бытовое разложение, пьянство и половую распущенность». Несмотря на назначение нового настоятеля – Воскресенского, люди посещали бывшего священнослужителя Ключева, который совершал для них требы. Увещевания Воскресенского, призывавшего не обращаться к Ключеву, так как тот лишен сана, не возымели успеха. Прихожане ответили на это обвинениями самого епископа в том, что тот лишил сана «хорошего священника», которого люди знали более 30 лет. Епископ Сергей не имел возможности разрешить этот вопрос и был вынужден обратиться к Тесовскому сельсовету за помощью,

¹ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 4. Л. 13.

² РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 15. Д. 120. Л. 76.

дабы его сотрудники привлекли Ключева к уголовной ответственности. На эту просьбу председатель сельсовета ответил следующим образом: «Согласно Сталинской Конституции каждый гражданин имеет право по своему убеждению верить в кого он хочет»¹. В результате Н.Л. Митин ограничился привлечением Ключева к уплате подоходного налога за религиозную деятельность.

Отношение к подобным явлениям изменилось с приходом нового уполномоченного Совета по Смоленской области Г.Н. Галинского (в 1952 г.). Он демонстрировал большую нетерпимость к лицам в независимости от их политической позиции, неправомерно совершающим религиозные обряды, и характеризовал таковых как «шарлатанов».

В 1957 г. в контексте деятельности незарегистрированных религиозных групп вновь фигурировал Ершицкий район, где совершал свое «служение» гражданин Д.Т. Новиков. Им систематически проводились «богослужения» и требы при стечении жителей окрестных населенных пунктов. Уполномоченный в связи с этим направил запрос в районную прокуратуру для расследования действий «шарлатана». В результате выяснилось, что на протяжении нескольких лет жители д. Пустая Буда Ершицкого района собирались в доме у некоего Е.А. Моисеенкова для участия в религиозных обрядах под его руководством. В 1955 г. последний умер и его обязанности взял на себя Д.Т. Новиков. Показательным является заключение прокурора: «Никаких сборов с верующих как Моисеенков, так и Новиков не делали. Считаю, что права и Конституция СССР гражданами д. Пустая Буда, а также Моисеенковым Е.А. и Новиковым Д.Т. не нарушены»². С этим выводом категорически был не согласен Г.Н. Галинский, который назвал его «странным» и неприемлемым в контексте борьбы с «шарлатанами, спекулирующими на религиозных чувствах верующих»³. Несмотря на данное

¹ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 7. Л. 8.

² ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 24. Л. 6.

³ Там же.

постановление уполномоченный неизменно направлял материалы для привлечения подобных лиц к ответственности «за шарлатанство»¹.

Таким образом, в период работы Н.Л. Митина внимание обращалось преимущественно на случаи, в которых явно прослеживалась политическая подоплека. Его стратегия заключалась в невмешательстве в решение проблем, которые вредили прежде всего церкви и осуществлению ее деятельности. В большинстве ситуаций этот уполномоченный менее активно вмешивался в решение вопросов о проповедниках, незарегистрированных священнослужителей и тех, кто себя выдавал за таковых², но ограничивался отправкой материалов в финансовые органы для обложения подходящим налогом³. Г.Н. Галинский относился к подобному более нетерпимо. И эта позиция отвечала политике Совета, так как наличие неорганизованных религиозных групп создавало проблемы в контроле над их деятельностью. Можно заключить, что подход каждого уполномоченного отвечал синхронным внутривнутриполитическим установкам и учитывал природу практик в религиозном обществе.

Вопрос, который нередко освещался в отчетах уполномоченного, касался посещаемости храмов и празднований религиозных событий. Как отмечал Н.Л. Митин, большие церковные торжества отмечались в «широких масштабах» и их праздновали «даже атеисты»⁴. Важным является сообщение о практиках, осуществлявшихся при совершении торжеств. Как правило, празднования сопровождалась хороводами, песнями и застольями. Все это являлось скорее не религиозными, а народными обычаями, сохранившимися преимущественно в сельской местности. Неизменными спутниками торжеств являлось приготовление «яств и водки». Уполномоченный обращал внимание на широкое распространение «самогонокурения». Люди в эти дни старались посетить своих родных и знакомых, порой преодолевая

¹ См.: ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 20. Л. 21.

² См.: ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 4. Л. 68; Д. 4. Л. 21 об.

³ См.: ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 9. Л. 18.

⁴ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 5. Л. 54.

значительные расстояния. Одним из наиболее почитаемых праздников считался храмовый, который отмечали от одного до трех дней¹. В эти дни родственники и друзья собирались вместе. Для людей важным было встретиться с теми, кого давно не видели, и вместе скрасить серые рабочие будни.

Нередко именно церковный календарь являлся традиционным ориентиром для проведения увеселительных мероприятий. Объяснить это можно тем, что «эти праздники празднуют даже атеисты»². Последнее замечание очень важно, так как раскрывает внутренний мир религиозности советского человека, который неизменно был связан с народными обычаями, на что нередко в качестве объяснения популярности обрядов крещения и отпевания указывали уполномоченные³.

Сообщения о праздниках, как правило, сопровождались замечанием о неблагоприятных поступках отдельных людей, которые использовали эти события для злоупотребления алкоголем. Помимо этого, сами празднования длились, как было упомянуто, несколько дней, в которые прекращались какие-либо работы. Все это расстраивало хозяйственную жизнь региона, за что ответственность возлагалась на «церковников» и «районные организации»⁴. Однако далее уполномоченный приводил сведения о том, что духовенство выступало с призывом «лучше работать на колхозных полях, чтобы скорее восстановить наше разрушенное хозяйство»⁵. К подобному же призывал епископ Сергей⁶. Эти позиции явно противоречили друг другу, и, по всей видимости, практики празднований мало зависели от проповеди священнослужителей, но являлись частью устойчивой традиции как в городах, так и в сельской местности. Данное положение подтверждалось участием в подобных торжествах как коммунистов, так и представителей

¹ Там же.

² Там же.

³ См., напр.: ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 40. Л. 16; Д. 42. Л. 27.

⁴ См.: ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 5. Л. 25 об.

⁵ Там же.

⁶ См.: Там же. Л. 51 об.

органов власти. Н.Л. Митин отмечал, что порой празднования длились по 2–3 дня, в результате чего, по его мнению, народному хозяйству наносился значительный урон: «Это мелкобуржуазное суеверие приносит миллионные убытки колхозам и колхозникам...»¹.

Наиболее популярными праздниками у населения являлись Пасха, Рождество Христово, Крещение Господне и Радоница. И если в первых трех случаях выбор предсказуем, то Радоница, или день памяти усопших, всегда занимала особое место в жизни подавляющего большинства людей. Примечательным является то, что религиозная составляющая этого дня памяти не в полной мере контролировалась духовенством и, соответственно, органами власти, так как центром события являлись не храмы, а кладбища. Их посещения имели массовый характер в независимости от того, происходило это в сельской или городской местности. Так, по имеющимся сведениям, в 1950 г. Братское кладбище г. Смоленска посетило свыше 6000 человек, Тихвинское – около 5000 человек. Священниками было совершено более 2000 панихид². Показательным является то, что подобные традиции не претерпевали изменений в связи с положением церкви в государстве³. Что касается формы его проведения, то свои наблюдения в отчете за 1959 г. оставил Г.Н. Галинский. Он обратил внимание на то, что в отличие от кладбищ посещение храмов в этот день было малочисленным: «При всем желании невозможно даже примерно сказать, сколько посетило людей, так как люди начинают идти с утра и до позднего вечера... Можно без преувеличения сказать, что в этот день в Смоленске посещение людьми кладбищ выражается в десятках тысяч человек»⁴.

Представители интеллигенции: учителя, врачи и др. вкуче с чиновниками и коммунистами – как правило, не участвовали в религиозных обрядах, но совершали «поминки». «И все это как-то уживается» – замечает

¹ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 9. Л. 30.

² См.: ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 10. Л. 21.

³ См.: ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 10. Л. 21; Д. 18. Л. 9; Д. 30. Л. 17–18.

⁴ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 30. Л. 17–18.

уполномоченный. В этой характеристике имеется указание на возможную причину подобной «уживчивости». День поминовения усопших не так прочно ассоциировался у населения, причем разных его страт, с традиционной религиозностью. Здесь имел место обычай, который прочно вошел в народную ткань и сохранился вне зависимости от наличия храмов и священнослужителей, которые лишь пытались встроиться в устоявшиеся формы. Более того, в большинстве случаев почитание умерших сопровождалось явлениями, которые одобрялись церковью – т.н. «поминками», обильным употреблением пищи и даже алкоголя. Таким образом, назвать событие сугубо церковным было бы не совсем объективно, и в этой связи Радоница выпала из поля зрения пропагандистов и «антирелигиозников», относившихся к нему как к народной традиции с религиозными элементами.

В 1958 г. уполномоченный представлял следующую картину религиозной жизни в приходах. Самыми активными являлись городские общины, на долю которых приходилось более 50 % доходов епархии. В Смоленске и Сычевке богослужения проводились ежедневно. Большое стечение верующих было в воскресные и праздничные дни. Что касается сельских приходов, то в западных районах области наблюдалось больше участников на богослужениях, чем в восточных. Однако на востоке области было распространено требоисполнение на дому¹.

Тем не менее именно города Смоленск, Демидов, Вязьма, Гжатск, Рославль и Сычевка являлись основными центрами притяжения для верующих людей в дни больших торжеств. В сельской местности активностью прихожан выделялись приходы в селах Шестаково Кардымовского р-на, Зарубинки Касплянского р-на и Уварово Ельнинского р-на. Это утверждение несколько противоречило заявлениям об отсталости верующей части населения, основная масса которой должна была бы располагаться в сельской местности, а не в городах. Количество людей,

¹ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 30. Л. 10.

посещавших богослужения, достаточно трудно идентифицировать, несмотря на попытки уполномоченного фиксировать этот показатель религиозности.

Необходимо учитывать не только погрешность при подсчете, но и саму методику. Неизвестно, учитывались ли только те, кто участвовал в богослужении, либо же в это число включались так называемые «захожане» – люди, пришедшие в храм со своими целями и не обязательно во время совершения богослужения. Вполне возможно, что число посетителей религиозных торжеств в той или иной мере участвовавших в религиозных обрядах, было больше официальной статистики. Однако мы опираемся на те данные, что имеются в нашем распоряжении. Несмотря на их возможную неполноту, отчеты уполномоченного – единственный объективный источник подобной информации, к которому, тем не менее, следует относиться с некоторой долей критики. Это замечание относится ко всему комплексу сведений, относящихся к осуществлению религиозных практик населением – крещениям, отпевания, венчаниям и т.д.

Итак, уполномоченный сообщает о том, что в 1947 г. в воскресные дни средняя посещаемость храмов находилась на уровне 300–600 человек. В большие праздники, такие как – Пасха, Рождество, Крещение – 3000–4000 человек¹. Как свидетельствовал Н.Л. Митин посещаемость храмов в городах год от года возрастала². В следующем 1948 г. уполномоченный сообщал о более чем 10 000 посетителей Успенского собора г. Смоленска на праздник Пасхи, «из коих 50–60 % молодежи»³. Так, значительный процент посетителей храмов составляла молодежь⁴, однако этот показатель год от года значительно колебался. Например, в 1950 г. отмечалось уменьшение молодых участников пасхальных торжеств в соборе «в 3–4 раза» по

¹ Там же. Л. 53 об.

² См.: Там же. Л. 36.

³ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 7. Л. 20

⁴ См.: Там же.

сравнению с 1949 г.¹ Подобная картина с незначительными колебаниями сохранялась вплоть до 1959 г.²

С 1960 г. каких-либо данных по посещаемости богослужений не приводилось, но больший упор делался на освещение количества совершенных треб и доходности как епархии, так и отдельных храмов. Этот показатель с конца 1950-х гг. являлся ключевым при определении успехов и недостатков в оценке религиозности населения, так как по мнению Совета давал более объективную картину. В заключительных отчетах уполномоченный в контексте анализа материального положения дел в епархии большее внимание уделял совершению обрядов. К началу 1960-х гг. он отмечал, что уровень обрядности среди населения оставался достаточно высоким. Особенно это касалось крещения детей. Подобное объяснялось, по мнению Г.Н. Галинского, не религиозностью людей, а «привычками и традициями». Так, в качестве примера он указывает на то, что постоянными посетителями церкви являлись «старики и старухи и некоторое количество среднего возраста». Относительно молодежи, то речь шла о единицах посетителей даже в большие праздники³. Таким образом, религиозные практики вновь уходили в народное поле, отрываясь от активной жизни в рамках церкви, но тем не менее, сохраняя свое присутствие на бытовом уровне, при необходимости совершения обрядов перехода.

Наиболее заметным предлогом для усиления идеологической работы на атеистическом фронте стала борьба с обрядовой стороной жизни верующих. Она носила двоякую цель. Сократить участие наибольшего числа людей в религиозных событиях, а также нанести удар по финансовому благосостоянию приходов.

Широкую огласку, которая стала предлогом по активизации атеистической пропаганды, получило «Саратовское дело». Оно подробно

¹ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 10. Л. 20.

² См.: ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 22. Л. 11; Д. 30. Л. 17.

³ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 36. Л. 10.

описано в работе Т.А. Чумаченко¹, в данном контексте необходимо отметить то, что объектом критики и разбирательств со стороны высших партийных чиновников стала одна из самых популярных и массовых традиций, связанная с праздником Крещения – хождение крестным ходом на Иордань и купания в проруби.

19 февраля 1949 г. в «Правде» была опубликована статья о произошедшем, что вызвало широкий резонанс в органах власти и печати. Несмотря на то, что сама кампания в большей степени была направлена против Совета по делам РПЦ и его председателя, руководство Московской Патриархии было обеспокоено произошедшим и его возможными негативными последствиями. На заседании Священного Синода патриарх Алексей (Симанский) подчеркнул отсутствие взаимосвязи крещенских купаний и установленных церковью обрядов. И указал на то, что этот обычай стал поводом для нападков на верующих. Ответственность за данное происшествие возложили на епископа Саратовского Бориса (Вика), которому было сделано строгое замечание, а в скором времени он был перемещен на другую кафедру².

Последствия данного происшествия и поднятой информационно-агитационной волны не могли оставить в стороне и регионы, в том числе Смоленский. Тем не менее, ряд приходов во главе с настоятелями обращались за разрешением провести традиционные крестные ходы с освящением водоемов и источников, однако всем им было рекомендовано руководствоваться указаниями Патриархии и епископов. В результате, в 1950 г. случаев освящения воды на водоемах в день Крещения зафиксировано не было³. Более того, значительно упала посещаемость храмов в этот праздник по сравнению с 1949 г.

Еще одной распространенной традицией в послевоенный период было приглашение священника для освящения полей и проведение к ним крестных

¹ Чумаченко Т.А. Государство, православная церковь, верующие. С. 118–120.

² Там же. С. 120.

³ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 10. Л. 2.

ходов. Это явление религиозной жизни имело распространение в дореволюционный период, однако парадоксальным образом оно не было изжито за более чем два десятилетия антирелигиозной политики. Примечательным является тот факт, что нередко инициаторами подобных мероприятий выступали коммунисты.

В качестве примера, приводится Андреевский район, где священник села Извеково Плетнев регулярно «совершал хождения с иконами и хоругвями по всем населенным пунктам далеко за пределами определенного ему прихода; устраивает крестные ходы на колхозные поля и общественные пастбища»¹. Инициаторами этих обрядов выступали председатели колхозов и сельсоветов, приглашавшие священнослужителя. И эти практики носили «массовый характер» не только в Андреевском, но и Новодугинском районе, «да и в других районах области»². Это явление демонстрирует контраст между ранее проводимой репрессивной политикой государства и ее результатами, которые свидетельствовали о прочности религиозных воззрений среди значительного числа людей, в том числе принадлежащих к органам власти и коммунистической партии.

В этом контексте ярким свидетельством устойчивости религиозности в самых разных слоях населения, в том числе в среде тех, кто принадлежал к числу партийных, является их активное участие в мероприятиях, связанных с обновлением икон. На конец 1940-х гг. приходятся участившиеся случаи чудесных явлений, о которых докладывалось в центральный аппарат Совета из многочисленных регионов страны.

Смоленская область не стала исключением, так как на ее территории в 1949 г. были зафиксированы массовые случаи обновления икон. Об этом в специальном отчете сообщал в центральный аппарат Совета Н.Л. Митин. Так в Понизовском районе было зафиксировано 34 случая, в Касплянском – 16, в Руднянском – 18, в Демидовском – 4. С этими происшествиями нередко были

¹ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 5. Л. 63.

² Там же. Л. 63–64.

связаны те, кто состоял в партии и занимал руководящие посты в местных органах государственной власти, на что особое внимание обращал уполномоченный. В результате, священник Никонович, окормлявший населенные пункты в Касплянском, Руднянском и Демидовском районах, за «провокации» органами МГБ был взят под стражу вместе с «соучастниками». Смоленский Обком ВКП(б) постановил провести во всех населенных пунктах, где произошли обновления, лекции «с разъяснением шарлатанских действий со стороны отдельных лиц и на научно-естественные темы»¹. Кроме того, все члены партии, замеченные в симпатизировании верующим, были исключены из нее. Произошедшее продемонстрировало наличие среди населения, некоторая часть которого «по долгу службы» должна была быть атеистически настроенной, потребности в реализации религиозных переживаний.

Однако не менее важным является задача рассмотрения частных обрядовых практик и их распространения среди населения. По объективным причинам в послевоенный период наблюдалось значительное число совершения таких обрядов, как крещение, отпевание и венчание. Первое среди них было наиболее массовым. По причине дефицита священнослужителей в предвоенные два десятилетия выросло поколение, воспитанное в ценностях советского общества. Тем не менее, как следует уже из приведенных данных, религиозные традиции продолжали занимать прочное место в народном быту в независимости от места проживания, социальной и партийной принадлежности.

Так как общим нарративом было закреплено понятие об отсталости религиозных взглядов, то из этого следовало, что и их последователи также относились к числу наименее развитой в политическом и научном смысле части людей². Но действительность нарушала эту картину. И этому находились различные объяснения. Н.Л. Митин был склонен к резкой оценке

¹ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 9. Л. 2–4.

² См.: ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 26. Л. 75.

действий подобных людей, характеризуя их как «попустительство» и «притупление политической бдительности». Фиксировались многочисленные случаи крещения детей коммунистами, участие в обряде венчания, организации массовых крещений и т.д.¹ Подобное положение дел было объяснимо с точки зрения «потерявших бдительность» коммунистов. Партия в лице ее руководителя и новый курс свидетельствовали о стабилизации взаимоотношений с религией. Большинство ранее открытых приходов продолжали действовать, а в некоторых местах возобновляли свою работу новые храмы. Церковь активно участвовала в восстановлении страны, внося свои средства. Все это и многие иные признаки позволяли сделать вывод о допустимости тех или иных практик взаимодействия со священнослужителями, даже в формах молебнов и крестных ходов на поля, что было нормой до революции. В этой связи «религиозные пережитки» продемонстрировали невероятную стойкость по отношению к внешнему давлению.

Более того, порой это давление становилось фактором активизации религиозной жизни. Так, в 1954 г. уполномоченный отмечал значительное увеличение количества совершений треб, о чем он судил по своим наблюдениям и узнавал из бесед с духовенством. Важной деталью было то, что, как правило, в городах требы совершались в храмах, тогда как в сельской местности на дому. Ситуацию демонстрирует следующие данные. В 1952 г. в Успенском соборе г. Смоленска было совершено молебнов – 186, а в 1954 г. 657; крещений – 3139 и 3806 соответственно². Г.Н. Галинский прокомментировал эти показатели следующим образом: «На мой взгляд увеличение религиозных треб объясняется улучшением экономического состояния трудящихся»³. Это мнение отражало официальную позицию Совета, обозначенную на одном из совещаний, проводившихся в 1957 г.⁴

¹ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 5. Л. 65.

² ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 18. Л. 32.

³ Там же. Л. 33.

⁴ См.: ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 26. Л. 102.

Однако подобное объяснение, принимая во внимание признание самого чиновника, является спорным, так как и в дальнейшем ситуация с требами была достаточно «тяжелой». Признать то, что много лет использовавшиеся конструкты были несостоятельными, не позволяла осторожность, присущая уполномоченному.

Более пристальное внимание данному вопросу уделялось с 1958 г. Было решено усилить контроль за финансово-хозяйственной деятельностью церкви, одной из мер, призванной способствовать этому, стало запрещение духовенству посещать дома прихожан и совершать в них религиозные обряды, в том числе крещения. Данные усилия особенно негативно сказались на материальном положении приходов в восточных районах Смоленской области, где посещение верующими храма в воскресные и праздничные дни было не столь значительным, но имелась традиция приглашать священника на дом¹. Уполномоченный обращал внимание епископа Иннокентия на эти практики, опираясь на содержание письма управляющего делами Московской Патриархии протопресвитера Н. Колчицкого. В нем, согласно закону от 1929 г., епархиальным архиереям сообщалось о запрете совершения треб и молебнов в «местах общего пользования», о необходимости получать разрешение всех членов семьи на совершение треб в их жилищах, а также указывалось на недопустимость подворного обхода верующих, но «только по особому приглашению верующих». Далее добавлялось: «Можно ходить только с разрешения местных властей»². Мотивировка письма содержала упоминание об указаниях Совета по делам РПЦ Патриархии на многочисленные нарушения духовенством советского законодательства.

Судя по тому, что такое значительное внимание было обращено на подобные практики, они действительно имели широкое распространение среди населения. Это мнение подтверждается и сообщениями из

¹ См.: ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 30. Л. 10.

² АСЕУ. Письмо епархиальным преосвященным от 26.10.1959 г. № 2017.

Смоленского региона. Таким образом, не только был нанесен удар по финансово-хозяйственной стороне жизни многих сельских приходов, но и исключен эффективный миссионерский инструмент взаимодействия между священниками и людьми вне стен храма. Что касается формальных возможностей, которые предоставляло государство, то формулировка о необходимости получения разрешения местных властей на проведение религиозных обрядов в домах верующих не оставляла шансов для продолжения существовавшей практики.

С 1961 г. уполномоченный фиксировал отсутствие посещений домов верующих священнослужителями¹. Отмечается лишь случай крещения на дому, за что священник был лишен регистрации². Эта реакция демонстрировала всем, насколько серьезны последствия за нарушения «советского законодательства». Однако по-прежнему достаточно высоким оставался процент крещения детей и погребений, в отличие от венчаний, о чем свидетельствует следующая таблица.

Таблица № 1.

	Отпеваний очных и заочных (умерло всего)	Было крещено (родилось по данным ЗАГСа)
1959	5805 (57,5 %)	12156 (59 %)
1960	4315 (48,3 %)	8024 (37,2 %)
1961	4303 (44,8 %)	8588 (42,2 %)
1962	5308 (51,2 %)	8885 (47 %)

¹ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 36. Л. 3.

² Там же.

1963	5154 (50,1 %)	9031 (51,6 %)
1964	5695 (60,4 %)	8050 (50,3 %)

Данные сведения показывают устойчивость совершений наиболее распространенных религиозных обрядов, несмотря на все меры, призванные переломить эту ситуацию. И если падение количества крещений в 1960 г. можно было объяснить успехами научно-атеистической пропаганды, то последующее их увеличение опровергало этот аргумент. Объяснение этому можно найти в докладной записке от 23.08.1963 г. уполномоченного Смоленскому промышленному обкому КПСС: «Следует сказать, что до перестройки церковного управления, когда духовенство возглавляло руководство единственным источником получения сведений об обрядах можно было получить только от духовенства, а оно всячески старалось уменьшить количество обрядов поэтому цифры за 1960 и 1961 гг. были занижены»¹. Так, учет и квитанционные книжки, введенные во второй половине 1962 г., позволили выявить более объективную картину по количеству совершенных крещений.

Однако и в следующем 1964 г. статистика не демонстрировала серьезных успехов, несмотря на заявление уполномоченного о снижении религиозной обрядности. В частности, крещений – на 1,3 %. В связи с этим был использован стандартный аргумент: пожилые люди толкали своих детей на участие в обрядах. В качестве примера приводится следующий случай: «В Демидовском районе окрестили своих детей молодая чета Дроздовых, к сожалению, оба комсомольцы, при беседе с ними и на вопрос, что их заставило пойти на этот шаг ответили: “Мы живем у матери, которая заявила,

¹ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 40. Л. 11

если не окрестите ребенка, не возьму его на руки и уходите с квартиры, и чтобы не обижать старуху – мы и окрестили своего ребенка»¹.

В отчете приводится и ряд иных подобных случаев. Таким образом, наблюдалась не столько сохранение религиозности в среде молодого поколения, сколько влияние представителей старших поколений на прочность обычаев. К факторам, которые способствовали этому, добавлялось «слабое внедрение новых гражданских обрядов»². Церемонии бракосочетания, торжественной регистрации новорожденных в ритуальных дворцах не пользовались популярностью у населения³. Так, в Смоленской области за 1964 г. было торжественно зарегистрировано лишь 14,5 % младенцев, в том числе в сельской местности – 3,8 %.⁴ Уполномоченный свидетельствовал, что это положение связано с ослаблением со стороны районных властей организации гражданской обрядности, которое объяснялось отношением к этому как к очередной краткосрочной атеистической кампании государства. В этой связи требовалось особое внимание областных исполнительных органов власти к этой проблеме, о чем свидетельствуют принятие соответствующих решений⁵. Вызывают вопросы и сами методы статистики, так как фиксировалось большое количество случаев, при которых обряды совершались тайно. Кроме того, была распространена практика отъезда в другие регионы страны для того, чтобы скрыть факт своей «отсталости». В дальнейшем сами уполномоченные вынуждены были продемонстрировать положительную динамику и поэтому не были заинтересованы в объективной подаче информации⁶.

¹ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 42. Л. 27.

² Там же. Л. 28.

³ Подробнее о гражданских обрядах в СССР см.: *Смолкин В.* Указ. соч. С. 349–399.

⁴ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 42. Л. 28–29.

⁵ См.: ГАСО. Ф. 985. Оп. 2. Д. 21. Л. 1–7.

⁶ См.: *Апанасенок А.В.* Несостоявшееся исчезновение: статистика православной обрядности в позднем СССР // Материалы Всероссийской (национальной) научно-практической конференции, проводимой в рамках XIX Международных научно-образовательных Знаменских чтений «Христианские основы российской цивилизации в противостоянии секулярному началу современного мира». Курск, 2023. С. 43–53.

На протяжении 1920-х–1930-х гг. на фоне жесткого регулирования и подавления религиозных институтов проходила дискуссия о месте атеистической пропаганды в антирелигиозной политике советского государства. Но с учетом того, что религия рассматривалась в первую очередь в качестве политического противника, способного навредить коммунистическому строю то преимущество отдавалось инструментам репрессивного характера. Данное положение изменилось лишь в 1943 г., когда наступил новый период в сфере государственно-церковных взаимоотношений. Он ознаменовал не только затишье на антирелигиозном фронте, но и некоторое возрождение религиозности среди самых широких слоев населения. В новых реалиях не только методы административного давления, но и прежние атеистические инструменты пропаганды теряли актуальность.

Однако с наступлением хрущевской эпохи антирелигиозные и атеистические кампании получили новую жизнь. Проект форсированного построения коммунистического общества наряду с возвращением к идейной чистоте, лидерству партии и созданию материально-технической базы требовал окончательного решения вопроса о существовании религиозных «предрассудков» и формирования научно-атеистического мировоззрения у всех членов общества. Эти высокие установки сталкивались с реальностью, свидетельствовавшей об устойчивости религиозности среди населения. В послевоенный период не прекращались просьбы об открытии храмов. Доходы большинства приходов неизменно росли, а количество совершенных обрядов не уменьшалось, хотя и наблюдался отток молодых людей из числа активных прихожан. Подобное «естественное отмирание» потребовало принятия новых мер, направленных на изгнание религии из жизни советского человека.

Ключевым объектом для воздействия стала финансово-хозяйственная деятельность церкви. На осуществление данного плана были брошены значительные ресурсы. Определенных успехов удалось достичь: количество

приходов и их возможности значительно уменьшились. Тем не менее, кардинальным образом ситуация не изменилась. Более того, населенные пункты, где храмы отсутствовали либо закрывались, становились местом распространения народной религиозности. И нередко во главе этих движений становились местные жители, в той или иной степени соответствовавшие образу духовных наставников. Таким образом, проблема религиозного наставничества и сопровождения жизни ключевыми христианскими обрядами и таинствами уходила вглубь и процессы становились менее управляемыми. В этой связи наличие или отсутствие храмов не всегда являлось маркером религиозности среди населения. То же самое можно сказать о фиксации количества посещавших храмы в период больших православных праздников. Несмотря на некоторые колебания, доля совершавших обряды, в том числе коммунистов, была достаточно устойчивой. Все это свидетельствовало об успехе в деле вытеснения религии в частную (непубличную и не формирующую пример поведения для окружающих) сферу жизни путем обеспечения трудностей в соблюдении обрядов и ужесточения ответственности за участие в них.

Итогом этой борьбы стало нанесение значительного урона церковным институциям и сообществам. Однако ключевая цель – полное вытеснение религии из советской жизни – так и не была достигнута. Несмотря на временные трудности, наблюдался постепенный рост церковных доходов и сохранение или расширение практик обрядности. Активная пропаганда о несовместимости коммунизма и религии так и не стала определяющей в жизни общества. Напротив, раздавались голоса об отсутствии противоречия между ними. Таким образом, главным достижением антирелигиозной кампании стала трансформация отношения к религии не как к политическому противнику, но идеологическому. Необходимо было воздействовать прежде всего на мировоззрение советских граждан с целью освободить их от суеверий и отсталости.

ГЛАВА 2. Практические шаги по осуществлению советского законодательства о культурах на территории Смоленской епархии: методы, инструменты и итоги

2.1. Меры воздействия на финансово-хозяйственную жизнь Смоленской епархии со стороны государства в 1943–1964 гг.

Последствия изменения государственной религиозной политики коснулись всех сторон жизни Русской Православной Церкви. Однако в значительной степени маркером этого поворота служило повышение уровня благосостояния приходов и предоставление им более широких возможностей для ведения хозяйственной деятельности. Изменение законодательных мер и предоставление прав религиозным организациям в той или иной степени распоряжаться имуществом, облегчение налоговой нагрузки и иные меры зримо свидетельствовали о прагматичном подходе государства к церкви. Восстановление народного хозяйства требовало консолидации общества, и церковь могла оказать поддержку в этом деле. Тем более данное положение было подкреплено положительными примерами из недавнего прошлого.

В период Великой Отечественной войны церковь приняла активное участие в помощи Красной армии. С самого начала боевых действий был организован сбор пожертвований, которые в дальнейшем перечислялись в Фонд обороны страны. При этом необходимо учитывать финансовое положение РПЦ, в котором она оказалась после конфискации большей части движимого и недвижимого имущества, а также изъятия денежных средств с помощью налоговой системы. Несмотря на это, православным гражданам страны удалось собрать достаточно ресурсов на создание танковой колонны им. Дмитрия Донского и авиационной эскадрильи им. Александра Невского.

Выполнение подобных задач требовало изменения в положении церкви, лишенной права юридического лица, и в том числе проведения каких-либо финансовых операций, в связи с невозможностью открытия

банковского счета. Последний вопрос был поднят митрополитом Сергием (Страгородским) в письме от 5 января 1943 г. к председателю СНК И.В. Сталину и получил положительное решение. Таким образом, с 1943 г. происходит восстановление финансово-хозяйственной системы РПЦ и ее централизация путем создания Хозяйственного управления в 1946 г. Последнему событию предшествовало принятие 22 августа 1945 г. значимого Постановления Совета Народных Комиссаров о предоставлении церкви, ее епархиям, монастырям и приходам возможности приобретать движимое и недвижимое имущество, производить церковную утварь и реализовывать путем продажи приходам¹.

Вышеперечисленные изменения свидетельствовали скорее о заинтересованности государства в контроле над значительным пластом жизни религиозных общин, хозяйственной стороной их деятельности, что впоследствии проявилось в государственной политике и основании «Фонда мира», в который религиозные организации обязаны были перечислять значительную часть своих доходов.

Наиболее существенным фактором, повлиявшим на повседневную жизнь священнослужителей и возглавляемых ими приходов, явилась система налогообложения. Подоходный налог использовался в качестве эффективного финансового рычага, призванного изъять «излишки» церковных доходов в пользу государства. О важности этого вопроса свидетельствует то, что он был поднят в ходе встречи трех иерархов с И.В. Сталиным 4 сентября 1943 г. Данное обращение возымело эффект, так как налоговая нагрузка на епархии уменьшилась. Однако, по замечанию протоиерея Дмитрия Сафонова, в связи с тем, что в Указе от 30 апреля 1943 г. «О подоходном налоге с населения» отсутствовала категория «священнослужитель», для финансовых органов оставалось широкое поле для трактовок законодательства и различных злоупотреблений при

¹ Андреев А., *свящ.* Становление финансово-хозяйственного управления Русской Православной Церкви: История централизованного управления церковным имуществом и финансами в России. М.: Издательство ПСТГУ, 2014. С. 37.

начислении налогов¹. Об этом свидетельствует и тот факт, что вопрос налогообложения был поднят на заседании Священного Синода 8 февраля 1954 г. Так, в журнале № 1 сообщается: «В течение ряда лет в Патриархию из большинства епархий поступают жалобы на затруднительные взаимоотношения духовенства с местными финорганами по вопросам налогообложения духовенства»². В документе фиксируется следующая ситуация:

- Род деятельности духовенства не соответствует статье подоходного налога;
- Священнослужители не имеют фиксированного дохода от совершения треб, а получают различные суммы пожертвований, фиксация которых возможна лишь путем ведения «Книг записей причтовых доходов»;
- Финансовые органы игнорируют данные записи и произвольно определяют размер получаемого дохода для соответствующего обложения его подоходным налогом;
- Имеются случаи некорректного поведения работников финорганов при использовании собственных «методов» подсчета доходов церковнослужителей (подсчет просфор, записок и кассы во время богослужения, опрос молящихся);
- В результате произвольного определения размера дохода, суммы начисленных налогов зачастую являются непосильными. В этой связи некоторые священнослужители вынуждены прекращать свое служение и выходить на пенсию либо за штат³.

В сообщении патриарха Алексия (Симанского) подчеркивалось, что данные случаи имели массовый характер. Патриарх предложил подготовить обращение в финансовые органы с ходатайством о рассмотрении вопроса по налогообложению духовенства, а также изданию инструкции по определению

¹ Сафонов Д., *свящ.* Указ. соч. С. 170–171.

² АСЕУ. Переписка с Московской Патриархией. Выписка из журнала № 1 заседания Священного Синода от 8 февраля 1954 г.

³ См.: Там же.

доходности приходов и начислению подоходного налога. В итоге, вышло постановление, согласно которому все члены Священного Синода просили патриарха Алексия представить Совету по делам РПЦ предложения по урегулированию данного положения для возбуждения перед правительством вопроса об изменении существующих правил¹. Дальнейшие события показали, что решение этого вопроса не имело развития.

Изучая информационные отчеты уполномоченного Совета по Смоленской области, можно обратить внимание на наличие в них свидетельств многочисленных жалоб священнослужителей и приходских общин на несправедливое налогообложение. Данная тема поднималась с самых первых отчетов, подготовленных уполномоченным для центрального аппарата Совета.

В 1944 г. из 46 заявлений, поступивших от «верующих лиц», 9 были посвящены просьбам о пересмотре назначенного подоходного налога. Ниже представлена статистика по обращениям граждан за 1944–1953 гг.²:

Таблица № 2.

Год	Всего заявлений	Ход-ва о снижении подоходн. налога	Удовлетворен о	Отклонено
1944	46	9	0	9
1945	65	12	6	6
1946	-	-	-	-
1947	-	-	-	-
1948	25	4	0	4
1949	15	1	0	1

¹ Там же.

² См.: ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 2. Л. 18; Д. 3. Л. 23, 46, 59, 65; Д. 4. Л. 5, 11, 18, 65; Д. 5. Л. 13, 23 об., 32; Д. 7. Л. 14; Д. 9. Л. 11; Д. 10. Л. 6, 18; Д. 12. Л. 10, 28; Д. 14. Л. 5, 17; Д. 16. Л. 8, 21.

1950	12	2	0	2
1951	25	10	3	7
1952	28	6	-	6
1953	23	3	-	3

Как видно из таблицы, большинство ходатайств о пересмотре суммы налогообложения было отклонено. Апелляционной инстанцией являлся уполномоченный, который выносил соответствующее решение об отказе или рекомендовал финансовым органам удовлетворить просьбы о снижении налога. Механика принятия решений, очевидно, предполагала знакомство уполномоченного с соответствующей нормативной базой для решения возникающих вопросов. Из практики первого уполномоченного по Смоленской области Н.Л. Митина можно узнать, что подобные жалобы он рассматривал совместно с работниками Областного финансового отдела (Облфо)¹. Такая методика работы практиковалась и в дальнейшем, однако имелись характерные случаи, свидетельствовавшие о большей вовлеченности уполномоченного в ход принятия решений по тому или иному вопросу.

В 1955 г. уже к новому уполномоченному Г.Н. Галинскому обратился заведующий Хиславичским райфо с просьбой повлиять на епископа, чтобы тот побудил общины двух храмов оплатить налог на строения и земельную ренту, так как в храмах долгое время отсутствовали настоятели и обратиться было не к кому. Однако уполномоченный отказался предпринимать какие-либо действия, обосновывая это следующими соображениями: «Общины Ильинской и Успенской церквей в сс. Скверета и Мозыки Хиславичского района с каждым годом слабеют. Заметно падает активность верующих. Посещение церковных служб верующими было малочисленным, церковные доходы были незначительными. Поэтому священники едут в эти церкви весьма неохотно и держатся там небольшое время... Церковные органы находятся на грани распада. При такой обстановке воздействовать на епископа, чтобы общины уплатили налог, это значило бы с моей стороны

¹ ГАСО. Ф, 1620. Оп. 2. Д. 3. Л. 28.

оказать церковникам помощь в активизации верующих и укреплению церкви, что на мой взгляд являлось бы политически вредным делом»¹. В данном случае действия уполномоченного трудно объяснить заботой о приходах. Последние так или иначе не могли выплатить начисленные суммы. Также отсутствовали ответственные, то есть настоятели, с которых можно было бы спросить за неуплату налога. В том случае, если на епископа оказывалось бы давление, то ему действительно пришлось бы найти пути решения проблемы, что могло привести «к активизации верующих».

С точки зрения уполномоченных и представителей иных органов власти подобное внимание к доходам приходов и отдельных священнослужителей было вполне оправданным. Более того, имеются факты того, как клирики действительно шли на нарушение действовавшего законодательства. Так, в 1960 г. центральный аппарат заинтересовало дело священника А. Михалева, обвинявшегося в уклонении от уплаты подоходного налога. Михалев перешел на так называемый твердый оклад в размере 800 рублей в месяц. Уполномоченный, проанализировав годовые финансовые отчеты, в которых прописывалась одинаковая сумма выручки за требы, обратил внимание на то, что она ниже, чем в сопоставимых приходах Смоленской епархии в два раза. Г.Н. Галинский санкционировал проверку Облфинотделом правильности обложения подоходным налогом священника А. Михалева. Выяснилось, что последний «присваивал себе все требные суммы, которые были в несколько раз больше суммы получаемого оклада»².

В данном случае установление «твердых» окладов имело обратную сторону построения эффективного контроля за денежными средствами приходов. Подобная система давала сбой в тех случаях, когда, как это произошло и в рассмотренном деле, было возможно заключать договоренности между настоятелем, старостой и кассиром. Данный случай мог бы свидетельствовать об ужесточении практик пресечения подобных

¹ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 20. Л. 8.

² ГАСО. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 33. Л. 48.

нарушений в связи с активной трансформацией религиозной политики, однако другие случаи говорят о наличии некоторой последовательности со стороны органов гос. власти в решении подобных вопросов.

Вывод об этом можно заключить, обратившись к переписке Г.Н. Галинского с заведующим Облфинотделом Петровым Ф.И., к которому уполномоченный обращается с требованием пересмотреть начисленный налог на священников Никольской церкви г. Сычевка¹. Перерасчет был произведен, и значительные суммы были уменьшены². Несмотря на трудности с исполнением налоговых обязательств и многочисленными тяжбами с органами власти по неправомерному начислению сумм к оплате, большинство приходов смогли адаптироваться к данным обстоятельствам.

Гораздо больший урон финансово-хозяйственной деятельности должен был нанести шаг государства по увеличению обложения подоходным налогом свечных мастерских³. Положение церкви в связи с принятием постановления «О налоговом обложении доходов предприятий епархиальных управлений, а также доходов монастырей» от 16.10.1958 г. осложнялось тем, что оно вступало в силу с 1 октября. Таким образом, храмы вынуждены были оплатить налог за уже проданные свечи и, соответственно, заново верстать годовой бюджет. Однако не все приходы обладали запасом средств на подобные траты. «Патриархат захлестнула волна отчаянных просьб о помощи»⁴, – отмечает М.В. Шкаровский.

Что касается Смоленской епархии, то реакция епископа Михаила на нововведение, согласно отчету уполномоченного, была лишена эмоциональной окраски. Архиерей отметил, что в епархии сделан запас свечей на квартал вперед, поэтому ситуация не стала критической, однако есть неясность относительно будущего по исчерпанию этого запаса. Поднимать цены на свечи епископ считал «нежелательным», однако

¹ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 36. Л. 19.

² Там же. Л. 20.

³ См.: Чумаченко Т.А. Государство, православная церковь, верующие. С. 185–186.

⁴ Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь в XX веке. С. 363.

сохранять их – значит «лишиться основного церковного дохода»¹. Так, согласно годовому отчету за 1956 г., на продажу свечей приходилось 60 % дохода приходов Смоленской епархии². Настоятель Троицкого собора г. Вязьмы прот. Н. Валюженич представил Г.Н. Галинскому следующую картину. Он сделал значительный запас свечей по прежним ценам и поэтому имел возможность сохранять их в размере 1 руб. за свечу до 1 апреля 1959 г. Далее сумма была увеличена до 2 руб. На вопрос уполномоченного о том, как это повлияет на покупательную способность верующих, священник ответил, что незначительно.

Так как Валюженич являлся благочинным, то он имел информацию и о том, каково состояние сельских приходов после повышения налога. Оно, по его мнению, было плачевным, потому что эти приходы не имели возможности делать большие запасы, а население, которое проживало в сельской местности, являлось менее обеспеченным. Последний фактор был причиной того, что повышение цен могло привести к сокращению продаж. Благочинный обратил внимание на то, что сельские приходы к апрелю еще не приобрели свечи на складе по новым ценам. Из этого сообщения Г.Н. Галинский сделал вывод о закупках свечей на рынке, где они были значительно дешевле³. Тем самым священники пытались выйти из затруднительного положения даже ценой возможного лишения регистрации, что говорило о серьезности ситуации. Подтверждением тому служат представленные данные по изменению структуры доходов и расходов приходов в 1959 г. по сравнению с предыдущими годами.

В прошлом основной статьей расходов в приходских бюджетах были ремонтные работы, сооружение иконостасов и приобретение утвари. С 1959 г. наиболее затратным стало приобретение свечей. Основной удар реформы был нанесен по сельским приходам, наиболее зависимым от данной статьи дохода. Однако и городские храмы понесли большие финансовые

¹ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 28. Л. 29.

² АСЕУ. Отчет епископа Смоленского и Дорогобужского Михаила (Чуб) за 1956 г.

³ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 31. Л. 16.

потери. Так, в 1958 г. семь крупнейших храмов Смоленской епархии (гг. Смоленск, Рославль, Гжатск, Вязьма, Сычевка) израсходовали на закупку свечей 31 000 руб., а в 1959 г. – 284 000 руб.,¹ При этом, как было отмечено выше, крупные приходы смогли сделать запасы по старым ценам. Данное соотношение говорит само за себя: более чем в 9 раз увеличились траты на закупку свечей. При этом повышение цен в храмах было незначительным. В этой связи часть тех средств, которые ранее направлялись на ремонт храмов, закупку утвари и иные нужды, перераспределялись на закупку ключевого ресурса, формировавшего бюджеты приходов Смоленской епархии.

Установление упомянутых «твердых окладов» было важной мерой контроля и учета средств, поступающих со стороны прихожан, и заработной платы священнослужителей. Несмотря на наличие подобной практики в 1950-е гг., ее повсеместное введение было начато лишь в 1961 г. В одном из своих отчетов Г.Н. Галинский заострил на этой теме особое внимание Совета. Он сообщал о том, что 16 из 41 прихода перешли на твердые оклады. Среди них 8 городских и такое же количество сельских. Все эти храмы приносили порядка 83 % дохода от всей епархии. Соответственно, именно в этих храмах совершалось наибольшее количество треб. Данный фактор влиял на отсутствие желания духовенства указанных приходов переходить на твердый оклад, так как они теряли значительную часть дохода. Далее, замечает уполномоченный, переход на твердый оклад в «сильных приходах» становился целесообразным, так как духовенство теряло мотивацию к проведению треб, в том числе выездных, таких как погребение. Свидетельством этому стало заметное сокращение количества отпеваний в 1961 г. по сравнению с предыдущими годами. Однако, что касается «слабых» сельских приходов, то данная практика не всегда могла бы принести пользу, но, напротив, предоставив священникам твердый оклад, сохранить приходы, не имеющие возможности содержать клирика. Таким образом, заключает

¹ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 30. Л. 12.

Г.Н. Галинский, желательно перевести на твердый оклад дополнительно 5–6 приходов, а остальные оставить в прежнем положении¹.

В 1962 г. подавляющее большинство приходов Смоленской епархии, за исключением шести сельских, которые перешли с 01.01.1963 г. на новую систему учета, было переведено на твердый оклад. Каких-либо ярких протестных выступлений со стороны духовенства уполномоченный не зафиксировал, но напротив отмечал: «Имели место случаи, когда в беседах духовенство по этому вопросу высказывалось положительно»². Очевидно, данное замечание не говорило о большой поддержке нововведения среди духовенства.

Как бы то ни было, даже официальные сведения позволяют сделать вывод о том, что немалую долю дохода приходов составляли поступления от треб, о чем свидетельствует следующая таблица о доходах Смоленской епархии в 1960 и 1961 гг.³:

Таблица № 3.

Источники дохода	1960 г.	1961 г.
Продажа свечей	207 400 руб.	196 270 руб.
Продажа просфор	25 897 руб.	25 663 руб.
Продажа венчиков, икон, крестиков и т.д.	25 071 руб.	25 915 руб.
Тарелочный и кружечный сбор	22 374 руб.	25 395 руб.
От отдельных жертвователей	9 744 руб.	2 391 руб.
От треб тех церквей, где духовенство на окладе	56 286 руб.	90 472 руб.
Всего	388 800 руб.	427 544 руб.

¹ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 36. Л. 12.

² ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 37. Л. 5.

³ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 30. Л. 19; Д. 36. Л. 11.

Итак, при расчете суммы, полученной от треб, в 1960 г. учитывалось 5 храмов, а в 1961 г. – 16. Тем не менее, можно предположить, что в числе пяти храмов были наиболее крупные и соответственно прибыльные, включая кафедральный собор. В 1960 г. пожертвования от треб составляли порядка 14 % от общей суммы, в следующем году – 21 %. С учетом того, что в отчетах уполномоченного регулярно фигурируют дела с неучтенными доходами от треб отдельных священнослужителей, то указанные суммы могли быть на порядок больше.

Инструментом, призванным отслеживать совершение треб, а также идентифицировать участников обрядов, была квитанционная система учета, которая начала действовать в Смоленской области с августа 1961 г. Информация, которая заносилась в этот документ представляла из себя ФИО и адрес заказчика. Данное новшество позволило уточнить информацию не только об общем числе совершения треб, но и зафиксировать их участников. Это было важным потому, что не всегда суммы, получаемые по тем или иным приходам, можно было объяснить¹. Так, в Успенском кафедральном соборе в 1961 г. было крещено 3916 детей, что в полтора раза превышало число родившихся детей в Смоленске. Благодаря новой системе учета удалось выяснить, что с 1 августа того же года крещено 1571 ребенок, из них смоленских – 624, из районов – 823, а из других областей – 124². Подобная же картина была в иных крупных храмах епархии. Тем самым, государству удалось установить контроль за теми, кто обращается в храмы для совершения таинств. Это позволяло воздействовать на людей с целью отвернуть их от подобного шага в целях сохранения своей репутации и во избежание нежелательной огласки. Так как те, кто все же решались креститься или крестить детей, вынуждены были выезжать в иные регионы. Но так или иначе последние не были застрахованы от того, чтобы

¹ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 37. Л. 6

² Там же.

информация о них не была направлена в регионы их постоянного места проживания.

Эффективным средством контроля за финансами церкви и изъятием «излишек» доходов были различные сборы. В годы Великой отечественной войны отчисления средств происходило в Фонд обороны страны. По данным, приведенным О.Ю. Васильевой, церкви удалось собрать на нужды армии порядка 300 млн. руб.¹ В данном сборе принимали участие все епархии, в том числе Смоленская. Несмотря на тяжелое материальное положение в регионе, плачевное состояние приходов, подавляющее большинство которых начали действовать лишь в оккупационный период, верующие так или иначе стремились внести посильный вклад в дело победы над захватчиком. Об этом свидетельствовал уполномоченный Н.Л. Митин, сообщавший о сборе за 1944 г. 429 тыс. руб.² В 1945 г. за первый квартал было собрано 250 тыс. руб.³ Таким образом, Смоленская епархия собрала в общей сумме порядка 679 тыс. руб. в Фонд обороны.

Со второго квартала 1945 г. сбор средств продолжился, но уже в Фонд помощи детям сиротам убитых воинов. Так, в 1945 г. удалось перечислить 383 тыс. руб.⁴, а в 1946 г.⁵ – 185 тыс. руб.⁶. С 1947 г., согласно распоряжению патриарха, все сборы на «патриотические цели» были прекращены, о чем епископ Смоленский Сергей незамедлительно оповестил духовенство⁷. Данное решение, на первый взгляд, могло быть воспринято положительно со стороны церкви. Однако причиной, по которой было решено отказаться от финансовой помощи, являлось изменение отношения государства к религиозной повестке. Об этом сообщает М.В. Шкаровский, когда пишет о внесении значительных сумм на счета благотворительных организаций и

¹ Васильева О.Ю. Русская Православная Церковь в 1927–43 годах // Вопросы истории. 1994. № 4. С. 43.

² ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 2. Л. 18 об.

³ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 3. Л. 2 об.

⁴ Там же. Л. 29, 60 об.

⁵ За четвертый квартал сумма уполномоченным не указана, поэтому данные неполные.

⁶ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 4. Л. 6, 13 об.

⁷ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 5. Л. 15 об.

фондов. Это, по мнению ученого, поднимало авторитет церкви в глазах общественности и вызывало озабоченность у властей. В результате, Совет Министров дал распоряжение в Патриархию прекратить подобные сборы, о чем было сказано выше¹. На региональном уровне эти опасения также были небеспочвенными.

Смоленская епархия, несмотря на финансовые трудности, прилагала усилия по организации помощи наиболее пострадавшим категориям граждан. Так, зафиксированы неоднократные обращения со стороны священнослужителей об открытии детских домов за счет верующих и шефстве со стороны приходов над государственными учреждениями подобного типа. Более того, имелись случаи обращений со стороны представителей органов власти за финансовой помощью к священнослужителям. Благодаря усилиям уполномоченного все эти попытки не имели успеха². По характеру подобных сообщений, можно сделать вывод о добровольности взносов со стороны приходов. Последние, несмотря на разруху, благодаря энтузиазму верующих, имели возможность аккумулировать средства и направлять их на благотворительные цели, что не могло положительным образом не сказаться на репутации церкви и отдельных священнослужителей. Этому способствовало тяжелое материальное положение, в котором находилось население освобожденных районов, поэтому даже самая малая помощь имела значительный эффект для жизни нуждающихся людей. И если на этапе освобождения оккупированных территорий и в рамках реинтеграции населения органы государственной власти готовы были мириться с подобными явлениями, то в дальнейшем всякая благотворительность со стороны церкви, как и ранее, оказалась под запретом.

¹ Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь в XX веке. С. 345.

² См.: *Серафим (Амельченков), иером.* Русская Православная Церковь и общество в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов (На материалах Смоленской области). Смоленск: Свиток, 2012. С. 153–158.

Тем не менее, это положение не лишило властный аппарат возможности в иных формах изымать значительную долю финансовых средств у религиозных организаций в свою пользу. Данной цели послужило привлечение церкви к сборам в Советский Фонд мира (далее – СФМ), созданный в 1961 г. Несколькими годами ранее, а именно в 1958 г., в Совет поступали запросы относительно пожертвований в «Фонд мира». На этот счет были даны следующие разъяснения: «Специальных сборов пожертвований среди верующих в указанный “Фонд мира” делать не рекомендуется. Религиозные объединения и духовенство могут добровольно вносить имеющиеся у них наличные денежные средства, не проводя специального сбора средств на эти цели»¹. Одной из основных задач СФМ, которую не удалось успешно осуществить, было привлечение валюты со стороны иностранных благотворителей². Данное обстоятельство заставило обратиться к внутренним источникам, среди которых были добровольные взносы религиозных организаций, которые с 1961 г. стали обязательными.

Исследование, проведенное М.В. Сентябовой демонстрирует устойчивую долю расходов храмов Красноярской епархии на отчисления в общественные фонды в период с 1965 по 1988 гг. Данный факт свидетельствует о фактически обязательном характере подобных пожертвований³. Об этом же заявлял сам уполномоченный, который сообщал о проведении в 1961 г. специального семинара о взносах в Фонд мира с председателями исполнительных органов приходов. На нем Г.Н. Галинский призывал принять участие в сборе, «проявить свой патриотический долг и внести все свои свободные суммы»⁴. Однако это обращение не возымело ожидаемого эффекта, так как состоятельные приходы ограничивались

¹ ГАСО. Ф. 985. Оп. 1. Д. 15. Л. 2.

² Раева Т.В. Развитие советских миротворческих практик в условиях холодной войны // Управление в современных системах. 2018. № 4. С. 21.

³ Сентябова М.В. «Обязательная благотворительность»: финансовые отчисления красноярских приходов Русской Православной Церкви в советские общественные фонды // Наука и образование: опыт, проблемы, перспективы развития. Материалы международной научно-практической конференции. Красноярск, 2021. С. 374.

⁴ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 37. Л. 4.

внесением «незначительных», по мнению уполномоченного, сумм. В результате ему пришлось вмешаться для того, чтобы «поправить это дело»¹. Так, удалось собрать за 1962 г. сорок две тысячи семьсот девяносто рублей. А далее, Г.Н. Галинский докладывал о своих планах обозначить для каждого прихода контрольные цифры, которые должны быть в обязательном порядке выполнены с таким расчетом, «чтобы были изъяты все излишние средства, и они могли бы довольствоваться только необходимым»².

В 1963 г. было внесено 62 921 руб.,³ а в 1964 г. – 30 022 руб.⁴ Значительное уменьшение суммы в 1964 г. объясняется повышенными расходами Успенского кафедрального собора и Троицкого в Вязьме на ремонтные работы. В результате суммы взносов уменьшились соответственно с 20 тыс. и 19 тыс. до 5 и 3 тыс. руб.⁵ Так, взносы в СФМ стали, по своей сути, косвенным налогом, призванным ослабить церковь, оставить ей средства лишь на «самое необходимое». Мера необходимого же определялась исключительно самим уполномоченным.

С 1947 г. получили распространение займы на восстановление народного хозяйства. Кроме того, в значительной мере были повышены налоговые сборы со священнослужителей. О практиках, применявшихся по отношению к приходам и священнослужителям при взимании налога, свидетельствует следующий случай. В 1947 г. к уполномоченному поступили обращения со стороны верующих сс. Корсика и Кузьмичи с просьбой о снижении налога со строений и земельной ренты. Данное обращение было аргументировано тем, что Ершичское райфо по вине отдельных сотрудников в течение трех лет не взимало налога с указанных приходов. В результате проверки это нарушение вскрылось и было решено взыскать с общин сумму налога за три года, включая пени, по 5 тыс. руб. с каждой. Отношение к

¹ Там же.

² Там же.

³ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 40. Л. 8.

⁴ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 42. Л. 31.

⁵ Там же.

этому делу уполномоченного можно увидеть из следующей фразы: «Не желая платить недоимку вследствие, яко бы того, что она образовалась по вине финансовых работников, верующие возбудили ходатайство о списании этой задолженности»¹. Таким образом, для Н.Л. Митина было очевидным, что общины должны оплатить налог и пени в полном объеме, несмотря на нарушение со стороны органов власти в части исполнения своих прямых обязанностей. В дальнейших отчетах не сообщается о том, как решился данный вопрос, что также характеризует работу Н.Л. Митина.

Еще одним фактором, призванным осложнить деятельность церкви, явилось то, что государство распространяло действие закона о налогообложении в отношении религиозных организаций не только на церковнослужителей, но и на тех, кто трудится по найму. Данное положение дел иллюстрирует жалоба епископа Сергия (Смирнова) уполномоченному на трудности при ремонте Успенского собора г. Смоленск. Рабочие отказывались брать заказ, так как их доходы облагались по 19 статье, как кустарей². Это имело большое значение и вело к удорожанию стоимости работ и осложняло поиск рабочей силы. Данная практика распространялась на певчих, технических рабочих и т.д. В 1962 г. В. Куроедов предложил регистрировать псаломщиков в таком же порядке, как и священнослужителей. Предполагалось, что данная мера коснется лишь тех, кто регулярно получает оплату. Таковых, по данным Совета, насчитывалось в РПЦ порядка 5375 человек. В этой связи, данные лица также должны были облагаться соответствующим налогом. Все эти меры были призваны к тому, чтобы не только увеличить финансовую нагрузку на церковь, но и осложнить для помогающих при совершении богослужения лиц их нахождение на приходах, как «распространителей религиозных воззрений среди населения»³.

¹ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 5. Л. 23 об.

² ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 12. Л. 48.

³ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 39. Л. 29.

Согласно отчетам, можно отметить наличие форм прямого изъятия церковных ценностей. Так, секретарь епархии свящ. В. Никитский на свое обращение к уполномоченному о содействии в получении средств снятой с регистрации церкви с. Новый Двор получил следующий ответ: «Все имущество, кроме икон и утвари, передается в Фонд государства»¹. Ссылкой на какое-либо установление уполномоченный данное решение не считал нужным сопровождать. Зафиксированный случай позволяет увидеть неофициальные рычаги влияния, находившиеся в руках уполномоченного, на финансовую жизнь приходов.

Государство, помимо различных сборов, брало под свой контроль любые формы благотворительности и движения финансов между приходами, в том числе отчисления в епархиальную кассу. О необходимости пресекать подобное установление шла речь в Постановлении Совета по делам РПЦ от 28.06.1961 г.: «Совет предлагает уполномоченным немедленно покончить с подобной практикой. Проведение денежных отчислений в пользу епархиальных центров должно быть делом исключительно добровольным и решаться самостоятельно исполнительными церковными органами»². Далее в документе было зафиксировано следующее положение: «Необходимо также разъяснить всем религиозным общинам, что они не обязаны отчитываться в своей финансово-хозяйственной деятельности перед правящим архиереем и епархиальным управлением. <...> Получать от религиозных объединений необходимые сведения об их финансово-хозяйственной деятельности могут только местные советские органы власти и уполномоченные Совета по делам Русской православной церкви»³. Из приведенных фрагментов Постановления следует, что государство обрывало связь не только между настоятелем и двадцаткой, но и стремилась к полной атомизации церковной жизни, которая замыкалась в рамках прихода.

¹ Там же.

² ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 35. Л. 13.

³ Там же. Л. 13–14.

Серьезный удар в этом направлении был нанесен 16 марта 1961 г., когда Совет министров СССР утвердил постановление «Об усилении контроля за выполнением законодательства о культурах». В нем содержалось указание о «необходимости восстановления прав исполнительных органов церковных общин в части ведения финансово-хозяйственной деятельности в соответствии с законодательством о культурах»¹. В результате, Советом по делам РПЦ была подготовлена инструкция, повторявшая положения ранее изданных документов с 1929 по 1944 г. В новой инструкции, в отличие от Постановления 1929 г., зафиксирована возможность епархиальных структур иметь и распоряжаться движимым и недвижимым имуществом. Тем самым признавалось наличие ограниченных прав юридического лица за религиозными организациями, которыми они были наделены Постановлениями СНК СССР от 22 авг. 1945 г. и Совета министров СССР от 28 янв. 1946 г.² Это позволяло епархиям и приходам совершать хозяйственно-правовые сделки для обеспечения богослужебной деятельности, найма сотрудников и реализации иной хозяйственной деятельности. Однако эти функции переходили представителям общины – старосте прихода и членам ревизионной комиссии.

Правящие архиереи теряли возможность контроля за финансово-хозяйственной жизнью общин, что означало усиление исполнительных органов приходов и повышение их независимости от епархиального управления. Таким образом, стремление по децентрализации церковной жизни находило свое воплощение и в экономических рычагах влияния, где общины были подотчетны уполномоченному и органам советской власти, а не епископу.

Одной из форм давления на финансово-хозяйственную деятельность церкви стали т.н. «возвраты» храмов, открытых в период оккупации, под нужды клубов и хозяйственных построек. Данный процесс разворачивался

¹ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 309. Л. 65.

² *Никитин Д.Н.* Указ. соч. С. 209.

постепенно вплоть до нач. 1950-х гг. Обстоятельства, которые привели к подобному положению дел, в достаточной мере проиллюстрированы в случае с храмом с. Хиславичи. В 1938 г. здание церкви было передано областному отделу кинофикации для размещения в нем кинотеатра. В период оккупации храм был возвращен верующим, однако в 1946 г. встал вопрос о передаче храма «Заготзерно». Однако администрация не препятствовала ремонту другого церковного здания в Хиславичах, дабы оно, после передачи ранее действовавшей церкви, могло быть используемо верующими¹. Этот эпизод является скорее исключением, так как альтернативы верующим, как правило, не предоставлялось. Однако даже в упомянутом случае необходимы были значительные ресурсы для ремонта церковного здания и поиска необходимых материалов и средств, что в условиях послевоенного дефицита и восстановления экономики, было трудной задачей.

В отчетах также обращает на себя внимание то, каким образом, уполномоченный формулировал проблемы. Так, сообщая о требованиях верующих жителей с. Монастырщина возратить отнятое после ВОВ здание храма, использовавшееся в период оккупации по прямому назначению, Н.Л. Митин называет его «бывшим молитвенным домом». Что может ввести в заблуждение, как будто речь идет о приспособленном помещении, а не капитальном церковном строении. Вместо храма верующим было предоставлено здание на окраине села, которое предлагалось оборудовать под религиозные нужды².

Примечательным является обращение сельсовета с. Шестаково о закрытии одного из наиболее посещаемых храмов Смоленской епархии – церковь Илии Пророка, и передачи его под клуб³. В результате, Н.Л. Митин обратил внимание на то, что храм посещало значительное число людей (500–600 чел. в воскресные дни), также в немалом количестве в нем совершались таинства крещения, а священник имел значительный авторитет

¹ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 4. Л. 12.

² ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 14. Л. 4.

³ Там же. Л. 5.

в среде не только прихожан, но и местных партийных работников, так как порой имел возможность одалживать некоторым из них средства из церковной кассы. Все эти факторы препятствовали изъятию здания храма¹.

В иных случаях, по косвенным данным можно сделать предположение, что порой архиерей сам был заинтересован в закрытии храмов, которые не могли обеспечить настоятеля. Но как правило, епископ прилагал все усилия, чтобы возродить приходскую жизнь там, где она затухала. С этой целью направлялись активные клирики, которые могли бы поправить положение. В том же случае, если подобные действия не имели успеха, то приход снимался с регистрации, здание передавалось местным органам власти, и архиерей не предпринимал каких-либо усилий для того, чтобы воспрепятствовать этому. Так было с храмом в с. Уколово, где ежегодно и не единожды менялись настоятели. В результате, со слов уполномоченного, епископ Сергей (Смирнов) отказывался направлять в этот приход священника². Также был ряд иных храмов, в которых священники значительное время отсутствовали в связи с теми же материальными трудностями.

Данная проблема приводила епископа к следующей дилемме – переводить на краткий срок клирика, либо оставлять приход без настоятеля, что ставило вопрос о снятии прихода с регистрации. Однако епископ Михаил (Чуб) нашел иной выход из ситуации – приписывать малоимущие общины к другим приходам³ и выделять из епархиальной кассы средства на зарплаты священнослужителям, приходы которых не способны были содержать настоятеля⁴. Это решение несомненно оживляло жизнь общин и снимало кадровый вопрос. Кроме того, оно следовало в фарватере общих указаний, присылаемых из Управления делами Московской Патриархии, как, например, в письме управляющего делами МП свящ. Н. Колчицкого от 29.09.1959 г. в адрес епархиальных архиереев: «В некоторых епархиях

¹ Там же. Л. 12–13.

² Там же. Л. 12.

³ Там же. Л. 18.

⁴ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 30. Л. 2.

имеются приходы настолько малочисленные, что они не могут содержать ни храма, ни священника, и храмы находятся в полном упадке... О таких приходах следует доложить Его Святейшеству, с представлением о присоединении их к другим, более мощным приходам, которые могут самостоятельно существовать и содержать храм»¹.

Как показала практика, в дальнейшем данная инструкция не была эффективно реализована, так как, во-первых, уполномоченные не имели желания сохранять приходы таким образом, а, во-вторых, бремя содержания малоимущих приходов ложилось на плечи «самостоятельных». Последние в связи с трудной финансово-хозяйственной обстановкой, вызванной управленческими решениями государственной власти, также не могли в полной мере нести бремя содержания затухающих приходов. Годом ранее епископ Михаил (Чуб) делился с уполномоченным информацией о том, что патриарх готовил обращение в правительство страны с вопросом о возможности перераспределения действующих храмов. Предлагалось снимать с регистрации те приходы, которые не могли себя содержать в силу малочисленности населения и удаленности от поселений. И напротив открывать новые там, где в храме, действительно, была нужда². Судя по всему, изменения в религиозной политике страны убедили патриарха в несвоевременности подобных обращений, так как оно не было направлено адресату.

В дальнейшем применялись более радикальные формы давления на церковную жизнь вплоть до закрытия и сноса храмов, способных не только себя обеспечивать, но и приносивших значительный доход. Подобное произошло с Петропавловским храмом г. Рославль в 1963 г. Формальной причиной подобного решения послужила перепланировка центра города. Подобный мотив можно было считать состоятельным, если бы не разрушался памятник архитектуры. Тем более, имеются свидетельства о том, что

¹ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 31. Л. 46.

² ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 29. Л. 29.

причиной данной акции было обострение борьбы с «религиозными пережитками». 27 июля 1961 г. Г.Н. Галинский написал письмо В.А. Куроедову с просьбой дать рекомендации к действию относительно закрытия Петропавловского храма. На этот счет уполномоченным были представлены следующие аргументы¹:

– «Петропавловская церковь является более слабой [относительно Преображенской и Вознесенской церкви], активность и ее доходы с каждым годом падают и необходимости в ее существовании никакой нет»;

– «В этих церквях работают пять священников и между ними происходят постоянные споры и интриги»;

– «Все это [споры и интриги] происходит потому, что там нет необходимости содержать такое количество церквей»;

– «В первое время епископ категорически возражал против закрытия церкви, а в настоящее время эти возражения прекратились»;

– «Из районных руководящих организаций поступают настойчивые просьбы закрыть хотя бы одну церковь. Такое настроение и в областных организациях».

В данном случае важно рассмотреть представленные тезисы для того, чтобы дать максимально объективный анализ целесообразности принятого решения. Что касается активности храма, то сам уполномоченный, в письме от 14.12.1961 г. приводит сведения о том, что годовой доход храма составлял порядка 5 тыс. руб. (после денежной реформы), в то время как в иных храмах Рославля – Преображенском и Вознесенском, 20 и 7 тыс. руб. соответственно. Несмотря на большой разрыв с первым храмом и незначительное отставание от второго, разница не является столь значительной, чтобы утверждать о бедности закрываемого храма. Кроме того, статистика могла не в полной мере отражать действительность, как это следует из дела о неуплате налога последним настоятелем храма Михалевым. Что касается споров и интриг, то это оценочное суждение, которое сложно

¹ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 36. Л. 64.

подтвердить или опровергнуть. А упоминание мнения епископа, действительно, могло оказать некоторую поддержку, так как его неформальное согласие помогало избежать волнений со стороны верующих. И в заключение, уполномоченный обращает внимание на позицию местных и областных органов власти. Именно этот аргумент должен был окончательно убедить руководство центрального аппарата Совета поддержать решение о закрытии храма и его последующей ликвидации.

В 1962 г. события развивались следующим образом. Вероятно, со стороны Совета возражений не поступило относительно снятия с регистрации прихода и сноса храма, поэтому Смоленский исполком областного совета решил, «в связи с тем, что планом реконструкции г. Рославля здание Петропавловской церкви подлежит сносу, и учитывая, что в г. Рославле имеются еще две действующие церкви, которые смогут удовлетворить потребности верующих, решил:

1. Согласиться с решением Рославльского горисполкома от 18 апреля 1962 г. № 126 о снятии с регистрации религиозной общины Петропавловской церкви.

2. Просить Совет по делам Русской православной церкви при Совете министров СССР дать свое согласие о снятии с регистрации религиозной общины Петропавловской церкви г. Рославля»¹.

Незадолго до этого, 25 февраля, 8 марта и 2 апреля 1962 г., представителями двадцатки и иными прихожанами Петропавловской церкви на имя Л.И. Брежнева были направлены письма, из которых следует²:

- Храм был закрыт с 20 января 1962 г.;
- Прихожане не были извещены о причинах закрытия храма;
- Здание церкви было капитально отремонтировано в 1961 г.;
- Задолженностей не имелось;
- Богослужения посещались значительным числом людей;

¹ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 38. Л. 4.

² Там же. Л. 10–11 об.

- Архидьякон после перевода настоятеля нового не назначал, «намекая на закрытие церкви»;
- Власти города, к которым обращались верующие, ссылались на то, что епископ не назначает настоятеля, поэтому храм закрывают;
- Прихожане направили адресату просьбу сформировать комиссию по данному вопросу, которая на месте могла бы разобраться в данной ситуации.

Среди подписантов в первых двух письмах значится более четырехсот человек. Ответ на данное письмо поступил из Совета 2 апреля с резолюцией: «О результатах рассмотрения сообщить заявителям»¹. Таким образом, никакие ходатайства не могли повлиять на исход дела, которое в столь короткие сроки власть осуществила.

Таким образом, храм был разрушен, несмотря на протесты значительного числа людей. Сложно свидетельствовать о том, было ли данное решение действительно продиктовано острой необходимостью расширить проезжую часть в месте, где находился храм. Однако то, что совершение этого дела могло быть одной из основных целей не только местной, но и областной власти, засвидетельствовано документально. Несомненно, последствия сноса храма, которому было более ста лет, трудно оценить с культурной и нравственной точки зрения, так как множество людей регулярно посещало богослужения, которые в нем проходили. Тем не менее исполнение этого решения нанесло урон и финансово-хозяйственной жизни церкви, потому что в отличие от сельских затухающих приходов Петропавловский приносил значительный доход, мог содержать духовенство и причт и был абсолютно самодостаточным.

В послевоенный период Русской Православной Церкви благодаря частичному ослаблению мер, ограничивающих ее хозяйственную деятельность, удалось в значительной мере улучшить свое финансовое положение. Об этом свидетельствуют факты пожертвований Смоленской

¹ Там же. Л. 9.

епархии в Фонд обороны страны и Фонд помощи детям-сиротам убитых воинов. Также обращения некоторых настоятелей с просьбой разрешить открытие детских домов и готовность духовенства перечислять суммы на помощь нуждающимся свидетельствовали о наличии возможности выделять средства на подобные нужды. Данный факт не мог не остаться незамеченным, и власть ограничила церковь в благотворительной деятельности, которой не могли помешать и крайне высокие налоговые ставки для священнослужителей. Последняя проблема на протяжении всего исследуемого периода была актуальна, так как нередко финансовые органы власти допускали грубые нарушения законодательства. Результатом этого были многочисленные обращения клириков в районные и областные финансовые отделы. Тем не менее это не мешало приходам Смоленской епархии аккумулировать значительные средства и тратить их не только на текущие нужды, но и на украшения храмов, их капитальный ремонт и закупку утвари. Особое внимание этой «проблеме» было уделено в информационном письме уполномоченным от 21.08.1958 г.¹ Также отдельное замечание было вынесено Г.Н. Галинскому за слабое освещение вопросов о положении финансово-хозяйственной деятельности².

Именно с 1958 г. в отчетах стал появляться более подробный анализ экономической активности Смоленской епархии. Из него можно узнать, что в период с 1954 по 1957 гг. доходы церкви увеличились на 88 %, хотя в фиксированные суммы не включались доходы от треб, которые составляли значительную долю в бюджетах храмов – 30–85 %³. Одними из самых эффективных мер по сокращению поступлений в приходские кассы стало увеличение обложения подоходным налогом свечных мастерских и введение твердых окладов. Тем самым был нанесен значительный удар по ключевым статьям дохода приходов – продаже свечей и исполнению треб. К 1964 г. общий доход епархии составил 125 578 руб.

¹ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 27. Л. 1.

² Там же.

³ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 30. Л. 18.

В итоге эти изменения в хозяйственно-экономической жизни епархии значительно осложнили все стороны ее жизни. Во-первых, слабые приходы вынуждены были долгое время функционировать без настоятелей, после чего снимались с регистрации. В результате значительное число храмов было закрыто. Те, что действовали, столкнулись с проблемами в обслуживании и проведении необходимых ремонтных работ. Во-вторых, священнослужители теряли значительные суммы доходов, что обостряло кадровую проблему и влияло на проповедническую активность священнослужителей.

2.2 Епархиальное управление и приходы под влиянием мероприятий Совета по делам РПЦ и региональных властей

В исследовании В. Смолкин «Свято место пусто не бывает» выдвигается важная концепция о причинах борьбы с религией в СССР. Исследовательница выделяет два основополагающих этапа на пути «искоренения религиозных предрассудков»¹. Первый был ознаменован борьбой с церковью как мощной политической силой, которая несет в себе реакционное зерно и способно противодействовать государственной политике. Неустойчивость и неопределенность положения советской власти в 1918 – начале 1920-х гг. толкало государственный аппарат на подавление любой силы, способной пошатнуть ее позиции. В этот период сложились практики, инерционно поддерживаемые и в последующее время. Таким образом, в следующем десятилетии церковь как экономический институт и социальный агрегатор была сломлена, ее возможности и инфраструктура были сведены до уровня, не позволявшего в сколь-либо значимой мере влиять на общество. Тем самым цель по устранению церкви как потенциального источника центробежных процессов в Советском Союзе была достигнута. В политическом аспекте Русская Церковь не представляла значимой угрозы для советской власти.

Однако начало Великой Отечественной войны заставило пересмотреть роль религии во внутренней и внешней политике. Активизация верующих как на оккупированных территориях, так и не занятых захватчиками, патриотическая деятельность церкви и рост религиозных практик населения свидетельствовали о сохранении потенциала религии в качестве влиятельной силы. Кроме того, международная повестка диктовала советскому руководству построение видимости «демократического» и свободного государства, в котором не допускались притеснения религиозных обществ.

¹ Смолкин В. Указ. соч. С. 140.

Военный и послевоенный период государственно-церковных взаимоотношений проходил под знаменем терпимости по отношению к религии постольку, поскольку это было необходимо. Данная модель определила конфессиональную политику и ослабление открытой идеологической борьбы против религии после активного наступления в 1928–1938 гг. Подобный поворот в ряде исследований объясняется прагматизмом И.В. Сталина, ставившего политические интересы выше идеологии¹. В самом начале Великой Отечественной войны возникла необходимость использовать все инструменты для объединения народов, проживавших на территории СССР. Значительная часть населения демонстрировала приверженность религии и традиционным для русской истории образам. В этой связи воинствующий атеизм со всеми средствами воздействия на массы, как то: издание специальной литературы и периодики, музеи атеизма и иные организации не отвечали новым задачам и в большинстве своем были ликвидированы.

Государство на определенном этапе для работы с населением видело в церкви больше пользы, чем кружки воинствующих безбожников. И церковь, со своей стороны, старалась эту деятельность выгодно для себя использовать. Ярким примером тому является обращение местоблюстителя патриаршего престола митрополита Сергия (Страгородского) к русским людям с призывом подняться на «защиту священных границ нашей родины»².

Новая миссия, которую государство определяло для церкви, во многом была связана с патриотической деятельностью. Как следует из отчетов уполномоченного Совета по делам РПЦ в Смоленской области Н.Л. Митина, эта сторона деятельности в Смоленской епархии велась

¹ Смолкин В. Указ. соч. С. 139–140; Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах). М.: Крутицкое Патриаршее Подворье, 1999. С. 201.

² Обращение митрополита Московского и Коломенского, Главы Православной Церкви в России Сергия к «Пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви». 22 июня 1941 г. // Правда о религии в России. М., 1942. С. 17.

неудовлетворительно¹. Данная работа заключалась в сборе денежных средств на нужды инвалидов, детей-сирот, на восстановление экономики государства. Отдельные священники читали проповеди «патриотического характера, призывающие к скорейшему выполнению государственных обязательств»².

Стоит отметить, что сам уполномоченный Н.Л. Митин воспринимал свою задачу не как посредника между государством и церковью, но как «работника идеологического фронта»³. В отчете за 4 квартал 1946 г. Н.Л. Митин также обращает внимание на то, что им – «работникам идеологического фронта, требуется необходимая сумма знаний и тактического умения, чтобы разбираться в этой сложной политической обстановке»⁴. Однако, несмотря на подобное самовосприятие, активной «идеологической» работы со стороны Н.Л. Митина не наблюдалось.

Кроме того, епископ сам внимательно следил за тем, чтобы церковь не была связана с антисоветскими движениями и идеологической борьбой. Об этом красноречиво свидетельствует «печальный инцидент», произошедший на Пасху 1947 г. в храме г. Гжатска. Некая женщина во время богослужения допустила оскорбительные выкрики в адрес «тов. Сталина». Епископ обратился к общине с осуждением подобных действий и призвал направить извинительное письмо в райисполком, что и было сделано. Сама виновница попала под следствие⁵. Реакция епископа вызвала удовлетворение у уполномоченного и свидетельствовала о максимальной лояльности церкви в лице ее смоленского архиерея по отношению к власти. Ни о какой борьбе речи не шло, так как, по замечанию Д. Периса, положение церкви и создание

¹ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 4. Л. 6.

² ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Л. 13 об., Л. 21; Д. 5. Л. 25.

³ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Л. 21 об.

⁴ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Л. 75.

⁵ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 5. Л. 25.

Совета по делам РПЦ ознаменовало возврат к дореволюционной практике взаимоотношений между государством и церковью¹.

Что касается дальнейшей «патриотической работы», именно так был озаглавлен отдельный раздел в информационных отчетах уполномоченного до 1948 г., то она сошла на нет, так как имела формальный характер и производилась «помимо их (священнослужителей – автор) собственного желания»². Если рассматривать само общество, а именно его религиозную часть, то здесь любая пропаганда выглядит несколько излишней.

Часть верующих смоленского региона воспринимала Совет и его уполномоченного в качестве посредников в решении своих проблем, порой более действенных, чем священнослужители³. Об этом свидетельствуют просьбы общин, касающиеся сугубо внутренних вопросов организации церковной жизни, как то: перемещение и назначение священников⁴, неподобающее поведение клириков⁵ и т.д. Так, например, староста храма в с. Княжино Новодугинского р-на Михайлов К.М. обращался к уполномоченному с выражением недовольства вмешательством священников «в хозяйственные и денежные дела церкви». По мнению Михайлова, священникам необходимо совершать богослужения и следить за порядком в алтаре, «а хозяйством управлять – на то есть церковный староста, он должен быть полным хозяином, а не священник». В результате, Н.Л. Митин рекомендовал ходатаю обратиться к епархиальному архиерею либо в патриархию⁶. В ином месте описана жалоба на епископа священника Ключева, который, по его мнению, несправедливо был отстранен от служения⁷.

¹ *Peris D.* «God Is Now on Our Side»: The Religious Revival on Unoccupied Soviet Territory during World War II // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2000. Vol. 1. № 1. P. 117.

² ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 5. Л. 32 об.

³ См.: *Шкаровский М.В.* Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. С. 79.

⁴ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 4. Л. 5 об.

⁵ Там же. Л. 65 об.

⁶ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 5. Л. 14.

⁷ Там же. Л. 15.

Подобные обращения имели место и в дальнейшем и свидетельствовали об отношении людей к фигуре уполномоченного как посредника между властью и церковью, или, если быть более точным, конечной инстанцией при решении тех или иных вопросов. Данный фон свидетельствует о незначительном давлении в идеологическом пространстве, так как ни государство, ни верующие не имели оснований для конфликта.

Из отчетов Н.Л. Митина следует, что на 1948 г. идеологическая работа в регионе велась, как и прежде, «не удовлетворительно» и эпизодично. При выезде в Дорогобужский р-н уполномоченный выяснил, что в одной из школ Дорогобужа ученик 8 класса «распространяет разную религиозную ересь» (о загробной жизни, бытии Бога и т.д.). Уполномоченный сообщил, что были приняты меры по усилению идеологической работы среди молодежи. Какого характера были эти меры, не уточняется, из чего можно сделать вывод о поверхностном отношении к ситуации. Далее Н.Л. Митин обратился к анализу религиозности в Духовщинском р-не и сообщал: «Потребностей в исправлении религиозных обрядов среди населения не чувствуется, а также не слышно разговоров о церкви и религиозных обрядах»¹. С учетом того, что в районе не имелось действующих храмов, каким образом чиновник мог «почувствовать» религиозные потребности и услышать разговоры на этот предмет, не совсем ясно. Тем не менее данный успех не коррелировал с оценкой уполномоченного идеологической работы в Духовщинском и остальных районах Смоленской области, которую он охарактеризовал как «крайне неудовлетворительную»².

Подобные инспекции раскрывают положение уполномоченного как независимого представителя исполнительной власти, который имеет право координировать и оценивать уровень идеологической работы на антирелигиозном фронте. Так, в секретной Справке старшему инспектору

¹ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 7. Л. 7.

² Там же.

Отдела пропаганды ЦК ВКП(б) Н.Л. Митин недвусмысленно указывает на отступление «отдельных партийно-советских и комсомольских руководителей от принципиальных партийно-политических позиций»¹. К этому обвинению он прилагает многочисленные факты участия коммунистов и кандидатов в члены партии в религиозных обрядах и заключает: «Все это свидетельствует об ослаблении идеологической работы среди коммунистов и молодежи в особенности»². Таким образом, Н.Л. Митин принадлежал к числу тех уполномоченных, кто глубоко воспринимал установки Совета и пытался их настоятельно транслировать.

Такое положение дел сохранялось до 1947 г., когда высшее партийное руководство в лице заместителя начальника Управления агитации и пропаганды Д.Т. Шепилова обратило внимание на опасность «сращивания с церковниками» Совета, который склонен к сотрудничеству с религиозными сообществами, а не контролю за их деятельностью³. Данное обвинение по отношению к уполномоченному Совета по Смоленской области Н.Л. Митину было необоснованным. Тот, напротив, проявлял «политическую бдительность», всячески стремился к тому, чтобы контролировать, а в чем-то ограничивать деятельность верующих и духовенства, особенно в части открытия церквей в соответствии с рекомендациями местных партийных органов⁴, что порой вызывало порицание со стороны Совета⁵. Выражение озабоченности повышением религиозности населения проходит красной линией во всех информационных отчетах смоленского чиновника. Скорее всего, он глубоко впитал непримиримые по отношению к церкви установки довоенного десятилетия. И на то были определенные основания. Все данные свидетельствовали об активизации деятельности церкви на Смоленщине, что, в частности, влияло на повышение доходов епархии.

¹ Там же. Л. 19.

² Там же. Л. 19 об.

³ Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. С. 344.

⁴ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 5. Л. 66.

⁵ Там же. Л. 4.

Негативная оценка ситуации усиливалась участвовавшими случаями чудесных явлений, о которых докладывалось в центральный аппарат Совета из многочисленных регионов страны. Не исключением стала Смоленская область, где в 1949 г. были зафиксированы массовые случаи обновления икон. Об этом в специальном отчете сообщал в центральный аппарат Совета Н.Л. Митин. Так, в Понизовском р-не было зафиксировано 34 случая, в Касплянском – 16, в Руднянском – 18, в Демидовском – 4. С этими происшествиями зачастую были связаны те, кто состоял в партии и занимал руководящие посты в местных органах государственной власти, на что особое внимание обращал уполномоченный. В результате священник Никонович, окормлявший населенные пункты в Касплянском, Руднянском и Демидовском районах, за «провокации» органами МГБ был взят под стражу вместе с «соучастниками». Смоленский Обком ВКП(б) постановил провести во всех населенных пунктах, где произошли обновления, лекции «с разъяснением шарлатанских действий со стороны отдельных лиц и на научно-естественные темы». Кроме того, все члены партии, принимавшие участие в этих событиях на стороне верующих, были исключены из нее¹. Произошедшее показало наличие среди населения, некоторая часть которого «по долгу службы» должна была быть атеистически настроенной, потребности в религии и ее проявлениях, в том числе чудесах.

С 1947 г. наблюдался рост недовольства конфессиональной политикой государства, поощрявшего деятельность церкви, которая олицетворяла «пережитки капиталистического прошлого»². Сторонники такого подхода, были убеждены: прошлое должно быть изглажено из жизни победителей. Тактический союз с Русской Церковью в 1943 г. был вынужденной мерой, поэтому в его необходимости нужды больше не было. Важно учитывать то, что подобным настроениям способствовала многолетняя пропаганда, выставлявшая религию в самом невыгодном свете. В атеистическом

¹ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 9. Л. 2–4.

² См.: *Чумаченко Т.А.* Государство, православная церковь, верующие. С. 108.

государстве родилось и выросло целое поколение, в лучшем случае знавшее о Боге от родителей, бабушек и дедушек. Многие традиции, если и остались в народном быту, то сохранили лишь свою форму. В этой связи становится закономерным то непонимание, которое вызвал резкий разворот в сторону сотрудничества с церковью. И партийное руководство и отдельные представители власти вправе были рассчитывать на то, что в СССР не должно быть места для религии.

Тем не менее отчеты уполномоченных с мест свидетельствовали о наличии иной точки зрения. Численность верующих стала расти, число духовенства год от года увеличивалось. Вместе с тем возросли доходы церкви, что давало ей возможность проводить ремонтные работы, оказывать поддержку нуждающимся и тем, кто в ней трудится. Церковь становится значимой не политической, но общественной силой.

Учитывая исторический контекст и сложившиеся практики, важно было найти ответственных за происходящее. В 1947 году руководитель Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г.Ф. Александров подверг резкой критике деятельность Совета и выдал следующее заключение: «Совет не совсем правильно понимает свои задачи, и в этом отношении его необходимо поправить»¹. Данное письмо стало одним из отправных событий в активизации информационного и бюрократического давления на Совет и его уполномоченных со стороны партийной власти и местных органов управления. Все это не могло не сказаться на тех действиях, которые предпринимал Г.Г. Карпов и его сотрудники для того, чтобы в сложившихся условиях сохранить свое положение. Органы государственного управления получали ясные сигналы о том, что религиозная политика неизбежно «колебалась» с позицией партии.

Что касается Смоленской епархии, то положение в ней в 1948 г. подробно описано Н.Л. Митиным в отчете, в котором отмечалась высокая

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 946. Л. 153.

посещаемость церквей, неуклонно возрастающая «за счет молодежи»¹. По статистике, 30–90 крещений производилось в воскресные дни в Успенском кафедральном соборе Смоленска и нередко участниками таинства становились члены партии². Подобное положение дел свидетельствовало об устойчивости религиозности среди населения, несмотря на годы активной атеистической пропаганды, что для Н.Л. Митина было неприемлемым.

Ужесточение позиции ряда партийных деятелей и чиновников постепенно стало достигать регионов. Так, в 1949 г. на Смоленщине разворачиваются процессы против священнослужителей. Уже упомянутый выше иерей Владимир Никонович был взят под стражу «за антисоветскую шпионскую деятельность»³ и обвинялся по ст. 58–10, ч. 2 УК РСФСР. В результате, особым совещанием при МГБ СССР священник был осужден на 10 лет ИТЛ. В 1955 г. он был досрочно освобожден, а в 1989 г. посмертно реабилитирован. Во время процесса прихожанами храма в Зарубенках, где Никонович являлся настоятелем, было собрано 237 подписей в поддержку заключенного. После этого не раз посылались письма с ходатайствами о его освобождении⁴. В том же 1949 г. два священника Смоленской епархии – благочинный Демидовского округа Пантелеимон Шимкович и Федор Городецкий – были сняты с регистрации за несогласованные с райисполкомами крестные ходы⁵. Ходатайство епископа Сергия о предоставлении регистрации для направления в другие приходы вышеупомянутых священнослужителей не было удовлетворено⁶.

Участились случаи фиксации проведения церковных праздников, вредивших «народному хозяйству». Как правило, в сельской местности в колхозах празднества длились по несколько дней. Они, выпадая на время

¹ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 7. Л. 26.

² Там же.

³ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 9. Л. 13.

⁴ Там же. Л. 13 об.–14.

⁵ Там же. Л. 26.

⁶ Практика разрешения крестных ходов, как показывают иные дела, в Смоленской епархии отсутствовала.

посевных или уборочных работ, отвлекали значительное число людей, в том числе руководителей сельсоветов и других ответственных работников колхозов. Подобные практики, отмечал уполномоченный, наносили серьезный ущерб и приводили к «несвоевременной уборке урожая»¹.

В 1950 г. на скамье подсудимых оказались брат епископа Сергия (Смирнова) протоиерей В. Смирнов, секретарь епархиального управления протоиерей В. Поликарпов и настоятель Успенского собора протоиерей Н. Валуженич. Они обвинялись в том, что давали взятки заведующему Сталинского райфо г. Смоленска Ковалеву и налоговому инспектору Ашперову, которые «сознательно занижали налоги»² церковнослужителям кафедрального собора. Данное расследование было инициировано Н.Л. Митиным, обратившим внимание на то, что с 1946 г. сумма налога для епископа и священников кафедрального собора неуклонно снижалась. Так, в 1946 г. епископу Сергию было назначено к выплате – 16783 руб., священникам – по 11528 руб.; в 1947 г. – 15303 руб. и 9808 руб., в 1948 г. – 14847 руб. и 9771 руб. Кроме того, после денежной реформы был снижен налог на строения и земельная рента с 42000 руб. до 30000 руб. О данных фактах уполномоченным было сообщено в органы МГБ³.

В итоге священники были осуждены на пять лет тюремного заключения за «взяточничество с целью получения льгот по налогам», а сотрудники финансовых органов, участвовавшие в совершении правонарушений, были приговорены к 10 годам исправительных работ⁴. Обращает на себя внимание то, как был устроен процесс над священниками, являвшимися ближайшими помощниками епископа и занимавшими важные позиции в епархии: одним из них был родной брат архиерея. Уполномоченный сообщал о возмущении верующих тем, что священники

¹ Там же. Л. 30.

² ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 10. Л. 4.

³ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 9. Л. 4.

⁴ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 10. Л. 9.

расходовали средства «не на благоустройство храма, а на пропой»¹. По всей видимости, суд проходил при максимальной огласке и был направлен на то, чтобы «разоблачить» неприглядную жизнь клириков и максимально компрометировать их в глазах общественности. Несмотря на отсутствие свидетельств того, что подобные процессы имели массовый характер в стране в изучаемый период, тем не менее он характерен как маркер отношения советских административных органов к церкви и священству и реакции на это представителей региональной власти. Последние не преминули воспользоваться возможностью провести «атеистическую работу» среди населения, компрометируя высшее духовенство епархии.

Указанный случай имел влияние на верующих и духовенство. Однако судебный процесс, проведенный незадолго до пасхальных торжеств, не смог существенным образом повлиять на посещаемость храмов в главный день торжества. Об этом свидетельствует отчет уполномоченного, в котором он приводит следующие цифры посещаемости пасхальных богослужений: г. Гжатск – 3000 (при общем населении – ок. 9000 чел.), г. Вязьма – 2500–3000 (при общем населении – ок. 30000 чел.), г. Демидов – 4000 (при общем населении – ок. 6000 чел.). Что касается Смоленска, то имеются сведения по Успенскому собору, который в пасхальную ночь посетило порядка 6000 (при общем населении – ок. 130000 чел.). Таким образом, статистика демонстрирует высокую посещаемость храмов в районных и областном центрах. Данные сведения приводились уполномоченным, настаивавшим на активизации антирелигиозной пропаганды и отмечавшим опасность сложившегося положения. По мнению Н.Л. Митина, необходимо было обратить на это самое пристальное внимание. Однако Совет в своих письмах обращал внимание на необходимость более вдумчивого отношения к деятельности церкви и призывал его к всестороннему анализу религиозной жизни на Смоленщине. Последнее было труднодостижимо для Н.Л. Митина,

¹ Там же. Л. 10.

признававшегося в своей некомпетентности и неподготовленности к исполняемой им работе¹.

Одним из следствий вспышки антирелигиозной кампании стал кадровый вопрос, который был поднят Центральным Комитетом КПСС. Было принято решение об укреплении кадрового состава Совета, что должно было сопровождаться более строгим отбором на должности уполномоченных. Кроме того, Совету поручалось усилить контроль за выполнением принятых решений на местах и установить новый порядок назначения и освобождения от должности уполномоченного. В этот период уполномоченного по Смоленской области Н.Л. Митина на его посту сменил Г.Н. Галинский, который продемонстрировал более вдумчивое взаимодействие с церковью и органами власти.

Следующий этап относительно благополучного существования Русской Церкви (за исключением эпизода с Постановлением от 7 июля 1954 г.) пришелся на время борьбы в высших политических эшелонах за власть. Религиозная повестка в этот период оставалась в стороне. Единственное упоминание о реакции, которую вызвало Постановление «Об ошибках...», свидетельствует о «восторженности духовенства» этим документом². И эту восторженность можно легко объяснить. В том же отчете уполномоченный отмечает «заметное увеличение совершения религиозных треб». Соответственно, выросли и доходы церкви. В данном случае эта тенденция следовала в общегосударственном русле, когда население, встревоженное возможным гонением на церковь, активизировалось и приняло более деятельное участие в таинствах, в особенности увеличилось количество крещений³. Тем не менее свидетельств о письмах и протестах со стороны духовенства и мирян Смоленской епархии в адрес Совета и его уполномоченного в связи с «новым курсом» партии в отношении религии не зафиксировано.

¹ См.: ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 4. Л. 22.

² ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 18. Л. 32.

³ См.: *Смолкин В.* Указ. соч. С. 162–163.

Деятельность уполномоченного по Смоленской области в середине 1950-х гг. во многом ограничивалась сбором информации о деятельности церкви и решением тех или иных проблем, возникавших между исполнительными органами власти и священнослужителями и мирянами. Последние, как показывала практика, видели в фигуре уполномоченного того, кто способен решить имеющиеся проблемы в тех или иных спорных случаях. Нередко даже сам епископ обращался с различными просьбами, в том числе бытового характера.

В целом, несмотря на ряд кадровых проблем, Смоленская епархия в период между смертью И.В. Сталина и окончательной победой Н.С. Хрущева в борьбе за власть над своими противниками в 1958 г. в значительной мере укрепила свое финансовое положение, а также сохранила влияние на общество. Такая же ситуация наблюдалась в масштабах всей Русской Православной Церкви. Все это не осталось незамеченным для руководства страны и вызвало серьезную обеспокоенность, свидетельством чему служит информационное письмо от 13.08.1958 г. для уполномоченных Совета. В его тексте обращалось внимание на повышение уровня благосостояния епархий и приходов, следствием чего стали активные ремонтные работы на приходах, их украшение и возможность привлекать молодых людей, оплачивая их труд в храмах. Кроме того, за период с 1947 по 1957 гг. значительно обновился кадровый состав духовенства в сторону омоложения священнослужителей. Последние играли все большую роль в церковной жизни, проявляя активность и заинтересованность в своем служении.

Уполномоченным обращалось внимание на рост посещаемости храмов среди молодежи. Как отмечал Г.Г. Карпов, уполномоченные в большинстве своем не смогли вовремя отреагировать на происходившие изменения в религиозной жизни общества. Упоминались те, кто халатно подходил к своим обязанностям, приводились примеры добросовестной работы при формировании информационной повестки религиозной жизни в отдельных епархиях, а также были указаны образцы конструктивных отношений

уполномоченных и епархиальных архиереев. В заключение Г.Г. Карпов обращал внимание на недопущение «административного вмешательства в деятельность церкви, чтобы не нарушать нормальных отношений с церковью»¹.

Последнее утверждение свидетельствует о сохранении курса Совета на стабильное взаимодействие с Русской Православной Церковью, несмотря на усиление агрессивной риторики по отношению к религии. Данное письмо значимо тем, что позволяет выделить основные направления работы органов власти по ограничению деятельности церкви в последующие годы, а именно: увеличение финансового бремени епархий и приходов, закрытие духовных школ, за исключением трех, ограничение управленческих полномочий настоятелей приходов. Все эти меры, как показало развитие событий, были реализованы в последующие годы.

Первым, на что стоит обратить внимание при рассмотрении отчетов уполномоченного по Смоленской области, это более скрупулезный учет приходов, где отсутствовали священнослужители и, соответственно, не совершались службы, либо это происходило эпизодически. Таковых в Смоленской епархии насчитывалось восемь храмов. В связи с этим Г.Н. Галинский перед епископом поднял вопрос о снятии с регистрации этих приходов, но получил категорический протест со стороны архиерея. В этой связи уполномоченный на первом этапе, то есть в первом полугодии 1958 г., не проявлял настойчивости в данном вопросе, рассчитывая на его «естественное» решение². Значительное внимание в отчете уделяется финансовому анализу положения в епархии и отдельных приходах. Чиновник констатирует увеличение доходов как в городских храмах, так и в сельских в период с 1954 по 1958 гг.

В. Смолкин, рассматривая цели антирелигиозной кампании на начальном этапе, то есть в 1958 г., обратила внимание на следующее: «При

¹ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 27. Л. 1–10.

² ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 28. Л. 6.

Хрущеве партия начала фокусировать внимание на тех практиках, которые до того времени не были первостепенной мишенью антирелигиозной политики: паломничествах, почитании местных святых, религиозных праздниках и святых местах»¹. Этой теме посвящена инструкция, направленная в адрес уполномоченных 26.12.1958 г. В ней сотрудники Совета призывались к тому, чтобы путем проведения воспитательной работы и на основе методов убеждения добиться закрытия почитаемых святых мест. Однако далее в письме имеется дополнение, противоречащее подобной методике, которое фиксирует необходимость создания условий, препятствующих посещению данных мест². Таким образом, методы убеждения не признавались в качестве единственно эффективной формы воздействия на верующих. Необходимо было при участии органов власти осуществлять и технические меры по устранению религиозных предрассудков.

Эта инструкция нашла свое отражение в отчете Г.Н. Галинского, который сообщал о наличии в Смоленской области единственного почитаемого источника, располагавшегося в Руднянском районе. Также показательным является то, что духовенство в последние несколько лет не принимало участия в молебствиях рядом с источником. Народ по своей инициативе облагораживал указанное место и проводил религиозные обряды. К наступлению весны уполномоченный поставил перед собой задачу выехать к источнику и совместно с местными органами власти «обеспечить прекращение там сбора населения»³. На это сообщение Г.Н. Галинский получил от Совета указание «ускорить ликвидацию почитаемого верующими источника»⁴. Об убеждении, воспитательной и разъяснительной работе с местным населением речи даже и не шло. Все должно было быть выполнено, несмотря на мнение людей. Это отчасти противоречило инструкциям самого

¹ Смолкин В. Указ. соч. С. 180.

² ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 27. Л. 31.

³ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 28. Л. 35.

⁴ Там же. Л. 37.

Совета, но тем не менее раскрывало контекст принятия тех или иных мер, относившихся к осуществлению «советской законности». Однако стоит отметить, что речи о грубом администрировании уже не идет, а сам термин уходит из официального поля, что дает возможность уполномоченным и иным представителям органов власти по-своему трактовать те или иные поручения вышестоящего руководства.

В отношении бытовой религиозности стоит обратить внимание на отдельное сообщение Г.Н. Галинского о праздновании Радоницы в Смоленске. Оно наполнено некоей растерянностью и непониманием того, каким образом можно повлиять на сложившиеся традиции. Так, сообщалось, что в этот день десятки тысяч людей наполняют кладбища и в разных формах проводят этот день. Одни вместе со священниками участвуют в панихиде, другие совершают поминки (интеллигенция, учителя, врачи). «И все это как-то уживается», – отмечает уполномоченный. Заканчивает он свое сообщение замечанием, что на религиозную сторону этого события не было обращено достаточного внимания¹, тем не менее что-либо поделать в данном случае он не имел возможности.

Одним из основных направлений деятельности уполномоченных должен был стать вопрос о кадровом обеспечении в епархиях. Основным источником пополнения духовенства в Смоленскую епархию в 1940-е–1950-е гг. являлась Белоруссия. Однако уполномоченному удалось как убеждениями, так и воздействиями через гос. органы воспрепятствовать переходу священников в Смоленск. В результате этого 11 приходов не имели священнослужителей, тогда как до 1958 г. их количество не превышало двух-трех. И это несмотря на многочисленные просьбы жителей поселений, которые нуждались в священниках². Важным является то, что епископ Смоленский Михаил (Чуб, 05.04.1955–01.08.1957) прилагал все усилия к тому, чтобы сохранить приходы, и стремился послать туда клириков,

¹ Там же. Л. 18.

² ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 30. Л. 2.

назначая им денежное содержание из епархиальной кассы, однако Г.Н. Галинский «под всякого рода предлогами не советовал этого делать»¹. Какие предлоги подразумевались уполномоченным, не уточняется, но, учитывая достаточно активную позицию епископа Михаила по обустройству епархии, аргументы Г.Н. Галинского, надо полагать, были достаточно убедительными. Мотивы своих действий чиновник объясняет далее, когда утверждает о том, что общины «дошли до такого состояния, когда их можно безболезненно снять с регистрации в этом году»² (прим. автора – 1959 г.). С учетом того, что общее количество храмов к указанному периоду составляло 54, закрытие могло коснуться 20 % приходов Смоленской епархии. Конечно, при болезненном епископе Иннокентии (Сокале) подобное мероприятие было провести значительно легче, чем при его предшественнике.

Показательной была последняя проповедь епископа Михаила (Чуба) перед его отъездом из Смоленской епархии. Это «слово» характеризует изменения, произошедшие накануне в церковно-государственных взаимоотношениях. Говоря о гонениях первых христиан в Римской империи, он завершил проповедь утверждением, что притеснения продолжаются «и в настоящее время»³.

Все это не могло остаться незамеченным для населения, которое, предчувствуя начало новых ограничений в религиозной жизни, поспешило исполнить обряды крещения и венчания⁴. В дальнейшем в ходе развертывания антирелигиозной политики эти показатели значительно упали.

В 1960 г. наблюдается усиление надзора за внутрицерковной жизнью приходов. Важной стороной деятельности по контролю за священнослужителями стал анализ проповедей духовенства. Об этом

¹ Там же.

² Там же.

³ Цит. по: Там же.

⁴ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 33. Л. 17.

неоднократно шла речь как на общих собраниях, так и в постановлениях по итогам отчетов уполномоченных¹.

Г.Н. Галинский тоже стал освещать данную тему в своих отчетах. Ужесточилось наказание за «нарушение советского законодательства». В 1959 г. настоятель Покровского храма г. Демидов свящ. Александр Исаев был снят с должности по причине того, что стал «злоупотреблять выездами [в город Велиж, для совершения треб – прим. автора], делая их слишком частыми», а также «стал делать массовое крещение детей и даже подстрекать верующих на усиление ходатайства об открытии храма [в Велиже]»². Уполномоченный лично содействовал тому, чтобы священник выезжал в Велиж, дабы устранить деятельность самозванных священников. Если ранее за совершение молитв в домах верующих в пасхальные и иные праздничные дни уполномоченный ограничивался предупреждением, то в 1960 г. священник Александр Зайцев из с. Горки Тумановского р-на был снят с регистрации «за массовый обход домов верующих с молитвой в престольный праздник»³. Такая же участь постигла и священника, проявлявшего активность «по вербовке» молодежи в семинарию. Третий священник лишился регистрации по причине укрытия доходов от обложения подоходным налогом⁴. Подобная реакция, особенно в первых двух случаях, свидетельствует об изменении методов воздействия уполномоченного на «нарушителей» в сторону их ужесточения⁵. С учетом кадровых перестановок в руководстве союзного Совета и усиления надзора за деятельностью уполномоченных со стороны центрального аппарата подобные меры вписываются в контекст общегосударственной политики, которой Г.Н. Галинский и иные уполномоченные обязаны были следовать.

¹ См. напр.: ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 27. Л. 1; Д. 32. Л. 3.

² ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 30. Л. 7.

³ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 33. Л. 9.

⁴ Там же.

⁵ См., напр.: ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 28. Л. 8. При упоминании выездов священников на дом к верующим, уполномоченный лишь констатирует факт подобных действий без негативной оценки.

В 1960 г. произошло знаменательное событие. Впервые за все время существования института уполномоченного в Смоленской области не поступило ни одного прошения об открытии храмов, что, по мнению Г.Н. Галинского, свидетельствовало об успешной деятельности идеологических работников. С учетом активности в прошлые годы общин из Велижа, Ярцево, Ельни и других населенных пунктов региона в части ходатайств по открытию храмов данная реляция не выглядит убедительной. Этому выводу способствует описание методов антирелигиозной работы, которую проводил уполномоченный. Так, в 1960 г. у приходов епархии было изъято два здания – в Демидове и Гжатске – по причине отсутствия согласования их строительства у уполномоченного. Оба строения были возведены в 1958 г., и лишь спустя два года был поднят вопрос о законности этого действия¹. Подобные меры были призваны нанести урон хозяйственной деятельности приходов, имевших возможность расширять свои возможности за счет строительства сооружений на прихрамовых территориях.

Одной из ключевых задач по минимизации влияния церкви на общество стало ограничение деятельности духовенства рамками прихода, а именно зданием церкви и прилегающей территории. Какие-бы то ни было выезды, требы на дому, в том числе у членов общин, были строго запрещены. Это привело к полному прекращению подобной практики. Таким образом, значительно упало количество совершенных треб. Отныне священнослужители не могли посещать своих прихожан в праздничные дни с целью поздравить их и совершить религиозные обряды. Священники теряли возможность неформального общения с прихожанами во внебогослужебное время, что ограничивало их в возможности узнать быт своих прихожан, познакомиться с членами их семьи и косвенно нести проповедь. За соблюдением подобных ограничений, как показано выше, уполномоченный внимательно следил и лишал регистрации провинившихся.

¹ Там же. Л. 10–11.

В Государственном архиве Смоленской области сохранился документ, в котором Г.Н. Галинский подробно докладывает о ходе внедрения новой системы государственно-церковных взаимоотношений на основе Инструкции Совета от 16 марта 1961 г. Уполномоченным были проведены семинары для секретарей городских и районных исполкомов, а также руководителей сельсоветов. В рамках проводимых мероприятий представители исполнительной власти получили разъяснения относительно их новой роли в качестве контролирующих органов приходских советов, члены которых должны были ими утверждаться. Объяснялось подобное вмешательство во внутрицерковные процессы стремлением «не допустить рваческие и жульнические элементы в церковные организации»¹. Также и уполномоченный имел право блокировать деятельность выбранных кандидатур в церковные двадцатки, каковым он пользовался в тех случаях, когда избирались «нежелательные лица»². Также Г.Н. Галинский в период формирования и инструктажа членов исполнительных органов приходов, распорядился пересмотреть церковные штаты в сторону их сокращения, снижения цен на продаваемую продукцию и «ликвидацию всяких излишеств». Тем самым власть руками самих же представителей церкви, которыми являлись члены двадцаток, реализовывала меры по ограничению деятельности церкви и нанесению ей максимального урона.

В свою очередь, Совет по делам РПЦ в новых условиях и при изменившемся руководстве избрал более выгодную позицию. Так, в одном из Постановлений подчеркивалась особая ответственность органов советской власти за исполнение новых требований в отношении контроля за соблюдением законности религиозными организациями. Вместе с тем обращалось внимание на то, что во многих регионах и республиках органы исполнительной власти не стали организаторами такого контроля. Уполномоченные же получали нарекания относительно применения «старых

¹ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 35. Л. 5.

² Там же. Л. 7.

методов и отсутствием контроля деятельности местных Советов по вопросам соблюдения законодательства о культах»¹. Таким образом, основная роль в обеспечении государственной политики в религиозной сфере отводилась органам власти на местах. Совет же обеспечивал себе более удобную позицию: неудачи обосновывал неспособностью местных властей справиться с поставленными партией задачами.

Таким образом, исполнительные органы приходов в новой конфигурации должны были играть ведущую роль в управлении их финансово-хозяйственной жизнью. В этом случае настоятель становился совершителем религиозных обрядов. Сами же органы были избираемы членами прихода. Однако согласно новым установлениям выборы должны были проходить при непосредственном контроле со стороны городских и районных исполкомов, о чем и сообщает уполномоченный по Смоленской области². Вполне естественно, что на местах порой возникали разногласия между вновь избранными председателями органов управления и настоятелями храмов. Как показывает практика, последние пытались решить данную проблему, инициировав переизбрание председателей путем воздействия на прихожан и органы власти. Примером использования первого метода служит случай с настоятелем храма с. Кузьмичи, священником Моториным, «спровоцировавшим незаконное переизбрание исполнительного органа»³. В другом случае настоятель Вознесенской церкви г. Гжатска игумен Никон (Воробьев) «завел в заблуждение райисполком и получил разрешение на переизбрание председателя исполнительного органа»⁴. Однако вмешательство уполномоченного разрушило эти планы. В результате священник Моторин был снят с регистрации, а игумен Никон (Воробьев) получил строгое предупреждение. Случай с Моториным должен был стать

¹ Там же. Л. 11.

² ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 36. Л. 3.

³ Там же. Л. 4

⁴ Там же.

показательным для всех остальных священнослужителей, как пример строгого отношения уполномоченного к подобного рода нарушениям¹.

На первый взгляд, может сложиться впечатление, что уполномоченный ограничивался лишь обеспечением исполнения «советской законности» при выборах в двадцатки и их председателей, а также следил за осуществлением их полномочий в рамках приходской жизни. Однако документы свидетельствуют о прямом вмешательстве органов государственной власти в выборы тех или иных кандидатур в члены двадцаток и их председателей. Последних смещали со своих должностей в случае, если те не отвечали политико-идеологическим требованиям к их работе. В 1961 г. был снят с должности председатель общины Окопной церкви г. Смоленска за чтение в храме «Жития Зои Куйбышевской». Та же участь постигла и двух других председателей «за нарушения законодательства»². Также Г.Н. Галинский обращал внимание на то, что в некоторых приходах работают «нежелательные фанатично настроенные лица»³, которых необходимо отстранить. О причинах, приведших к избранию подобных лиц на должности, уполномоченный сообщал, что вина лежит на райисполкомах, не проконтролировавших исключение из списка кандидатур лиц нежелательных и «мистически» настроенных. Что касается возрастного и социального ценза членов двадцаток, то имеется следующая картина на 1961 и 1962 гг.:

Таблица № 4. Динамика возрастного состава приходских советов 1961-1962 гг.

	1961	1962
Возраст	Кол-во чел. (% от общего числа)	
до 40 лет	2 (1,5 %)	15 (1,5 %)
от 41 до 60 лет	30 (25 %)	47 (4,5 %)
старше 60 лет	88 (73,5 %)	943 (93 %)

¹ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 37. Л. 4.

² Там же. Л. 5.

³ Там же.

социальный статус	Кол-во чел. (% от общего числа)	
колхозники	52 (43 %)	194 (19 %)
пенсионеры	38 (31, 5 %)	489 (48 %)
домохозяйки	25 (21 %)	200 (19,5 %)
рабочие	3 (2,5 %)	109 (10,5 %)
единоличники	2 (2 %)	-
служащие	-	23 (2 %)
Всего членов двадцаток	120	1015

В дальнейшем подобная статистика не приводится, однако она позволяет увидеть, каким образом укомплектовывались двадцатки на этапе их формирования. Если в 1961 г., когда по большей части лишь началось проведение выборов в наиболее крупных и активных приходах, основной процент участников органов управления составляли колхозники, то в 1962 г. их доля значительно снизилась. Возрос процент пенсионеров и рабочих. В первом случае эта тенденция объясняется большей независимостью пенсионеров от общественного мнения и рычагов административного давления. В случае же с рабочими подобные изменения могли быть продиктованы большим охватом приходов, в которых сформировались органы управления, а также необходимостью иметь тех, через кого можно было бы формировать повестку деятельности приходов, а также оперативно получать информацию о приходах.

Выше были приведены случаи, когда настоятели приходов не были удовлетворены результатами выборов двадцаток и их председателей. Однако подобного рода инциденты были единичными. Имелись случаи, которые свидетельствовали о сохранении священнослужителями влияния на дела прихода, в том числе и административно-хозяйственные. Подобный ход развития событий не был предусмотрен целью проведения реформы приходского управления, проведенной под давлением государственной

власти. В этой связи, уполномоченный был вынужден на регулярной основе контролировать ход дел в отдельных приходах. По результатам контроля он отмечал следующие изменения: «На первых порах бросается в глаза то, что в церквях наводится порядок с учетом церковного имущества и ее кассы. Кое-где эти органы начинают брать в работу распутное духовенство. Проявляется особая забота о материальной базе церкви и укрепления ее авторитета. Все это, конечно, нас должно настораживать»¹. Данное замечание, сделанное на этапе внедрения новой системы управления приходами, демонстрирует растерянность чиновника и удивление тем результатом, к которому привели нововведения. Более того, уполномоченный столкнулся с «молчаливым» сопротивлением со стороны двадцаток в части материального обеспечения храмов и ценообразования в них. Все это настраивало его на усиленную работу с членами приходов. Тем не менее основная цель реформы – децентрализация управления приходской жизнью – была достигнута, и у уполномоченного появился новый рычаг влияния на приходы в лице отдельных членов двадцаток, либо их председателей.

Тема реформы приходского управления и реакции на нее церкви в лице иерархов и священнослужителей раскрывается в ряде работ отечественных исследователей². Среди последних можно отметить статьи протоиерея Д. Сазонова. В одной из них автор приходит к выводу о том, что данным изменением, видимым образом не затрагивающим богословие церкви, ей усваивался «культурологическо-экономический формат»³. Тем самым мистическое наполнение приходской жизни уходило на второй план, на

¹ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 36. Л. 9.

² Сазонов Д., *прот.* Государство и Церковь в Советском Союзе. Мотивы и последствия Архиерейского собора Русской Православной Церкви 1961 года. С. 46; Сазонов Д., *прот.* Реформа приходского управления Русской Православной Церкви, принятая на поместном соборе 1961 года, и ее последствия. С. 69–73; Сазонов Д., *прот.* Сопротивление духовенства реформе приходского управления 1961 года (по материалам Ярославской и Костромской областей). С. 32–37; Сазонов Д., *прот.* Разница понимания и смыслов при принятии реформы приходского управления 1961 года со стороны Церкви и государства. С. 128–134.

³ Сазонов Д., *прот.* Разница понимания и смыслов при принятии реформы приходского управления 1961 года со стороны Церкви и государства. С. 132.

смену ему внедрялось «воспроизведение прихода по типу фабричного производства»¹, продуктом которого стало исполнение религиозных нужд населения. К подобным же выводам пришли и другие исследователи, среди которых А.А. Федотов², А.О. Горанский и С.В. Мандрик³, А.В. Бухтояров⁴, Василицын А.Г.⁵ и др.

С определенными трудностями столкнулся Г.Н. Галинский в Смоленской епархии и при сборе средств в «Фонд мира». Сообщая об избрании в исполнительные органы приходов «нежелательных лиц», он отметил следующее: «Эта проблема особенно наглядно сказалась в период проведения работы по формированию взносов в Фонд мира, когда некоторые исполнительные органы хотели отмахнуться от этого дела, ограничившись одной-двумя сотнями рублей»⁶. Среди подобных приходов названы Рославль, Гжатск, Шестаково, Зарубинки, Пигулино и др. В данном случае важно отметить роль именно исполнительных органов. Уполномоченный обязан был «вмешиваться и на ходу основательно поправлять это дело»⁷. Данный пример иллюстрирует административные возможности уполномоченного в части влияния на хозяйственную деятельность церкви, так как благодаря его усилиям в 1961 г. удалось собрать более 45 тыс. руб.

Как было уже отмечено, роль местных Советов в обеспечении советской законности неизмеримо возросла. Горсоветы и райсоветы занимались сбором сведений о священнослужителях, проводивших

¹ Там же. С. 131.

² Федотов А.А. Реформа приходского управления. С. 52–58.

³ См.: Горанский А.О., Мандрик С.В. Подготовка и осуществление реформы приходского управления 1961 г. в Белоруссии // Вестник церковной истории. 2008. № 3 (11). С. 124–140.

⁴ См.: Бухтояров А.В. Приходы и приходская жизнь Тульской епархии в годы хрущевских гонений (по материалам докладов уполномоченного Совета по делам РПЦ при Тулоблисполкоме Н.Н. Князева) // В сборнике: Сборник трудов Тульской духовной семинарии. Сборник статей сотрудников и выпускников ТулДС. Под общей редакцией И.Н. Юркина. Тула, 2017. С. 31–48.

⁵ См.: Василицын А.Г. Изменения в положении структур Русской Православной Церкви в БССР во второй половине 1950 – первой половине 1960-х гг. // Наука и образование сегодня. 2018. № 2 (25). С. 18–20.

⁶ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 37. Л. 4.

⁷ Там же.

деятельность на их территории, а также анализировали религиозную ситуацию в целом. Что касается сельсоветов, то их Г.Н. Галинский выделяет особо: «Сельские советы стали основной контролирующей деятельностью религиозных организаций силой»¹. С учетом того, что большинство приходов располагалось именно в сельской местности, данная информация действительно имеет значение, так как охват контроля за религиозными организациями значительно расширился. Если ранее уполномоченный не всегда имел возможность контролировать приходы в отдаленных поселениях региона, то при изменившихся обстоятельствах он получил значимую поддержку и ни одно происшествие не оставалось без внимания.

Проанализированная сумма фактов, свидетельств о реалиях епархиальной жизни второй половины 1950-х – начала 1960-х гг. показывает, что государство на излете хрущевской эпохи попыталось максимально ограничить деятельность церкви и ее духовенства рамками прихода. Советская администрация и формулирующий конфессиональную политику Совет по делам РПЦ стремились к тому, чтобы парализовать управление приходами путем конструирования независимого от настоятеля органа управления – «двадцаток». Их задачей являлось нанесение урона приходам дезорганизующими действиями, которые наносили бы вред авторитету настоятелей, ставших обыкновенными требоисполнителями, а также посеять рознь внутри общин. Важным фактором было проведение через двадцатки решений в интересах советской администрации (различных сборов и т.п.).

И если с ограничением ареала служения священников оградой храма государство имело успех, то с разрушением приходской жизни «изнутри» руками самих верующих оно не вполне добилось своей цели. Духовенству во многом удалось в новых условиях сохранить свое влияние на приходы, о чем имеются документальные свидетельства, а также настроить большую часть приходских советов и прихожан на сплоченную работу для блага церкви. Подобный результат был вполне ожидаем, так как, несмотря на контроль со

¹ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 36. Л. 4.

стороны местных органов власти за выборами в двадцатки, кандидатуры исходили из самих приходов, тех людей, которые в большей степени мотивированы были помогать, а не вредить своим общинам. И лишь отдельные элементы могли действительно пользоваться положением и диктовать свою волю настоятелям даже и во вред приходу. Тем не менее предпринятые действия в будущем не могли не сказаться на атмосфере, которая царила в общинах в последующие годы.

2.3. Атеистическая пропаганда в Смоленской области: условия, динамика, практики

Один из параграфов монографии современного отечественного исследователя истории РПЦ в XX в. М.В. Шкаровского озаглавлен как «Снова “война” – 1958–1964 гг.». Это название достаточно точно отражает тот уровень церковно-государственных отношений, который был задан в указанный период. Основная борьба разворачивалась на идеологическом фронте. Для успешного достижения цели построения коммунистического общества важным было найти те инструменты, которые эффективным образом решили бы подобную задачу. И первым препятствием на этом пути являлась проблема, которая на излете существования СССР была выражена следующей формулой: «Если говорить откровенно, мы ещё до сих пор не изучили в должной мере общества, в котором живём и трудимся, не полностью раскрыли присущие ему закономерности, особенно экономические»¹. Ее автор, Ю.В. Андропов, сделал упор на экономику, но не менее справедливым будет отнести это замечание и к духовной жизни советского человека. Именно эта проблема стала постепенно обращать на себя все большее внимание как со стороны пропагандистов, так и исследователей.

Методы борьбы с религией, применявшиеся в прошлом, показали свою неэффективность. Значительное число людей участвовало в православных обрядах и богослужениях. И данную тенденцию не удавалось переломить ни экономическими, ни административными методами. Поэтому инициаторам жесткого курса в отношении религии необходимо было решить вопрос из известного позднесоветского фильма «Курьер»: «Я, мы, наше поколение хочет знать, ради кого мы жили и боролись. В чьи руки попадет воздвигнутое

¹ Речь генерального секретаря Центрального Комитета КПСС товарища Ю. В. Андропова на пленуме ЦК КПСС 15 июня 1983 года // Материалы пленума ЦК КПСС. 14–15 июня 1983 года. М.: Политиздат, 1983. С. 11.

нами здание?!». В этой связи изучение феномена религиозности и его характерных черт в 1950-х гг. получило значительный толчок.

В разделе о статусе уполномоченных по делам РПЦ в регионах упоминался проект Постановления секретаря ЦК ВКП(б) М.А. Сулова «О мерах по усилению пропаганды научно-атеистических знаний», созданный в 1949 г. Несмотря на то, что он так и не был принят Политбюро, данный документ предопределил контуры будущего религиозной политики на последующие годы. В данном проекте следует выделить несколько ключевых утверждений (с сохранением терминологии документа):

– Церковь являлась носителем религиозной идеологии. Используя предрассудки, суеверия и варварские обряды старины, она активно расширяла религиозное влияние на отсталые слои населения.

– Региональные органы партийной власти, центральные и местные газеты, образовательные и общественные организации неудовлетворительно вели работу по пропаганде научно-атеистических знаний.

– Совет по делам РПЦ выступил в качестве союзника Церкви, способствуя росту церковных организаций и религиозного движения¹.

Данные утверждения в дальнейшем послужили почвой для принятия мер, направленных на устранение указанных «недостатков».

Наиболее заметным предлогом для усиления идеологической работы на атеистическом фронте стала борьба с обрядовой стороной жизни верующих. Она носила двоякую цель: сократить участие наибольшего числа людей в религиозных праздниках, а также нанести удар по финансовому благосостоянию приходов. Широкую огласку, которая стала предлогом по активизации атеистической пропаганды, получило «Саратовское дело». Оно подробно описано в работе Т.А. Чумаченко², в данном контексте необходимо отметить то, что объектом критики и разбирательств со стороны высших партийных чиновников стала одна из самых популярных и массовых

¹ См.: Чумаченко Т.А. Государство, православная церковь, верующие. С. 117.

² Там же. С. 118–120.

традиций, связанная с праздником Крещения – хождение крестным ходом на Иордань и купание в проруби.

19 февраля 1949 г. в «Правде» была опубликована статья о произошедшем, что вызвало широкий резонанс в органах власти и печати. Несмотря на то, что сама кампания в большей степени была направлена против Совета по делам РПЦ и его председателя, руководство Московской Патриархии в значительной мере было обеспокоено произошедшим и его возможным негативными последствиями. На заседании Священного Синода патриарх Алексей (Симанский) подчеркнул непричастность крещенских купаний к установленным Церковью обрядам, и указал на то, что этот обычай стал поводом для нападок на верующих. Ответственность за данное происшествие была возложена на епископа Саратовского Бориса (Вика), которому было сделано строгое замечание, а в скором времени он был перемещен на другую кафедру¹. Последствия данного происшествия и поднятой информационно-агитационной волны не могли оставить в стороне и регионы, в том числе Смоленский.

Однако для начала стоит проанализировать вопрос, который неизменно освещался в отчетах уполномоченного как «О состоянии религиозности». Как отмечал Н.Л. Митин, большие церковные праздники отмечались в «широких масштабах»². Важным является сообщение о том, как проходило само празднование. Как правило, оно сопровождалось хороводами, песнями и застольями. Родственники и друзья собирались вместе. Для людей важным было встретиться с теми, кого давно не видели, и вместе скрасить серые рабочие будни. И нередко именно церковный календарь являлся традиционным ориентиром для проведения увеселительных мероприятий. Данное соображение может объяснить тот факт, что «эти праздники празднуют даже атеисты»³. И последнее замечание очень важное, так как

¹ Там же. С. 120.

² ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 5. Л. 54.

³ Там же.

раскрывает внутренний мир религиозности, как сейчас принято говорить, «глубинного народа».

Главной причиной «поражений» на идеологическом фронте Н.Л. Митин считал отступление партийных и комсомольских руководителей от принципиальных партийно-политических позиций. Это попустительство, по мнению уполномоченного, дало возможность церковнослужителям нарушать советские законы и «опошлять чувства честных советских граждан»¹. В целом подобная оценка работы партийных сотрудников на местах была характерна для уполномоченных вплоть до 1958 г., когда она корректируется в положительную сторону. В данном случае можно предположить, что уполномоченные были объективны и идеологическая работа на местах была построена неудовлетворительно. Но здесь также необходимо учесть тот фактор, что чиновникам необходимо было каким-то образом объяснить то обстоятельство, что значительное число храмов было наполнено людьми, церковь год от года увеличивала свои доходы и молодежь продолжала посещать богослужения. Назначить виновных в лице абстрактных сотрудников, не ведущих активную научно-просветительскую работу с населением, было выходом из этого положения. Кроме того, высшие партийные органы власти сами давали повод использовать подобный инструмент, обвиняя партийные организации на местах не только в ослаблении, но и полном прекращении научно-атеистической пропаганды².

Как следует из отчетов уполномоченного по Смоленской области, систематическая идеологическая работа партийных органов на местах в конце 1940-х – начале 1950-х гг. в значительной мере была недостаточной, либо вовсе отсутствовала³. Данная деятельность ограничивалась работой клубов, изб-читален и общественными мероприятиями, которые были призваны сплотить людей вокруг идей коммунизма. Кружки рукоделия, лекции и доклады способствовали разнообразию досуга населения. Это, по

¹ Там же. Л. 63.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 8. Л. 46.

³ См.: ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 6. Л. 9–10.

мнению идеологических работников, должно было отвлечь людей от церкви и предоставить им альтернативный способ времяпрепровождения и отдыха.

Что же касается церкви, то, согласно отчетам уполномоченного, она также вела активную «идеологическую» работу с населением, особенно, с молодежью. Любопытным является заключение Н.Л. Митина, который приводит свои мысли относительно причин эффективности подобной деятельности. Во-первых, он обращает внимание на активность духовенства и мирян «в части идеологической обработки молодежи», то есть речь идет не только о клириках, но и о самих верующих. Они проповедью и личным примером могли влиять на людей, привлекая к церкви. Далее уполномоченный пишет: «Плюс ко всему этому они проявляют исключительную “чуткость” к тому или иному индивидууму, впавшему временно в нужду своим сочувствием, советами, а иногда, а это бывает очень часто, оказывают материальную помощь»¹.

Таким образом, церковь могла предложить людям поддержку и индивидуальный подход, и это не могло не привлекать людей. Во-вторых, уполномоченный отмечает отсутствие привлекательных альтернатив, которые можно было бы противопоставить церкви и привлечь народ. Избыточные читальни, по словам чиновника, представляли собой «грязный и неотопливаемый угол в здании сельсовета». Кружки самодеятельности, музыки и рукоделия в большинстве населенных пунктов отсутствовали. Заведующими избами-читальнями зачастую являлись люди «малограмотные и не имеющие опыта». Конечно, подобные сотрудники не способствовали популярности подобных заведений. На их фоне священнослужители, которые могли произнести проповедь, организовать приходской хор и различные мероприятия, выглядели предпочтительнее. В-третьих, на религиозность населения могли повлиять трагические события Великой Отечественной войны и немецко-фашистская оккупация. Данное мнение имело под собой основания, так как церковь действительно могла оказывать

¹ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 7. Л. 20.

на определенные категории людей терапевтическое действие. Пережитые людьми трагедии, потери и страдания необходимо было утешать, придать им смысл, который можно было найти в христианстве.

Из отчетов уполномоченного следует, что идеологическая работа с населением до конца 1940-х гг. не имела систематического характера. Однако после 1949 г. наблюдается некий перелом. Н.Л. Митин отмечал улучшение «политико-массовой и культурно-просветительской» работы¹. Выражались эти успехи в увеличении количества и повышении качества лекций на научно-атеистические и естественно-научные темы. Это привело к снижению посещаемости храмов как в городах, так и в сельской местности. В результате, по словам уполномоченного, религиозные убеждения среди верующего населения постепенно начинают отмирать»². Данное утверждение было аргументировано уменьшением количества посетителей пасхальных богослужений, которое наблюдалось по всей епархии. Однако можно предположить, что подобное стало возможным по причине широкой кампании по дискредитации церкви, построенной вокруг дела священников-взяткодателей, которые были осуждены в начале Великого поста 1950 г. Это происшествие и то, как оно подавалось обществу, не могло не повлиять на широкие массы населения не только с точки зрения разочарования церковью, но и с учетом внутривластной обстановки, страхом преследования со стороны представителей местных органов власти.

Как бы то ни было, согласно отчетам уполномоченного и сообщениям священников, количество тех людей, которые активно участвовали в богослужебной жизни и совершали религиозные обряды, к началу 1950-х гг. несколько уменьшилось. Данный факт можно попытаться объяснить, опираясь на следующие соображения. Период активного «возвращения» в церковную ограду в немалой степени был обусловлен лояльным отношением оккупационных немецко-фашистских властей к религии, благодаря чему

¹ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 10. Л. 6.

² Там же.

стало возможным открытие храмов, проведение богослужений. Также этому процессу способствовало изменение религиозной политики в стране. В результате многие люди смогли освободиться от страха быть уличенными в «контрреволюционной деятельности» и свободно исповедовать свою веру. Однако под влиянием различных факторов население теряло былой интерес к религиозной жизни, которая постепенно сводилась лишь к традиционной обрядовой стороне.

Невозможно обойти вниманием те процессы, которые происходили в стране в целом. В послевоенный период шло активное восстановление экономической жизни. На освобожденных территориях вновь возводились промышленные предприятия, которые притягивали значительное число молодых, активных и наиболее способных людей. Урбанизации также способствовала «диспропорция в сторону экономически неоправданного увеличения налогового обложения крестьян»¹, которая отмечалась в докладной записке на имя председателя Совета министров СССР Г.М. Маленкова. Кроме того, Смоленская область была одним из регионов, который входил в программу переселения людей на территории, ранее занятые другими народами. Источниками людских ресурсов стали регионы Центральной России, из которых набирались люди, специализирующиеся на аграрном секторе².

Смоленская область, несмотря на то что аграрное перенаселение в ней было устранено в середине 1930-х гг., также участвовала в этой программе³. Это не могло не сказаться на значительном оттоке населения из сельской местности, что приводило к уменьшению доходов и их естественному затуханию. Об этом в одном из разговоров Н.Л. Митину сообщал священник из с. Любавичи Тихомиров: «Доходы наши резко сократились, молодежь

¹ Цит. по: *Мотревич В.П.* «Новый курс» в сельском хозяйстве СССР (К 60-летию аграрной реформы 1953 г.) // Аграрный вестник Урала. 2013. № 8. С. 36.

² *Горбачев О.В.* Организованная миграция из села Центрального Нечерноземья во второй половине 1940-х–1960-е годы // Вопросы истории. 2003. № 2. С. 139.

³ *Казаков А.И.* Население Смоленщины: прошлое и настоящее. Смоленск: б.и., 1988. С. 73.

почти прекратила посещать церковь, многие молодые люди и девушки уходят на производства или учреждения, а это, как вам известно, переделывает людей»¹. Отрыв от корней и традиционного образа жизни уроженцев сельской местности не мог не сказаться и на моральном и мировоззренческом облике молодежи, стремящейся на заработки в крупные промышленные центры. Поэтому находить причину уменьшения количества прихожан и, соответственно, угасанию приходов по причине повышения качества идеологической работы в большинстве случаев было бы преувеличением.

Послевоенный период продемонстрировал готовность органов государственной власти к сотрудничеству с духовенством в вопросах идеологического, а именно патриотического, воспитания. Церковь призывалась к тому, чтобы воодушевить людей, убедить в необходимости совершать трудовой подвиг и исполнять свой гражданский долг. И, как следует из отчетов, в первые годы после окончания Великой Отечественной войны священнослужители не пренебрегали этой «обязанностью». Тем не менее власти регионального уровня, в том числе уполномоченный Совета, рассматривали подобные «уступки» как излишние. Инерционность отношения к духовенству как «реакционерам» была достаточно устойчивой. Поэтому, когда обозначились первые признаки возврата к прежней довоенной религиозной политике, данная форма сотрудничества потеряла свою актуальность как для государства, так и для Церкви. Что касается идеологической работы, то, судя по отчетам, велась она крайне неудовлетворительно. Среди причин подобного можно назвать:

- недостаток квалифицированных кадров;
- отсутствие необходимой инфраструктуры;
- отношение общества к деятельности церкви, как дозволенной со стороны представителей высшей власти;

¹ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 12. Л. 27.

– наличие иных, более масштабных задач по восстановлению народного хозяйства.

Тем не менее религиозный вопрос во внутренней политике государства вновь приобрел свою актуальность в период ревизии сталинского наследия. Предвестником будущего наступления на церковь стало принятие Постановления ЦК КПСС от 7 июля 1954 г. «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде»¹. Данный документ стал итогом той идеологической работы, которая проводилась Отделом пропаганды и агитации с начала 1950-х гг.² Одна из ключевых мыслей, которая содержалась в документе, заключалась в критике партийных, комсомольских и иных организаций в самоустранении от организации научно-атеистической пропаганды. Кроме того, необходимо было приложить усилия к тому, чтобы привлечь представителей научного сообщества и интеллигенции к проведению подобной работы.

Ключевой организацией, осуществлявшей научно-просветительскую миссию, а также атеистическую пропаганду среди населения на протяжении ряда лет являлось созданное в 1947 г., Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний³. В Смоленской области его представительство стало действовать с 1948 г. Одной из задач общества на этапе становления было «создание групп лекторов, которые читали бы лекции на такие ходовые темы, как «Происхождение человека», «Происхождение религии», «Борьба с суеверием», «Религия и наука», «Происхождение жизни на земле и ее развитие» и другие антирелигиозные темы»⁴. Как следует из доклада председателя организации Д. И. Погуляева,

¹ Постановление ЦК КПСС «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах её улучшения». КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 8. 1946–1955. М.: Ин-т марксизма- ленинизма при ЦК КПСС, 1985. С. 428–432.

² Чурилина Т.И. Отношения советского государства и Русской Православной Церкви на Дальнем Востоке в середине 1950-х гг. // Успехи современной науки и образования. 2017. Т. 7. № 2. С. 99.

³ Переименовано в общество «Знание» в 1963 г.

⁴ ГАНИСО. Ф. 3201. Оп. 1. Д. 2. Л. 20.

религиозный вопрос и культурное просвещение «народных масс» было далеко не самым первым на очереди в связи с необходимостью решать финансово-хозяйственные вопросы¹. Однако, за первый год деятельности общества на антирелигиозную тему была прочитана 61 лекция², при том, что за тот же период всего было организовано 1800 лекций³. Данное соотношение ярко демонстрирует, какое место занимала антирелигиозная пропаганда в конце 1940-х гг. Однако и в последующие годы такое положение дел не изменилось, о чем свидетельствует следующая таблица:

Таблица № 5. Распределение лекций по тематике (1950–1953 гг.)⁴.

	1950	1951	1952	1953	%%
История КПСС	-	159	760	617	12,1
Всеобщая история	796	547	207	258	5,1
Философия	71	100	219	345	6,6
Экономика	78	231	591	382	7,6
Государство и право	38	126	128	357	7,1
Международных отношений	1336	1720	1998	1130	22,3
Литература	109	122	231	233	4,4
Искусство	60	58	102	41	0,8
Педагогика	105	140	354	404	3,0
Научно-атеистическая	122	113	154	88	1,7
Сельскохозяйственная	156	294	483	421	8,3
Биология	76	16	208	129	2,3
Медицинская	89	163	233	141	2,6
Геология и география	46	28	112	128	2,3
Астрономия	42	40	89	45	0,8

¹ ГАНИСО. Ф. 3201. Оп. 1. Д. 6. Л. 19.

² Там же. Л. 8.

³ Там же. Л. 4.

⁴ ГАНИСО. Ф. 3201. Оп. 1. Д. 26. Л. 12.

Физика и математика	28	25	84	100	2,0
Техника	24	41	29	39	0,8
Военная	59	49	119	46	0,9
Физкультура и спорт	-	4	12	75	1,5
Прочая	102	-	144	31	0,6

Лишь на пять тем, включая «прочее», выделялось меньше времени на проведение лекций, чем на научно-атеистическую. Данное положение дел сохранялось и в 1956 г. За 10 месяцев было прочитано 6703 лекций. В докладе отмечалось, что годовой план выполнен на 78,8 %, а также подчеркивалось: «Президиум правления областного отделения и правления ряда районных отделений принял меры для обеспечения пропаганды материалов XX съезда КПСС, а также усиления пропаганды технико-экономических, сельскохозяйственных и научно-атеистических знаний»¹. Это сообщение дает повод рассчитывать на улучшение ситуации по указанным направлениям работы членов общества. Однако далее сообщается о 160 прочитанных лекциях на научно-атеистическую тему, что составляет 2,3 %. Данная цифра не свидетельствует об успешности принятых мер для усиления пропаганды. Этот вывод подтверждается следующим заключением: «Пропаганда научно-атеистических знаний в большинстве районов области также построена из рук вон плохо»². Далее описывается ситуация с активной работой священнослужителей и пассивностью представителей местной интеллигенции, состоящей в обществе. Ситуация и в дальнейшем серьезным образом не изменилась.

Сложившуюся ситуацию можно попробовать объяснить вполне материалистическим соображением. Общество являлось не бюджетным учреждением и дотаций от государства на свою деятельность не получало. Источниками доходов являлись исключительно вступительные и членские взносы от частных лиц и коллективов, а также доходы от чтения платных

¹ Там же. Л. 24.

² ГАНИСО. Ф. 3201. Оп. 1. Д. 41. Л. 27.

лекций¹. Такое положение дел диктовало определенные условия. С одной стороны, необходимо было удовлетворить идеологические потребности и сделать основной упор на соответствующую тематику – «Международные отношения», «История КПСС» и т.д. Обратная сторона проблемы заключалась в запросе населения и отдельных коллективов, с которыми заключались договоры на оплату лекционной работы. В этой связи, с учетом финансовых трудностей, о которых сообщалось во многих докладах², необходимо было соблюсти некоторый баланс между идеологическими соображениями и хозяйственной целесообразностью. В данном деле вопрос религии, судя по тому, какой удельный вес занимала научно-атеистическая пропаганда, был далеко не на первом месте, что могло свидетельствовать об отсутствии стимулов сверху и недостаточной популярности данной темы среди населения. Последнее объяснялось не только индифферентностью населения к данному вопросу, но и качеством лекций³. В конечном итоге, «потребители», то есть коллективы и организации, сами решали, за что они готовы были платить, так как соответствующие заявки регулярно направлялись в адрес общества⁴.

Официальные документы подтверждают, что к теме научно-атеистической пропаганды наблюдается повышенный интерес, тогда как имелись и иные, более насущные и проблемные направления для работы лекторов – сельскохозяйственная, медицинская, истории КПСС и др.⁵ Нет оснований утверждать, что трансформация в оценке религиозного фактора была продиктована значительными изменениями в религиозной жизни региона. В документах 1956 г. красной линией проходит призыв о необходимости пропаганды материалов XX съезда КПСС. Данное событие, несмотря на последующую борьбу с явными и тайными политическими

¹ ГАНИСО. Ф. 3201. Оп. 1. Д. 16. Л. 16.

² ГАНИСО. Ф. 3201. Оп. 1. Д. 4. Л. 4; Д. 6. Л. 18.

³ ГАНИСО. Ф. 3201. Оп. 1. Д. 6. Л. 14, 17.

⁴ ГАНИСО. Ф. 3201. Оп. 1. Д. 26. Л. 9.

⁵ ГАНИСО. Ф. 3201. Оп. 1. Д. 41. Л. 25–26.

противниками, послужило одним из символов руководства страной Н.С. Хрущевым и предопределило будущие контуры политики советского лидера и его единомышленников¹, в том числе религиозной. Поэтому, несмотря на временное смягчение антирелигиозной кампании, которое было ознаменовано Постановлением от 10 ноября 1954 г., в дальнейшем наблюдалась интенсификация усилий государства и партии по недопущению роста влияния религии и устранению ее в качестве тормозящей силы на пути перехода к коммунистическому обществу.

22 мая 1957 г. на совещании уполномоченных Совета по делам РПЦ Г.Г. Карпов прочитал информационно-инструктивный доклад. В тексте, позднее разосланном всем уполномоченным, говорилось о том, что надо «укреплять установившуюся лояльность церкви по отношению к государству», и одновременно избегать административных мер по отношению к верующим и церковным организациям². Вместе с тем Совет и его уполномоченные ставили перед собой задачу: «Способствовать и «помогать проведению научно-атеистической пропаганды..., особенно среди молодежи и детей, а в этом сейчас и состоит главная забота нашей Партии и общественности»³. Более того, Г.Г. Карпов обратил внимание на то, что работа уполномоченных, хотя и носит «сугубо специфический характер, но и в то же время является идеологической работой»⁴. Данное утверждение свидетельствовало о новом понимании функций уполномоченных. Они должны быть не только связующими звеньями между государством и церковью, но и активными борцами с «чуждой идеалистической идеологией». Подобное прочтение позволяло в дальнейшем подвергать Совет критике за недостаточную работу на идеологическом фронте.

¹ См.: Павлов М.Ю. Путь Хрущева к «облегченному» культу личности // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2011. № 3. С. 62.

² ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 26. Л. 73.

³ Там же. Л. 75.

⁴ Там же.

Что касается определенных инструкций по осуществлению функций научно-атеистической пропаганды уполномоченными, то помимо работы с представителями церкви чиновники обязаны были наблюдать за проповеднической деятельностью духовенства и епископата и пресекать различные выступления, носящие «вредный, клеветнический и мистико-шарлатанский» характер¹. Однако если в отчетах Н.Л. Митина в рамках анализа патриотической работы церкви уделялось внимание проповедям, то Г.Н. Галинский (уполномоченный Совета по делам РПЦ в Смоленской области с 1952 по 1963 гг.) в меньшей степени обращал на это внимание вплоть до 1960 г. Объяснить это обстоятельство может беседа уполномоченного с настоятелем кафедрального собора, в будущем епископа, протоиереем Иоанном (Сокалем). Последний заявил чиновнику о запущенном состоянии проповеднической деятельности в епархии. Во-первых, причиной тому были сами священнослужители, среди которых лишь несколько человек произносили слова во время богослужения. Во-вторых, сами верующие, «даже в таком городе как Смоленск, не разбирались в элементарных вещах своих верований»². Священник И. Сокаль по приезду в Смоленск, по его словам, на первом этапе старался говорить на самые простые темы: о значении праздников, об азах вероучения и др. Тем не менее епископ Михаил (Чуб) запретил ему проповедовать. Данный комментарий свидетельствует о том, что у Г.Н. Галинского не было особой необходимости наблюдать за проповеднической деятельностью. Так, в 1960 г. он лично слушал 11 проповедей. Все они были посвящены евангельским темам и не имели нежелательных отклонений³.

Несмотря на амбициозность поставленных на партийном уровне задач, основную ответственность за результаты комплекса мер антирелигиозной пропаганды и агитации Г.Г. Карпов возлагал на «некоторые партийные, профсоюзные, комсомольские организации и культурно-просветительские

¹ Там же. Л. 109.

² ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 28. Л. 15.

³ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 33. Л. 14.

учреждения», обвиняя их в сохранении и оживлении религиозной жизни в обществе¹.

1958 г. был ознаменован не только принятием экономических мер в отношении Русской Православной Церкви, но и формированием методов идеологической борьбы. Основным источником «новой» стратегии стали постановление от 7 июля 1954 г. «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения» и постановление от 10 ноября 1954 г. «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения». Эти документы были актуализированы в записке Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам «О недостатках научно-атеистической пропаганды» от 12 сентября 1958 г. Помимо традиционного напоминания о необходимости со стороны партийных, комсомольских, профсоюзных организаций и органов власти «серьезного улучшения постановки научно-атеистической пропаганды»², в документе подчеркивалось следующее³:

– Органам печати всех уровней отводилась «важнейшая роль» в усилении научно-атеистической пропаганды, а также в необходимости интенсифицировать «освещение вопросов атеистического воспитания населения»;

– Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний должно было организовать подготовку и переподготовку атеистических кадров. А также, согласно Постановлению ЦК КПСС от 7 июля 1954 г., необходимо было обеспечить издание массового научно-популярного ежемесячного журнала «Наука и религия»;

– Министерству высшего образования СССР и философским факультетам университетов поручалось внести изменения в учебные планы и программы философских факультетов для обеспечения подготовки специалистов-философов с глубокими знаниями вопросов атеизма.

¹ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 26. Л. 76.

² РГАНИ. Ф. 4. Оп. 16. Д. 554. Л. 12.

³ Там же. Л. 13–14.

Данные решения привели к введению в вузах курса «Основы научного атеизма», изданию одного из наиболее популярных журналов в СССР «Наука и религия», откуда советский человек мог почерпнуть информацию о религии. Кроме того, усилилась работа в академической сфере по изучению феномена религии и религиозного сознания, что, помимо всего прочего, стало причиной зарождения религиоведения в нашей стране.

Те проблемы, о которых велась речь в документах и инструкциях, находили свое отражение в жизни регионов, как видно из материалов по Смоленской области. В частности, это относится к подготовке квалифицированных лекторов. Об этом свидетельствует следующий эпизод. В 1957 г. священник А. Чугунов направил в адрес уполномоченного жалобу на лектора Сычевского РК КПСС Малолетова, который допустил в своей лекции на антирелигиозную тему оскорбления в адрес священнослужителя, называя того «пьяницей, прохвостом и т.д.». Жалобы в РК КПСС на подобные неправомерные действия не имели какого-либо эффекта. В результате, Г.Н. Галинский лично обратился к председателю райкома с просьбой не допускать личных оскорблений духовенства, «так как подобный метод осужден ЦК нашей Партии»¹. Имел место и другой случай, раскрывающий методику работы уполномоченного по контролю за проповеднической деятельностью духовенства. В с. Кузьмичи в период немецко-фашистской оккупации в храме партизанами были расстреляны «некоторые предатели». В один из дней настоятель храма священник Д. Степанов обнаружил красные пятна неизвестного происхождения, которые, по его словам, не смывались. Это дало ему повод «в целях компрометации партизан заявлять в беседах с верующими, что вот эти пятна не смываются потому, что тут пролита кровь праведников»².

Необходимо отметить, что местная печать достаточно оперативно отреагировала на «клеветнические вымыслы Степанова» и опубликовала

¹ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 26. Л. 4.

² Там же.

соответствующую статью¹, которую уполномоченный продемонстрировал епископу Иннокентию. Архиерей на вопрос о том, что он планирует предпринять по данному поводу, заявил о намерении перевести клирика на другой приход.

С этим решением Г.Н. Галинский не согласился, так как священ. Д. Степанов дискредитировал своими антисоветскими клеветническими выпадами сан священника, и поэтому его необходимо было «снять с работы». Епископ согласился². В данном случае обращает на себя формулировка наказания – «снять с работы». За этой фразой стояло лишение регистрационной справки, для чего он был вызван 25 ноября 1959 г. в епархиальное управление с «регистрационной справкой»³. Уже 28 ноября Д. Степанов подал прошение о переводе за штат «по болезни»⁴ и в этот же день получил указ об увольнении из Смоленской епархии с правом священнослужения⁵. Далее ситуация развивалась следующим образом, Степанов направил 9 декабря письмо на имя епископа Иннокентия с просьбой дать возможность служить в любом месте, хотя бы и «на краю области», и ходатайствовал об этом перед Г.Н. Галинским. Что касается причины увольнения за штат, то священник не признавал за собой никакой вины, напротив, заявлял о том, что он жертвенно служил многие годы Церкви⁶. На это письмо епископом Иннокентием был дан следующий ответ: «9.11.59 г. Вам послан указ Преосвященного епископа Иннокентия от 28.11. с.г. об увольнении за штат с правом священнослужения. С этим указом Вы сможете устроиться в любой епархии, кроме Смоленской... Место

¹ Лебедев Н. Без тени смущения // Правда полей. 23 октября 1959 г. С. 4.

² ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 30. Л. 3.

³ АСЕУ. Личное дело священника Д. Степанова. Вызов в епархиальное управление.

⁴ АСЕУ. Прощение священника Д. Степанова об увольнении за штат.

⁵ АСЕУ. Указ об увольнении за штат настоятеля церкви с. Кузьмичи священника Степанова Дмитрия.

⁶ АСЕУ. Письмо от священника Д.Т. Степанова епископу Иннокентию от 09.12.1959 г.

приходского служения в любой должности в Смоленской епархии Вы не сможете получить, так как лишены регистрационной справки»¹.

В конечном итоге Степанов перевелся в марте 1960 г. в Петропавловскую епархию. Данный случай демонстрирует практику наказаний за «антисоветскую деятельность», которая, по всей видимости, была ужесточена. Об этом можно судить как по отсутствию зафиксированных случаев принятия решений о снятии с регистрации по подобным поводам, так и по реакции епископа, который не был готов к применению крайних методов по отношению к своему клирику. Но тем не менее, он был вынужден согласиться с требованием уполномоченного, несмотря на острейший дефицит кадров в епархии, о котором сам уполномоченный сообщал в отчете за 1959 г.²

Еще один вопрос, находившийся в фокусе внимания уполномоченных Совета, касался фактов администрирования и оскорбления чувств верующих. Об этом шла речь в отдельном инструктивном письме уполномоченным в 1958 г. Помимо финансовых тем в документе особое внимание уделялось сбору информации о количестве проведенных обрядов (крещения, венчания, отпевания), методам работы священнослужителей с молодежью, деятельности молодых священников, индивидуальной работе духовенства и его проповеднической активности³. Указания о сборе данных сведений содержались в инструкциях от 1954 г., однако, по всей видимости, значительное число уполномоченных в достаточной мере не выполняло этих указаний. Поэтому, согласно источнику, «возникла необходимость получить информацию по ряду новых вопросов и напомнить о нужности наиболее подробно изложить некоторые вопросы»⁴. Согласно приведенному перечню, сотрудникам Совета на местах необходимо было особое внимание уделять

¹ АСЕУ. Священнику Степанову о. Дмитрию ответ от 10.12.1959 г.

² ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 30. Л. 3.

³ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 28. Л. 3.

⁴ Там же.

динамике финансово-хозяйственной деятельности, а также контролировать миссионерскую сторону жизни священнослужителей.

Г.Н. Галинский, говоря о работе молодых священнослужителей, обратил внимание на то, что те «держат себя вызывающе». Это проявляется в появлении на улицах и в общественных местах в подрясниках и с крестом, в частых выездах для исполнения треб по приглашению верующих¹. Что касается вызывающего вида, то, как отметил сам уполномоченный, практика ношения подрясника в общественных местах была распространена среди священников из западных регионов страны – чаще всего Белоруссии. Эта привычка за ними оставалась и в дальнейшем. Что касается выезда на требы, то в этом не было ничего удивительного, так как молодые священники, в отличие от пожилых, имели силы, желание и материальный стимул к тому, чтобы не отказываться от совершения треб. Рассматривать подобные действия исключительно с точки зрения миссионерского эффекта трудно, однако и этот фактор нельзя не учитывать в укреплении религиозных чувств населения.

С 1958 г. также активизировалось пропагандистское направление работы против церкви и духовенства. И одним из основных средств борьбы была региональная печать. Так, накануне больших церковных праздников в областной и районной печати стали выходить статьи, направленные на «разоблачение реакционной сущности» отмечаемых событий. Носили эти тексты характер научный и были направлены в большей степени на людей из слоя интеллигенции.

Однако имелись также фельетоны, целью которых было высмеять те или иные фигуры клириков за компрометирующее поведение. Такие тексты, написанные в легком и порой юмористическом стиле, должны были оттолкнуть сочувствующих от церкви, а верующим показать всю несостоятельность их веры и заповедей, которые не исполнялись самими церковнослужителями. Однако фельетоны иногда имели обратный эффект.

¹ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 28. Л. 8.

Священники, против которых писались тексты, получали поддержку верующих людей после того, как подвергались наказанию со стороны епископа. Так произошло в случае с настоятелем Покровского храма г. Демидов свящ. А. Курловичем, снятым с должности после того, как в районной газете «Путь Ильича» появилась статья, в которой тот разоблачался как пьяница и развратник¹. После публикации фельетона, критиковавшего священника с. Мошевое Феодора Городецкого, прихожане активизировались с просьбами послать им «хорошего попа». Было множество иных примеров подобной работы печатных органов². В результате люди направляли архиерею письма с подписями сотен человек, лично приезжали в епархиальное управление с обращениями вернуть переведенных клириков обратно, назначить им священника и т.д.³

Причина подобной реакции на, казалось бы, обычную информацию крылась не в последнюю очередь в ее объективности. «Совершенно недопустимы явления, когда авторы некоторых фельетонов допускают неточности, а подчас просто оскорбительные выпады»⁴, – отмечал уполномоченный в одном из своих отчетов. Также он приводил несколько показательных примеров. Так, в одном из фельетонов, где критиковался священник Городецкий, было упомянуто имя бывшего епископа Смоленского Михаила, который характеризовался как человек, ведущий нетрезвый образ жизни. Тут же уполномоченный замечает, что значительному числу верующих известно о том, что преосвященный был абсолютно далек не только от злоупотребления, но и употребления алкоголя как такового⁵. Что касается свящ. А. Курловича, то сохранился документ, а именно письмо редактора газеты «Путь Ильича» М. Утенковой, в котором и

¹ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 33. Л. 15.

² См.: Там же. Л. 15–16.

³ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 33. Л. 15; ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 36. Л. 13.

⁴ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 36. Л. 16.

⁵ Там же.

был помещен фельетон, свидетельствующий об использовании печати в качестве информационного оружия против духовенства:

«Ведя антирелигиозную пропаганду, редакция газеты «Путь Ильича» в № 30 от 10 марта представила фельетон «О грехопадении отца Семена и иже с ним». Вам мы посылаем его для сведения, и чтобы Вы поддержали нас, помогли и посоветовали, как лучше и какую работу вести, чтобы закрыть хоть одну церковь, ведь их в городе две». После нашей критики и при Вашем, разумеется, содействии, поп Благовещенской церкви А. Курлович был освобожден от службы и теперь отрекся от церкви, хочет устроиться на работу. Но на его место приехал другой, правда, мы связались с Лидским РК КПСС и узнали пороки М. Гиля, будем и к нему подбирать «ключи», но все это малоэффективно. Надо бы закрыть хоть одну церковь. Как это сделать, помогите, посоветуйте»¹.

Данное письмо свидетельствует о мотивации некоторых сотрудников при проведении антирелигиозной пропаганды, которую сам уполномоченный не всегда поддерживал. И данный случай не был единичным. В газете «Рабочий путь» от 8 января 1961 г. был помещен материал, в котором прихожане храма г. Демидова обвинялись в «любовных похождениях». Автор фельетона завершал свое повествование следующими словами: «Божий храм в Демидове – это грязный вертеп»². Это пример того, что заведомо недостоверная информация, а также оскорбительные речи в адрес церкви во многом способствовали укреплению верующих в своих убеждениях, сеяли недоверие к информации, представленной в статьях и фельетонах, и вызывали раздражение не только членов церкви, но и нейтрально настроенных по отношению к ней людей. Также имелся случай, когда епископ на основании публикации в районной газете Рославля, перевел из Преображенского храма свящ. Л. Чеховского. Это действие вызвало

¹ Там же. Л. 18.

² Цит. по: Там же. Л. 15.

возмущение в среде верующих, в результате чего священник был возвращен обратно на свое место.

Тем не менее утверждать о полной неэффективности подобных разоблачений было бы ошибкой, так как в ряде публикаций предавались огласке сведения, которые имели под собой определенные основания. Так было в вышеупомянутых случаях со священниками Степановым и Городецким. Эти и другие факты, несомненно, наносили репутационный урон церкви и давали повод ее противникам использовать порой непроверенную информацию в пропагандистских целях. И задачей уполномоченного в данном случае было не прекратить нападки на священнослужителей и церковь в печати, а сделать их более эффективными.

Показательно мнение преосвященного Иннокентия (Сокаля) о подобных публикациях, которое он высказал в беседе с уполномоченным. Архиерей с большим воодушевлением воспринимал работу печати по обличению клириков, ведущих развратный и нетрезвый образ жизни. Представители последних, по его мнению, являлись «самым страшным злом для церкви»: они отталкивали самую лучшую часть верующих. Более того, епископ признал, что использует такие публикации для принятия кадровых решений. Так, два священника кафедрального собора были в результате публикаций почислены за штат. Трое священников «под влиянием фельетонов» изменили свой компрометирующий образ жизни и «подают надежды стать примером для своей паствы»¹. Таким образом, преосвященный Иннокентий ввел практику реакции на выходящие статьи о жизни священнослужителей для предупреждения подобных случаев в дальнейшем, а также как повод при принятии кадровых решений.

В это же время наметилось оживление работы на ниве научно-атеистической пропаганды Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний. К 1958 г. все те проблемы, которые были обозначены в прошедший период, также имели место: недоставало лекторов

¹ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 33. Л. 16.

(21 член, из которых лишь 12 проводили лекции), мало было привлечено специалистов по естественно-научным дисциплинам, отсутствовала подготовка новых сотрудников секции¹. Как результат, низкая доля лекций на научно-атеистические темы – 2 % (532 из 25666)². Постепенно количество прочитанных лекций удалось увеличить, но их соотношение оказалось прежним. Несмотря на значительный рост общего количества лекций (до 25666), научно-атеистическая тема была представлена лишь на 532 мероприятиях (2 %)³, в 1961 г. – 2090 (4 %) из 51030, в 1962 г. – 2465 (4,6 %) из 53559, в 1963 г. – 2745 (4,8 %) из 57120. Последний результат вполне удовлетворил руководство общества, которое констатировало «активизацию и повышение действенности научно-атеистической работы»⁴.

Особое внимание в распространении научно-материалистических взглядов в Справке за 1962 г. уделялось сельской местности. Значительное отставание наблюдалось в ряде районов области: Кардымовском, Монастырщенском, Холм-Жирковском, Новодугинском и Сычевском. Указывалось на неудовлетворительное проведение «индивидуальной работы». Все это, согласно имеющимся сведениям, приводило к массовым прогулам и пьянству в христианские праздники, а также к появлению различного рода шарлатанов⁵.

В 1963 г., по сообщению уполномоченного по Смоленской области, Управление культуры облисполкома совместно с сотрудниками общества «Знание» во всех районах стали проводить семинары для работников учреждений культуры с обсуждением вопроса: «Работа клуба, избы-читальни по атеистическому воспитанию населения». Также в клубах и избах-читальнях были организованы «Уголки атеиста», а в школах Ельнинского,

¹ ГАНИСО. Ф. 3201. Оп. 1. Д. 47. Л. 55.

² Там же. Л. 23.

³ Там же.

⁴ ГАНИСО. Ф. 3201. Оп. 1. Д. 99. Л. 8.

⁵ Там же. Л. 12–13.

Починковского и Сычевского районах начали действовать «клубы атеистов»¹.

На 1964 г. обществом «Знание» было запланировано провести кустовые совещания лекторов по научному атеизму, а также издать методические материалы на следующие темы: «Женщина и религия», «Атеистическое воспитание детей в семье и школе», «Православная церковь и ее идеология», «Религиозное сектантство на Смоленщине», «Крещение и его вред». Кроме того, стали регулярными семинары для лекторов, проводимые в различных районах Смоленской области, организовывались конференции и различные «тематические вечера»².

Проведение данных мероприятий говорит не только об усилении подготовки кадров, повышении качества лекционных материалов и усилении работы в пропагандистском направлении, но и о сломе инерции в научно-атеистической пропаганде, которая была сформирована в 1940-е–1950-е гг. Именно с начала 1960-х гг. наблюдается активное осуществление принятой программы по ограничению влияния религии на общество путем увеличения количества лекций на научно-атеистические темы, подготовки лекторов и издания методической литературы. Даже увеличение количества семинаров, совещаний и круглых столов с участием не только лекторов и сотрудников культурно-массовых учреждений, но и руководителей РК КПСС области, свидетельствовало о более серьезном подходе к проблемам религиозности населения.

Одним из наиболее эффективных методов пропаганды являлось привлечение ренегатов к проведению встреч с верующими. Данное явление не имело массового характера, в период с кон. 1950-х–нач. 1960-х гг. имело место порядка 200 подобных случаев³. Тем не менее каждый подобный факт

¹ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 40. Л. 4.

² ГАНИСО. Ф. 3201. Оп. 1. Д. 99. Л. 34–35.

³ См.: *Соколова М.И.* Судьба православного духовенства в Волгоградской и Сталинградской епархии во второй половине 1950-х годов // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4, Ист. 2010. № 2 (18). С. 105–111.

являл собой возможность для партийных органов, проводивших идеологическую работу, использовать их в качестве иллюстрации разочарования не только мирян, но и священнослужителей в своей приверженности религии. Важным являлось то, что бывшие священнослужители фактом радикального изменения своей жизни и взглядов оказывали значительное влияние на умы людей, особенно сомневающихся. Помимо этого, отрекшиеся от веры и снявшие с себя сан так или иначе были более компетентны в раскрытии не только вопросов веры, но и повседневной жизни прихожан и тех проблем, которые в них имелись. Поэтому упускать подобный ресурс было бы ошибкой.

В Смоленской области в период с 1943 по 1964 гг. зафиксировано 7 случаев добровольного оставления священнического служения¹. Наибольшее их число приходится на 1962 г. – 5. Один из бывших клириков, Комар Василий Иванович, совершил акт отречения от веры публично через печать. В результате при содействии горкома КПСС он не только получил работу в совнархозе, но и привлекался в качестве лектора атеистической пропаганды. Примечательно то, что его лекции посещались большим числом слушателей, в основном пенсионного возраста². Подобным путем также пошел и упомянутый выше бывший настоятель Покровского храма г. Демидова А. Курлович, отрекшийся от веры через областную газету. Он был устроен в Демидовскую ремонтно-техническую станцию нормировщиком, а также прочел более 60-ти лекций. По утверждению Г.Н. Галинского, «на его лекциях присутствовало большое количество слушателей, притом состав слушателей был необычным – старики и старухи, которые в обычные дни посещают клубы очень редко»³.

Рассматривая явление ренегатства как следствие реализации комплекса мер антирелигиозной агитации и пропаганды, необходимо учитывать контекст, в котором принимались данные решения. К началу 1960-х гг. в

¹ См.: ГАСО. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 12. Л. 25; Д. 36. Л. 7–8; Д. 37. Л. 11.

² ГАСО. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 37. Л. 11.

³ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 36. Л. 7–8.

активную фазу вошло экономическое, политическое, социальное давление на Русскую Православную Церковь и духовенство. Сложившаяся система взаимоотношений церкви и государства претерпела серьезные изменения. В это же время наблюдались значительные успехи в научно-техническом развитии СССР. Это давало повод строителям коммунизма с надеждой и оптимизмом глядеть в будущее и рассчитывать на то, что все пережитки прошлого, к которым относилась и религия, в скором времени будут устранены.

Что касается духовенства, то некоторая его часть не могла не проникнуться подобными воззрениями и под влиянием финансовых трудностей и социального давления поддалась искушению кардинальным образом поменять образ жизни и «идти в ногу со временем». Также, по меткому замечанию В.Н. Алейнекова, значительная часть наиболее активного духовенства была сформирована уже в советский период. Это наложило определённый отпечаток на их убеждения, способность отстаивать свою позицию и, в конечном итоге, веру. Таким образом, отсутствие общественной поддержки, социальная изоляция, по мнению исследователя, не в последнюю очередь явились причинами отступления от церкви и своего служения¹. И с этим мнением трудно не согласиться.

Однако необходимо учитывать и личные мотивы бывших священнослужителей. Этой теме посвящена статья протоиерея Дмитрия Сазонова «Отречение от веры. Мировоззренческая убежденность или сумма обстоятельств? К теме ренегатства 1960-х годов». В ней автор подробно рассматривает обстоятельства отречения священника И. Кубина и делает следующий вывод: «Не сломленный антирелигиозной пропагандой, Кубин оказался бессильным перед возникшими жизненными ситуациями. Амбициозный, образованный, в начале своего священнического пути горевший верой человек постепенно сломался под тяжестью жизненных

¹ См.: *Алейнеков В.Н.* К вопросу о ренегатстве православного духовенства в период хрущевской антирелигиозной кампании (1958–1964). С. 326–345.

неудач, бытовых проблем и тягот... Кубин сделал свой выбор. Он разорвал с Церковью, посчитав ее, очевидно, только как видимую институцию, забывая о Церкви невидимой. Он не влился в стройные ряды агитаторов и «плодовитых обличителей» Церкви, какими стали А. Осипов и другие известные ренегаты – Н. Спасский, Е. Дулуман. Видимо, он посчитал, что своей статьей он отомстит системе, которая, как ему казалось, была несправедлива к нему, не поняла его мотиваций и не разобралась в его ситуации»¹.

Возвращаясь к случаю со священником А. Курловичем, следует отметить, что его отречение, внешней причиной которого стал фельетон, последовало сразу же за снятием с прихода. Как отмечает уполномоченный, «епископ воспользовался этим и снял Курловича»². После этого около 250 человек обратились к епископу с просьбой вернуть священника обратно. Это свидетельствует о том, что верующие Демидова не поверили обвинениям в аморальном поведении священнослужителя. Что касается самого священника, то он пользовался уважением и влиянием в среде верующих, что должно было иметь под собой определенные основания. Таким образом, епископ Иннокентий без особой проверки в скором времени после публикации фельетона отстранил Курловича от настоятельства в Демидове. Реакцией последнего была публикация в газете с отречением. В данном случае имеется определенная связь между этими событиями, что свидетельствует о личной обиде священника на несправедливое к нему отношение со стороны епархиального архиерея. Таким образом, епископ Иннокентий (Сокаль) не только не защищал своих священников, но, напротив, предпочитал верить печати, целью которой было максимально опорочить и нанести вред церкви и ее служителям. Оценить содержательное отношение архиерея к публикациям как средству давления на церковь и общественность в полной мере невозможно. Что касается священника Комар

¹ Сазонов Д., *прот.* Отречение от веры. Мировоззренческая убежденность или сумма обстоятельств? К теме ренегатства 1960-х годов. С. 76.

² ГАСО. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 36. Л. 13.

и присоединившегося в 1964 г. к числу ренегатов Гарбузова, то мотивы их отречений трудно восстановить в связи с отсутствием материалов.

Было бы преувеличением утверждать, что примеры отречения от веры священнослужителей оказывали значительное влияние на умы и сердца верующих людей. Те, кто способен был отказаться от убеждений, и всячески критиковать свое прошлое, могли заставить обратить внимание на морально-нравственный облик отрекшихся. Однако, массовый характер подобные явления не носили. Для шести десятков клириков (к 1964 г.) Смоленской епархии уход шести клириков не мог быть значимым событием, тем более что лишь трое из них включились в атеистическую пропаганду. Но и недооценивать влияния разворачивающихся в публичном поле и освещаемых печатью событий на локальное организованное сообщество верующих оснований также нет. На пике очередной антирелигиозной кампании в течение года фактически было оказано негативное влияние на 1/10 всех приходов епархии, что побуждает с большим вниманием относиться к сути происходящих в поле антирелигиозной агитации событий.

К 1964 г. новый уполномоченный А. Анищенко вновь фиксировал «слабую атеистическую работу и слабый контроль за соблюдением законодательства о культурах»¹. В большей степени эта оценка была связана с внедрением «советской обрядности» в регионе, которая проходила неудовлетворительными темпами и не находила поддержки как со стороны представителей органов власти, так и общества². В результате, процент совершения религиозных обрядов, а именно крещений и отпеваний, оставался достаточно высоким: в Вязьме – 50 % и 63%, Смоленске – 40 % и 81 %, в Гжатске – 37 % и 77 %³. «Советские теоретики атеизма первоначально видели в социалистических обрядах лучшее средство решить проблему религии, против которой оказались бессильны и политические репрессии, и административные ограничения, и научно-просветительская

¹ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 42. Л. 3.

² Там же. Л. 3–5, Л. 8, Л. 21.

³ Там же. Л. 3.

работа... социалистические обряды так и не оправдали возлагавшихся на них ожиданий»¹, – такое заключение содержится в новейшем исследовании советской религиозности В. Смолкин. Рассматривая идеологическую пропаганду государства и практические шаги по ее осуществлению в Смоленском регионе, данный вывод исследователя является вполне обоснованным.

Вплоть до 1958 г. проводились отдельные попытки «наступлений» на религиозные пережитки через печать и эпизодические чтения лекций на антирелигиозные темы. Начало кампании ознаменовалось ограничением финансовых возможностей приходов, путем увеличения налогов на свечное производство, повсеместным установлением твердых окладов для священнослужителей, а также запретом на посещение домов верующих с целью проведения религиозных обрядов. Все эти меры так или иначе оказывали влияние на сокращение влияния духовенства на население. Это связано с сокращением возможностей для личного общения вне рамок храма, а также замыканием в рамках прихода религиозности, которая постепенно становилось периферийной частью жизни. В этой связи ограничение полномочий духовенства в рамках прихода, исчезновение финансового стимула в связи с переходом на твердые оклады, сказывалось на уменьшении количества регулярно посещающих храм верующих, даже при сохранении значительного числа тех, кто продолжал участвовать в религиозных обрядах.

¹ Смолкин В. Указ. соч. С. 399.

ГЛАВА 3. СМОЛЕНСКАЯ ЕПАРХИЯ В УСЛОВИЯХ РЕЛИГИОЗНОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА: 1943–1964 ГГ.

3.1. Управляющие Смоленской епархией

Система управления церковью на протяжении многих веков строилась на единоначалии. Высшую власть в епархии представлял прежде всего епископ. Именно епископ обладал всеми полномочиями по решению административных, хозяйственных, кадровых и иных вопросов. Епископ же всегда представлял возглавляемую им епархию перед лицом государственных властей. Это, с одной стороны, позволяло консолидировать всю власть в руках одного человека для оперативного решения необходимых задач, а с другой стороны, делало такую систему весьма уязвимой для влияния извне.

В настоящем разделе будет рассмотрена деятельность правящих архиереев Смоленской епархии в период с 1943 по 1964 гг. Необходимо сразу оговориться, что характерные качества любого человека, несомненно, влияют и на его управленческие практики. Однако исследовательская оценка этих качеств представляет трудноисполнимую задачу. Поэтому мы максимально постараемся дистанцироваться от каких-либо личностных оценок, а там, где это будет иметь место, использовать мнение уполномоченных и иных лиц с поправкой на их возможную субъективность. Цель настоящего параграфа – проследить тенденции в управлении епархией ее епископами в контексте политических и идеологических изменений в советском государстве, а также с учетом специфики взаимоотношений архипастыря с вверенным ему клиром (священством) и обществом верующих (паствой).

Смоленская епархия после освобождения области от немецких захватчиков некоторое время управлялась архиепископом Василием (Ратмировым) с титулом Калининский и Смоленский. Данный архиерей

имеет противоречивую биографию, о чем свидетельствует и то, что после ухода на покой в 1947 г. о его жизни и даже дате смерти ничего неизвестно¹. Что касается управления им приходами на территории Смоленской области, то об этом уполномоченный писал следующим образом: «Сам Ратмиров и его секретарь находятся в разъездах. Обязанностей своих никому не передают»².

Однако уже 23 ноября 1944 г. епископом Смоленским и Дорогобужским стал преосвященный Сергей (Смирнов). Епископ Сергей, в миру Александр Викторович Смирнов, был выходцем из семьи петербургских священнослужителей. Образование получил в Санкт-Петербургской духовной семинарии, которую окончил в 1908 г., после чего два года был преподавателем начальной школы. В 1910 г. А.В. Смирнов принял диаконскую, а затем – священническую хиротонию. До 1939 г. был клириком С.-Петербургской (Ленинградской) епархии, после чего ушел за штат. С 1941 по 1944 гг. находился в г. Иркутске в эвакуации, по возвращении из которой поступил в клир Калининской епархии. В 1944 г. по рекомендации архиепископа Василия (Ратмирова) протоиерей Александр был пострижен в монашество с именем Сергей и 19 ноября хиротонисан во епископа Смоленского и Дорогобужского³. В краткой характеристике епископу уполномоченный Н. Митин сообщает о его судимости по статье 58–1а. В отличие от родного брата священнослужителя, который отбыл 10-летний срок заключения по той же статье, об отбывании срока в ИТЛ в биографии епископа Сергея речи не идет, что является достаточно необычным явлением⁴.

Важным является обозначение отношения уполномоченных Н.Л. Митина и Г.Н. Галинского к епископу. Оба чиновника сходились во мнении, что епископ Сергей слабовольный, нерешительный и находился под

¹ Василий (Ратмиров) // Православная энциклопедия. Т. VII. Москва, 2004. С. 93–94.

² ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 2. Л. 3 об.

³ *Серафим (Амельченков), иером.* Указ. соч. С. 148.

⁴ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 4. Л. 3.

чьим-то влиянием¹. Как отмечал Н.Л. Митин, епископ Сергей окружал себя родственниками, среди которых были его брат, протоиерей Владимир Смирнов, (некоторое время выполнял обязанности настоятеля кафедрального собора), шурин, священник Боголеп Зверев, штатный клирик кафедрального собора, племянница Н. Бойкова – заведующая епархиальным складом, ее муж В. Бойков отвечал за снабжение склада². Все эти люди занимали ключевые должности, связанные с административной и хозяйственной деятельностью в епархии. Стремление окружить себя людьми, которых епископ Сергей хорошо знал, в данном случае подтверждает ту характеристику, которую дали ему оба уполномоченных. Однако обратимся к той деятельности, которую епископ Сергей проводил, будучи правящим архиереем Смоленской епархии в период с 1953 по 1955 гг.³

В указанный период преосвященный Сергей испытывал значительные проблемы со здоровьем, о чем свидетельствовали как уполномоченный, так и сам архиерей в своих отчетах. Еще в 1950 г. он сообщал патриарху Алексию I об инсульте и тяжелой болезни, которая могла привести к его повторению⁴. Судя по всему, ситуация только ухудшалась. Более того, в 1950 г. были осуждены три клирика епархии: секретарь епархиального управления протоиерей В. Поликарпов, настоятель кафедрального собора протоиерей Н. Валюженич и брат епископа, протоиерей В. Смирнов, – по ст. 118 за дачу взяток финансовым работникам. Сами священнослужители настаивали на вымогательстве со стороны начальника райфо и налогового инспектора⁵. В итоге, клириков осудили на 5 лет заключения. Конечно же, эти события не могли не оставить следа на стиле управления архиерея своей епархией.

¹ Там же. Л. 3; Д. 20. Л. 13.

² ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 4. Л. 3.

³ Епископ Сергей был правящим архиереем Смоленской епархии с 1944 по 1955 гг.

⁴ АСЕУ. Рапорт епископа Смоленского и Дорогобужского Сергия патриарху Алексию I (Симанскому) от 16 мая 1950 г.

⁵ АСЕУ. Личное дело протоиерея Владимира Смирнова. Почтительнейший рапорт епископа Смоленского и Дорогобужского Сергия патриарху Алексию I (Симанскому).

Какие же направления интересовали епископа Сергия при управлении Смоленской епархией? Прежде всего, он был озабочен кадровым вопросом. Этим архиерей не раз делился при личных встречах с уполномоченным. В частности, в 1953 г. епископ отметил, что большинство священников имели весьма преклонный возраст, в результате чего была большая убыль священства, которая не восполнялась. Кроме того, ряд священников были абсолютно неграмотными, а другая часть вела безнравственный образ жизни. Как результат, подрывалось доверие к церкви и всем ее служителям¹. О кадровой проблеме будет сказано в следующем разделе. Здесь же отметим, что первым инструментом в ее решении для архиерея было привлечение своих родственников, а вторым, основным источником кадров, были территории Белоруссии. Однако в этом деле он раскрыл свою непоследовательность и отчасти оправдал характеристику, данную ему уполномоченными.

Епископ Сергей в начале 1953 г. достиг договоренности с митрополитом Минским и Белорусским Питиримом (Свиридовым) о переходе священника Пиленога из Пинской области в Смоленскую епархию. Он имел высшее духовное образование, и епископ Сергей возлагал на него большие надежды как на будущего настоятеля Успенского собора и секретаря епархии. Все эти соображения архиерей высказал уполномоченному. Последний сообщил об этом сотруднику МГБ, и тот посоветовал рекомендовать епископу не принимать «нежелательное лицо», что и было вскоре исполнено. Архиерей, узнав о мнении уполномоченного, поменял свое решение и отказался принимать Пиленогу в клир собора². Стоит учесть, что Г.Н. Галинский не мог в полной мере влиять на принятие решения епископом относительно этого назначения, о чем сказано и в отчете уполномоченного. Однако владыка Сергей не проявил твердости и

¹ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 14. Л. 23.

² ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 16. Л. 4–5.

принципиальности в столь важном деле, как поиск компетентного человека на ключевой пост епархии.

Тем не менее в период с 1953–1955 гг. епископу Сергию удалось привлечь в Смоленскую епархию четверых священнослужителей из БССР. Однако это не могло закрыть те кадровые лакуны, которые с каждым годом становились все заметнее: священники либо по старости и состоянию здоровья, либо с целью перейти в другую епархию уходили за штат. Поэтому преосвященный вынужден был искать иные способы для решения кадрового дефицита в епархии.

В 1955 г. епископ Сергей поднял перед уполномоченным вопрос об организации в Смоленске курсов для псаломщиков, диаконов и священников. Они должны были включать в себя изучение догматических вопросов, истории расколов, церковный устав и катехизис. Г.Н. Галинский выразил сомнение относительно реализации подобной инициативы, так как в епархии не имелось компетентных преподавателей и отсутствовала программа подготовки¹. Эти сомнения были небеспочвенными, так как еще в 1946 г. епископ Сергей также планировал организовать курсы по переподготовке, для чего просил предоставить ему помещения². Курсы не были организованы ни в 1946 г., ни в 1955-ом.

Выше было упомянуто о поиске епископом Сергием кандидатуры на место настоятеля Успенского собора и секретаря епархии. Стоит отметить, что с секретарями епархии преосвященному трудно было найти общий язык. Так, еще первый секретарь в его епископство, протоиерей Николай Валюженич, не имел уважения к своему архиерею, обвинял его в бездеятельности и алчности, называл ограниченным человеком³. Преемника протоиерея Н. Валюженича, священника В. Никитского, епископ Сергей также желал заменить, для чего из Сычевки был вызван игумен Иосиф

¹ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 24. Л. 1–2.

² ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 4. Л. 12 об.–13.

³ *Каиль М.В.* Послевоенное православие: епископат, духовенство и государственное регулирование церковной жизни в СССР (1943–1953 годы). С. 28.

(Стулевич). Как следует из многочисленных жалоб верующих гг. Львова и Сычевки и отчетов уполномоченного, игумен Иосиф не отличался высокими моральными качествами. Однако епископ Сергей назначил Стулевича председателем епархиального совета и священником Успенского собора¹ «с перспективой сделать настоятелем»². Таким образом, архиерей нашел замену священнику В. Никитскому. Однако Стулевич принял сторону протоиерея В. Никитского, и епископ нашел в лице своего выдвигенца еще одного недоброжелателя. Итак, надежды архиерея не оправдались. Более того, игумен Иосиф был в феврале 1955 г., спустя полтора месяца после новых назначений, по причине аморального поведения, нарушения обета безбрачия, был отправлен за штат с правом перехода в другую епархию³. Это решение тем более удивительно, что обвинения, которые выдвигались против Стулевича, являются прямым основанием для их рассмотрения церковным судом.

Региональный уполномоченный в докладной записке, составленной для Г.Г. Карпова, дает следующую оценку этому событию. Причину подобного быстрого карьерного роста Стулевича Г.Н. Галинский видит, как раз, в наличии у того репутации аморального священника. Это давало повод епископу Сергию считать игумена в достаточной степени управляемым и использовать в своих целях. Основания для оценки нравственных качеств строились на письме неких прихожан из Львова⁴, где одно время служил Стулевич, а также анонимных писем из г. Сычевки⁵. Более того, сам епископ Сергей за две недели до назначения игумена в Смоленск направил письмо Львовскому архиерею с просьбой дать характеристику Стулевичу и тем

¹ АСЕУ. Личное дело игумена Иосифа (Стулевич). Указ № 362 от 23.12.1954 г. о перемещении на вакантное священническое место к Смоленскому Кафедральному Успенскому собору.

² ГАСО. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 24. Л. 2.

³ АСЕУ. Личное дело игумена Иосифа (Стулевича). Указ № 32 от 11.02.1955 г. об увольнении игумена Иосифа (Стулевич) из Смоленской епархии.

⁴ АСЕУ. Личное дело игумена Иосифа (Стулевича). Письмо от верующих г. Львова.

⁵ АСЕУ. Личное дело игумена Иосифа (Стулевича). Письмо епископу Смоленскому и Дорогобужскому Сергию от верующих г. Сычевка от 31.10.1953 г.

обвинениям, которые на него возводятся. Ответ на это письмо последовал лишь 23.02.55 г. В нем не было ничего, подтверждающего «аморальное» поведение игумена. За два дня до этого игумен Иосиф «после выяснения всех недоразумений» был восстановлен в клире Смоленской епархии на месте второго священника Успенском собора¹.

В этой связи оценка уполномоченным действий епископа и мотивов может иметь под собой некоторое основание. Заведомо зная о различных слухах и домыслах относительно Стулевича, не дождавшись письма от Львовского епископа, не выяснив до конца дела, преосвященный Сергей приблизил к себе сомнительную личность. Этот факт свидетельствует о его неразборчивости при выборе помощников и, соответственно, недостаточно развитых качествах руководителя.

Долгие годы епископ Сергей испытывал проблемы со здоровьем, в связи с чем он вынужден был просить патриарха отправить его на покой. В 1955 г. его прошение было удовлетворено. Остаток своей жизни, а именно два года, он прожил в Могилеве, где 16 августа 1957 г. скончался и был погребен.

В апреле 1955 г. епископа Сергия сменил преосвященный Михаил (Чуб). В отчете за 1955 г. среди мер «для оздоровления жизни Епархии» указано увольнение за штат бывшего при епископе Сергии секретаря епархии, протоиерея Василия Синайского, о котором подробнее будет сказано в параграфе о кадровом положении в Смоленской епархии. В отчете лишь отмечено, что священник «не сумел доказать своих священнических полномочий». Были уволены и заведующая Епархиальным складом, племянница епископа Сергия, и ее муж, «снабженец». Епископ Михаил поручил провести ревизию в крупнейших храмах Смоленской епархии и тех, что находились в отдаленных районах. Также им были приняты меры по налаживанию дисциплины, в том числе финансовой, среди духовенства.

¹ АСЕУ. Личное дело игумена Иосифа (Стулевича). Письмо уполномоченному Совету по делам Русской Православной Церкви Г.Н. Галинскому за № 46 от 21.02.1955 г.

Весь комплекс мероприятий позволил уже к концу 1955 г. увеличить доходность храмов на 10%. Об источнике этих средств свидетельствует следующая характеристика епархиальной жизни из отчета Г.Н. Галинского за тот же год: «На местах, пользуясь бесконтрольностью и невмешательством епископа Сергия, кому только не лень бессовестно разворовывали церковную кассу»¹. Далее он пишет: «Такое руководство епископа Сергия Смоленской епархией не способствовало укреплению церковных устоев»². К подобному выводу пришел Святейший Патриарх Алексий I, оставив следующую резолюцию на отчете епископа Михаила за 1955 г.: «Из представленного отчета видно, что Смоленская епархия до сего времени не имела должного руководства ни по какой части управления»³.

В упомянутом отчете за 1955 г. уполномоченный Совета о смене архиерея заметил: «В первом квартале с.г. “к сожалению” [так в тексте] епископ Сергий был освобожден от обязанностей управляющего Смоленской епархией и вместо него был прислан епископ Михаил»⁴. Это замечание ярко иллюстрирует отношение к епископу Сергию со стороны уполномоченного. Архиерей не пользовался у Г.Н. Галинского особым уважением, в результате чего обеспечение интересов епархии, которые призван был защищать епископ, не могло в достаточной степени быть реализовано.

Епископ Михаил, в миру Михаил Андреевич Чуб, родился 12 февраля 1912 г. в семье диакона, служившего в одном из храмов Царского Села. Среднее образование получил там же, после чего с 1933 по 1935 гг. работал библиотекарем-переводчиком. Вместе с семьей в 1935 г. был выслан в Казахстан, из которого семья Чуб вернулась в г. Рыбинск спустя несколько лет. В 1940 г. окончил институт иностранных языков, после чего занимался преподавательской деятельностью в средне-специальных учебных

¹ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 4. Л. 3; Д. 20. Л. 14.

² ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 20. Л. 14.

³ АСЕУ. Резолюция № 555 Святейшего Патриарха Алексия I на отчете по Смоленской епархии за 1955 год от 20.03.1956 г.

⁴ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 20. Л. 14.

заведениях. В 1943–1945 гг. являлся начальником охраны лесов Рыбинского межрайонного лесхоза¹. Способность к изучению языков предопределила будущее Михаила Андреевича в церковном служении. В 1947 г. он поступил в Ленинградскую духовную академию, после окончания которой в 1950 г. получил степень кандидата богословия и был оставлен в качестве преподавателя Истории Церкви. В Академии Михаила Чуб рукополагают во диаконы, а затем во священники. Здесь он сближается с митрополитом Григорием (Чуковым), который всячески рекомендовал его в качестве участника делегаций, посылаемых Московской Патриархией за границу. В 1953 г. иерей Михаил был хиротонисан в сан епископа Лужского, викария Ленинградской епархии, с возложением обязанности управлять приходами в Финляндии². Таким образом, он стал первым выпускником восстановленной духовной академии Северной Столицы, удостоенным сана епископа.

1 февраля 1955 г. преосвященный Михаил был назначен епископом Вяземским с временным управлением Смоленской кафедрой. Последний факт представляет особый интерес, так как по делу того же игумена Иосифа отметим, что до 21 февраля епископ Сергей подписывал документы и исполнял обязанности управляющего епархией. И лишь в апреле епископ Михаил был наречен епископом Смоленским и Дорогобужским.

Первый отзыв уполномоченного о новом архиерее имеет достаточно положительную оценку для характеризуемого: «Надо сказать, что епископ Михаил совершенно отличается в своей деятельности от епископа Сергея. За этот короткий срок своего пребывания в Смоленской епархии он еще не успел развернуть в полном объеме свою деятельность по укреплению церкви, но целый ряд назначаемых им мероприятий говорит о том, что его деятельность в этом направлении будет успешной»³. И действительно,

¹ Шкаровский М.В. Михаил (Чуб) // Православная энциклопедия. 2021. Т. 45. С. 664.

² Сафонов Д.В. К 20-летию кончины архиепископа Михаила (Чуба) // Альфа и Омега. 2006. № 1. С. 185–187.

³ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 20. Л. 16.

первые шаги преосвященного Михаила давали надежду на то, что в Смоленской епархии в скором времени смогут быть решены наиболее острые проблемы, будет дан новый импульс развитию религиозной жизни в регионе.

Первым мероприятием нового архиерея стало ознакомление с жизнью епархии, ее приходов и духовенства. Происходило это путем личных встреч с клириками храмов и их представителями, которые приезжали в Смоленск для решения различного рода вопросов. Кроме того, епископ Михаил совершал выездные богослужения в дни престольных торжеств в храмах гг. Демидова, Гжатска, Рославля, сс. Печерска и Шестаково. Также были осмотрены храмы г. Вязьмы, Рославля, с. Николо-Яровня и с. Зарубенки. В ходе изучения состояния епархии преосвященный отмечал низкий уровень оснащенности приходов утварью, богослужебными книгами и облачениями. Он отмечал, что сосудами для богослужения «во многих храмах служат различные самоделки – стеклянные сахарницы, фары от автомобилей, блюдечки и тарелочки...»¹. Некоторые храмы не имели печей, в связи с чем в холодное время года не действовали. Большинство из них нуждались в капитальном ремонте, средств на который ни у приходов, ни у епархии не было. Однако в этом же отчете преосвященный обозначил в качестве одной из задач проведение масштабных реставрационных работ в двух наиболее значимых соборах Смоленской области – Успенском в Смоленске и Троицком в Вязьме².

Ревизия кадров духовенства и сотрудников епархиального управления также были в первой очереди для принятия решений епископом Михаилом. Им были уволены секретарь епископа Сергия и священник кафедрального собора Василий Синайский. Он не смог документально засвидетельствовать то, что являлся священником. Были также уволены ранее упомянутые Н. Бойкова и ее муж В. Бойков. В ходе проверки выяснилось, что все приходы епархии снабжались незаконным путем: они приобретали предметы

¹ АСЕУ. Отчет епископа Смоленского и Дорогобужского Михаила (Чуб) за 1955 г. С. 1–2.

² Там же. С. 3.

церковного обихода, за исключением свечей, не на епархиальном складе, как это было установлено правилами¹. Все это стало поводом для принятия мер, которые в скором времени дали положительные результаты.

Что касается работы епископа Михаила с кадрами, то, как и его предшественник, он не оставлял попыток привлечь священнослужителей в Смоленскую епархию, используя внешние и внутренние ресурсы. В 1955 г. клир пополнился девятью священниками: один окончил Ленинградскую духовную академию, двое прибыли из Минской епархии, и двое – из Псковской². Два священника были возвращены из за штата³. Два псаломщика были рукоположены в сан священника. Итого на семь человек увеличилось количество клириков Смоленской епархии. Однако за этот же год девять клириков покинуло епархию или ряды священников. Причиной тому явились запреты на священнослужение, переводы в другую епархию или уход за штат по болезни. Как следует из отчетов уполномоченного, в последующие годы особенного успеха на этом направлении епископу Михаилу в количественном отношении не удалось достичь. Прибыль и убыль духовенства оставались примерно на одном уровне. Однако, как отмечал сам уполномоченный, в качественном отношении епископ «добился некоторых удовлетворительных результатов»⁴. Западные области Белоруссии и Украины были одними из основных поставщиков грамотных и молодых священников. Так, если до епископа Михаила в епархии не было ни одного священника, получившего духовное образование до Великой Отечественной войны, то после его прихода их имелось пять человек.

Во взаимоотношениях с органами власти преосвященный Михаил в начале своего архиерейства на Смоленской кафедре проявил значительную активность. Уже во вторую встречу с уполномоченным епископ «пришел с целым рядом ходатайств». Он просил уполномоченного удовлетворить

¹ АСЕУ. Отчет епископа Смоленского и Дорогобужского Михаила (Чуб) за 1955 г. С. 4.

² ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 20. Л. 19.

³ Там же. Л. 6.

⁴ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 22. Л. 18.

ходатайство верующих об открытии храмов в гг. Ельни, Велижа и с. Красного. Кроме того, архиерей желал восстановить храм на Гурьевском кладбище г. Смоленска. Также в одной из бесед преосвященный Михаил высказал мысль о необходимости поддержки финансово необеспеченных приходов путем переопределения средств из более состоятельных храмов. С этим он желал обратиться в патриархию¹. Просьбы об открытии храмов были отклонены. Об этом епископ сообщал в своем отчете патриарху². Однако ходатайства об оказании помощи в реставрации Успенского собора и возвращении второй половины Троицкого собора Вязьмы обратили на себя внимание уполномоченного, и об их удовлетворении он ходатайствовал перед центральным аппаратом Совета³. В результате древний придел Троицкого собора был возвращен епархии. В нем сразу же начались ремонтно-реставрационные работы, а в Успенском соборе было проведено центральное отопление и отремонтирована центральная лестница⁴. При епископе Михаиле был отреставрирован иконостас кафедрального собора, включая резьбу и иконы⁵.

Помимо этого, епископ Михаил озаботился завершением строительства дома для священников при Успенском соборе, что позволило бы им не снимать квартиры. Важным было также обустройство быта архиерея, который жил в здании площадью 124 кв. м. Эта постройка была передана епархии для размещения в ней канцелярии епархии, однако ранее 100 кв. м. были заняты епископом Сергием под жилое помещение⁶. Для решения этой проблемы преосвященный Михаил обратился к уполномоченному за разрешением покупки дома у частного лица. Разрешение было получено, однако нотариальная контора отказала в оформлении сделки, ссылаясь на то, что епархия не имеет юридического лица. Уполномоченный вмешался и

¹ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 20. Л. 15–16.

² АСЕУ. Отчет епископа Смоленского и Дорогобужского Михаила (Чуб) за 1956 г. С. 1.

³ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 20. Л. 22–23.

⁴ АСЕУ. Отчет епископа Смоленского и Дорогобужского Михаила (Чуб) за 1956 г. С. 3–4.

⁵ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 24. Л. 13.

⁶ АСЕУ. Отчет епископа Смоленского и Дорогобужского Михаила (Чуб) за 1955 г. С. 6.

разъяснил служащим конторы, что, согласно постановлению СНК СССР от 22.08.45 г., епархиальное управление имеет ограниченное право юридического лица. Но даже это не возымело эффекта. В итоге епископ, чтобы не упустить участок с домом, купил его, оформив на свое имя.

Как следует из отчетов уполномоченного, к 1957 г. доходы епархии по сравнению с 1955 г. выросли на 35 %, что явилось заслугой прежде всего правящего архиерея, который боролся с финансовыми нарушениями и злоупотреблениями церковнослужителей. Повышение доходов епархии позволило вкладывать значительные средства в ремонт храмов, покупку утвари и иных необходимых предметов для богослужения¹.

В 1957 г. преосвященный Михаил был назначен епископом Берлинским и Германским, а также заместителем председателя Отдела внешних церковных сношений Русской Православной Церкви². При этом за ним сохранилось управление Смоленской епархией. Вскоре после этого в одной из бесед с уполномоченным епископ Михаил признался, что «он не может уделять должного внимания своей основной работе в Смоленской епархии³. И действительно, бывшая активность преосвященного с просьбами по открытию храмов или иным хозяйственным нуждам уменьшилась. Поездки по приходам также прекратились, так как значительную часть времени архиерей отсутствовал в Смоленске. Международная деятельность отодвинула епархиальные дела на второй план.

В 1959 г. епископ Михаил был переведен в Ижевскую епархию. Плодом его деятельности в Смоленске стало обновление состава духовенства, его омоложение и повышение образовательного уровня. За четыре года управления епархией ему удалось повысить дисциплину среди клира, привлечь значительные средства на масштабные

¹ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 24. Л. 11.

² Уваров С., диак. Участие архиепископа Михаила (Чуба) во внешних церковных связях Русской Православной Церкви в 1950–1960-е годы // Церковь и время. 2017. Т. LXXVIII. С. 211.

³ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 24. Л. 22.

реставрационные работы в Успенском кафедральном соборе, достроить дом для соборного духовенства. Хотя четыре года – небольшой срок для налаживания работы в епархии, тем не менее перечисленный список говорит о значительной работе, проведенной епископом Михаилом в Смоленской епархии.

Его преемником стал настоятель кафедрального собора и секретарь епархии протоиерей Иоанн (Сокаль). Потеряв жену, он принял монашество с именем Иннокентий, и 24 апреля 1959 г. Священный Синод постановил ему быть епископом Смоленским и Дорогобужским¹. С первых дней управления епархией преосвященный Иннокентий обратил внимание на наведение дисциплины среди духовенства и очищение его рядов от наиболее морально разложившихся элементов. В период с апреля по декабрь 1959 г. с прихода на приход было перемещено 11 священников, четверых епископ отправил за штат, в том числе бывшего настоятеля Троицкого собора г. Вязьмы и благочинного протоиерея Н. Валуженича. В этой связи уполномоченный отмечал снижение количества жалоб на духовенство со стороны верующих².

Вторым вопросом, решением которого озаботился архиерей, стала реставрация Успенского собора. Как выяснила комиссия, созданная по поручению епископа Иннокентия, при совершении работ наблюдались значительные финансовые нарушения, нецелевое расходование средств, завышение сметы и воровство. Реставрацией руководил инженер В. Любимов. С целью вовлечения в свою деятельность нового настоятеля собора протоиерея Евстафия Баслык, он желал подкупить последнего дефицитными продуктами, привезенными из Москвы. Протоиерей Евстафий известил епископа о махинациях Любимова. Уполномоченный на просьбу епископа Иннокентия о совете, как поступить с Любимовым, рекомендовал обратиться в органы прокуратуры. Однако архиерей не пожелал портить отношения с патриархией (Любимов имел хорошие взаимоотношения с

¹ *Косик В.И.* Иннокентий (Сокаль) // Православная энциклопедия. 2015. Т. 23. С. 23–24.

² ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 30. Л. 12.

ближайшим помощником Патриарха Алексия I – Д.И. Осиповым) и отказался от этой идеи. Тогда сам уполномоченный решил обратиться в прокуратуру, однако там ему ответили, что за воровство церковных денег Любимова судить не будут¹.

Что касается повседневной деятельности епископа Иннокентия, то в данном случае необходимо учитывать его возраст, который на момент назначения правящим епископом составлял 76 лет. В течение всех лет управления епархией выезды на приходы преосвященный осуществлял крайне редко, то же относится и к проведению собраний духовенства².

На годы управления Смоленской епархией епископом Иннокентием пришелся новый этап обострения взаимоотношений государства и Русской Православной Церкви. В этот период наблюдалось уменьшение количества учебных заведений, храмов и духовенства. Была ли возможность у преосвященного Иннокентия каким-либо образом противодействовать этим негативным тенденциям? Если рассматривать кадровый вопрос, то определенно была. В 1960 г. в Смоленское епархиальное управление поступило большое количество просьб о принятии в клир епархии. В большинстве это были выходцы из БССР, бывшие ученики владыки Иннокентия. Однако уполномоченный, используя нерешительность преосвященного, всячески убеждал его отказывать просителям, в чем он и добивался успеха³. Неоднократно Г.Н. Галинский отмечал, что епископ «прислушивается» к его советам⁴. Так, в кафедральном соборе в это время было прекращено проповедничество, в результате чего и в иных храмах епархии, глядя на такой пример, священники также отказались от произнесения проповедей.

В начале 1962 г. преосвященный Иннокентий перенес тяжелую болезнь, в результате которой потерял голос и память. И если голос к нему

¹ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 30. Л. 13–14; Д. 33. Л. 14.

² ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 30. Л. 14. Д. 33. Л. 14. Д. 36. Л. 5; Д. 37. Л. 14; Д. 42. Л. 16.

³ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 33. Л. 14.

⁴ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 30. Л. 15; Д. 33. Л. 15.

вернулся, то память осталась в расстроенном состоянии¹. По этой причине он в дальнейшем не мог совершать богослужений, лишь присутствовал на них. Таким образом, если ранее епископ Иннокентий не проявлял особой активности в епархиальных делах, то после болезни он был уже не в состоянии этим заниматься. Обязанности управления взял на себя сын преосвященного Анатолий. На уполномоченного А.И. Сокаль производил впечатление «толкового человека и не имеющего религиозных воззрений. Послушен, к моим рекомендациям прислушивается и выполняет их охотно»².

Управление Смоленской епархией епископом Иннокентием, как следует из вышеизложенного, не принесло заметных плодов. Это обстоятельство было продиктовано как внешними, так и внутренними обстоятельствами. Последние заключались в достаточно преклонном возрасте архиерея, вследствие чего проявлялись его немощь и нерешительность в борьбе за интересы епархии. Говорить о каком-либо развитии в таком случае было невозможно, так как ключевое лицо епархии четыре из шести лет было недееспособным в силу тяжелых недугов. Такой управляющий был, конечно же, выгоднее и удобнее для уполномоченного, чего он и не скрывал в своих отчетах. Наиболее красноречиво отношение к преосвященному Иннокентию со стороны духовенства, мирян и уполномоченного А. Анищенко свидетельствует его отчет за 1964 г.: «Докладываю для сведения, что в большинстве духовенство области, а отсюда и верующие выносят недовольство епископом Иннокентием – Сокаль И.И., по причине, что он не может служить службы, не произносит проповедей, идет органам власти на всякие уступки и т.д. Возможно возникнет ходатайство со стороны верующих перед патриархией о замене епископа Иннокентия, то мы считаем, что вопрос замены епископа

¹ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 37. Л. 13–14.

² Там же. Л. 14.

преждевременным и ненужным. Со своей стороны мы с духовенством работу ведем о поддержке епископа Иннокентия»¹.

Смоленская епархия, как и множество иных, испытывала ряд трудностей с кадрами, материально-технической базой, финансами. Однако эти трудности, как показал пример епископа Михаила (Чуб), были вполне решаемы. Несомненно, имело место внешнее давление со стороны государственных органов, не заинтересованных в развитии религиозной жизни в стране, о чем свидетельствуют источники. Однако, как видно из документов уполномоченного и епархиального архива, немаловажным фактором нестроений в церковной жизни являлась внутренняя деградация управленческой системы. О выборе кандидатов в архиереи в изучаемый период М.В. Каиль писал, что нравственные качества были далеко не в первом ряду в списке необходимых для будущего управляющего епархией², с чем трудно не согласиться. Этот кризис естественным образом распространялся и далее на духовенство и всю деятельность епархии в целом. В этом смысле решение поставленных задач ставилось в прямую зависимость от личности архиерея, его морально-нравственных качеств и компетенции.

¹ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 42. Л. 2.

² *Каиль М.В.* Послевоенное православие: епископат, духовенство и государственное регулирование церковной жизни в СССР (1943–1953 годы). С. 25.

3.2. Кадровое состояние Смоленской епархии

В послевоенный период Русская Православная Церковь закономерным образом испытывала значительные трудности в комплектовании приходов кадрами, отвечающими высокому званию священнослужителей. Подобная проблема стояла особо остро в епархиях, находившихся в зоне оккупации немецко-фашистскими войсками. Разруха, бедность и отсутствие перспектив делали малопривлекательными для будущих кандидатов в священство подобные регионы, а внутрицерковные кадровые «резервы» далеко не всегда соответствовали будущему высокому служению.

В настоящем разделе будет предпринята попытка взглянуть на то, как решался кадровый вопрос в Смоленской епархии. Также на примере отдельных фигур мы проанализируем портрет священников Смоленской епархии, служивших в рассматриваемый период. При решении последней задачи привлечены все доступные архивные материалы (в том числе персональные дела; ведомственная переписка).

В изучаемый период положение с количеством клириков в Смоленской епархии отражено в следующей таблице:

Таблица № 6

	священники	диаконы
1944	51	8
1945	58	7
1946	54	6
1947	58	8
1948	59	7
1949	54	6
1950	57	7
1951	54	7
1952	54	7

1953	56	10
1954	52	7
1955	52	5
1956	55	5
1957	57	5
1958	53	4
1959	50	3
1960	47	4
1961	48	4
1962	43	6
1963	39	5
1964	41	5

Перед оккупацией Смоленщины, по данным Д.В. Поспеловского, в ней служило около 10 священнослужителей. Однако благодаря богословским курсам, организованным в Смоленске, удалось подготовить к принятию сана более сорока человек¹. Таким образом, подавляющее большинство духовенства, встретившее советские войска, начало свое служение в период оккупации. Этот факт стал причиной наличия среди духовенства тех, кто мог сотрудничать с оккупационными властями. На их обнаружение направлялись силы местных органов безопасности для последующего расследования в отношении их деятельности и суда. Так, в 1944 г. была раскрыта «антисоветская шпионская деятельность» двух групп, которые возглавляли священнослужители. Первая была обнаружена в Рославле. Ее руководителем являлся бывший благочинный иерей Антоний Семенов, также в группу входил иерей Петр Суханов. Смоленскую «группу» возглавлял священник Иосиф Зайцев, который являлся сотрудником отдела пропаганды в оккупационной администрации². Несмотря на то что эта проблема должна была нанести определенный репутационный ущерб церкви, находились

¹ Поспеловский Д.В. Указ. соч. С. 211.

² ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 2. Л. 2.

верующие, которые ходатайствовали о помиловании осужденных священников¹. Это отчасти объясняется тем соображением, что в среде освобожденного населения, а именно его религиозной части, находилось немало противников советской власти². Подобный случай имел место и в 1946 г., когда за шпионскую и антисоветскую деятельность был арестован священник Алексеев из Гжатска. И в этот раз более 70-ти человек ходатайствовали об его освобождении³.

В разделе о религиозности населения был затронут вопрос о бродячем духовенстве, самозванцах и совершавших религиозные обряды мирянах. Это явление, помимо прочего, демонстрирует кадровую проблему в Смоленском регионе. Так, в 1945 г. из 56 храмов 12 не имели постоянного настоятеля, но, по свидетельству Н.Л. Митина, «обслуживались случайно попавшими, не имевшими специально образовательного ценза людьми»⁴. Также часто происходили перемещения духовенства с прихода на приход, что не способствовало налаживанию приходской жизни. На это обратил внимание Н.Л. Митин. С учетом его критических взглядов и жестких оценок духовенства, данное явление подтверждалось фактами, свидетельствовавшими о расстройстве дел на приходах. Причиной тому было неподобающее поведение отдельных священников, которые, скомпрометировав себя, вынуждены были проситься на другой приход⁵. И архиерей удовлетворял эти прошения, так как имелась нехватка духовенства.

Что касается образовательного уровня клириков, то епископ Сергей предпринимал некоторые усилия по открытию богословских курсов в Смоленске для псаломщиков, диаконов и священников. Эти курсы должны были включать в себя изучение догматических вопросов, истории расколов,

¹ См.: Там же. Л. 10.

² См.: *Петров И.В.* Духовенство, верующие и власть на освобожденной от нацистов территории СССР в 1944–1946 гг. // *Российская история.* 2020. № 3. С. 109.

³ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 3. Л. 65.

⁴ Там же. Л. 66.

⁵ Там же. Л. 67.

церковный устав и катехизис¹. Г.Н. Галинский выразил сомнение относительно реализации подобной инициативы, так как в епархии не имелось компетентных преподавателей и отсутствовала программа подготовки и помещения². Сохранилось письмо Совета в адрес Н.Л. Митина, содержание которого свидетельствует о возможности открытия и духовной семинарии в Смоленске. Так, сотрудник Совета Уткин разъясняет, что организация краткосрочных курсов для священнослужителей является прерогативой епархиальных структур и вмешиваться в этот процесс не следует. Однако если речь идет об открытии семинарии для подготовки священнослужителей, то этот вопрос «решается Советом по представлению Патриархии»³. Далее сотрудник указывал на ошибку уполномоченного, которая состояла в неверном разъяснении вопроса епископа об открытии курсов. Его совет восстановить здания за счет средств Епархиального управления для организации богословских курсов мог «предрешить открытие в г. Смоленске духовной семинарии», против чего выступал Совет. В этой связи особых помещений или зданий для курсов не требовалось. Тем не менее они не были организованы ни в 1946 г., ни в 1955-ом, несмотря на то что в период оккупации подобные курсы успешно действовали.

В 1947 г. число клириков увеличилось до 73-х, включая архиерея, 60 священников, 8 диаконов и 40 псаломщиков. По замечанию Н.Л. Митина, доля окончивших духовное образование среди духовенства была на уровне 40 %, треть из общего числа являлись в прошлом активными прихожанами, остальную часть составляли люди без определённых профессий⁴. Несмотря на общую негативную оценку личностных качеств священнослужителей, уполномоченный обращал внимание на их активную работу с молодежью, особенно в городах. Это важное замечание, так как маловероятно, чтобы священники, не имевшие авторитета и нарушавшие морально-нравственные

¹ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 4. Л. 12 об.–13.

² ГАСО. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 24. Л. 1–2.

³ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 5. Л. 1.

⁴ Там же. Л. 38.

нормы, могли привлечь молодое поколение к вере. Более того, сам факт, что они «стремятся проникнуть в самую гущу молодежи, оказывая помощь детским домам, школам и другим учреждениям»¹, характеризовал священников скорее, как людей активных, инициативных и способных брать на себя определенную ответственность.

Тем не менее проблема кадрового дефицита продолжала оставаться достаточно острой. Для ее решения епископ Сергей предпринял попытку привлечь духовенство из западных регионов Советского Союза. Он обращался к епископу Рижскому Филарету (Лебедеву) и митрополиту Минскому Питириму (Свиридову) за помощью в направлении священников. Однако откликнулся лишь последний. С конца 1940-х гг. наблюдался приток духовенства преимущественно из БССР. В период с 1948 по 1954 гг. из этой советской республики прибыло порядка двух десятков человек. Подобное обстоятельство вызывало беспокойство уполномоченного, который «доводил эти сведения до органов МВД»².

Данные действия епископа Сергея отражают ситуацию, при которой он был вынужден обращаться к другим архиереям. Трудно предположить, чтобы в иных епархиях при условии открытия новых храмов, отсутствии развитой учебной инфраструктуры и тяжелого материального положения значительного числа приходов, которые необходимо было восстанавливать, наблюдалось перенасыщение кадрами, тем более если речь идет об образованных, авторитетных и опытных священнослужителях. В таком случае епископ готов был принять тех клириков, которые по каким-либо причинам, и не всегда благовидным, готовы были переехать в другой регион. Так, например, священник Василевский, принятый в 1950 г. из Пинской епархии, в следующем же году был отправлен за штат с правом перехода в Тульскую епархию по просьбе прихожан за моральное разложение и

¹ Там же.

² ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 7. Л. 3.

растрату приходской кассы¹. Нередко Смоленская епархия становилась «транзитной» на пути духовенства из БССР в епархии, находившиеся на территории России.

Обращаясь к таблице № 6 о духовенстве в изучаемый период и статистике числа действующих храмов в разные годы, представленной в параграфе 1.3, можно обратить внимание на наличие дисбаланса, который не позволял закрыть все имеющиеся штатные единицы настоятелей приходов. Это также толкало архиерея на рукоположение тех, кто не только не получил духовного образования, но и имел сомнительную репутацию. Среди таковых были бывшие обновленцы, бродячие монахи, люди без документов и постоянного места жительства и т.д. Все это не могло не влиять отрицательным образом и на наличное духовенство. Что же касается провинившихся священнослужителей, то они составляли значительную долю потерь духовенства, в том числе по сравнению с умершими и снятыми с регистрации за нарушение законодательства.

Итак, положительной динамики положения дел с кадрами в Смоленской епархии на протяжении управления епископом Сергием не наблюдалось. В своем отчете за первый год своего пребывания в Смоленске епископ Михаил (Чуб) сообщал патриарху Алексию I следующее: «Культурный уровень значительной части духовенства Смоленской епархии крайне низок»². Это мнение правящего архиерея, как видно из личных дел священнослужителей и документов Смоленского епархиального управления, подкреплялось немалым количеством примеров недостойного поведения представителей клира Смоленской епархии. Для иллюстрации обратимся к биографиям некоторых. Подробный полистный разбор материалов персональных дел в формате настоящего исследования невозможен. В этой связи преимущественно анализируются персональные материалы тех из них, кто занимал в изучаемый период ключевые должности в системе

¹ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 12. Л. 9.

² Там же. С. 2.

епархиального управления и имел определяющее корпоративное влияние на состояние, поддерживаемые практики служения и администрирования, складывавшиеся в епархии: секретарь епархии, настоятели и клирики кафедрального собора.

Непосредственным помощником архиерея в делопроизводстве и управлении епархией является секретарь епархиального управления¹. В 1954–1955 гг. эту должность занимал протоиерей Василий Синайский, который за несколько лет до этого, в 1951 г., патриаршим указом был лишен сана². Судьба этого священнослужителя отражает специфику и проблематику кадрового вопроса в РПЦ послевоенного периода.

Согласно автобиографии, Василий Владимирович Синайский родился в 1894 г. в семье священника села Новое Псковской губернии – протоиерея Владимира Стефановича Синайского. В.В. Синайский проходил обучение в Псковской духовной семинарии, окончил лишь 4 класса. В 1914 г. продолжил свое обучение в Санкт-Петербургском университете на историко-филологическом факультете. Однако проучился в нем лишь два года, после начала Первой мировой войны выбыл и поступил псаломщиком к церкви погоста Ловно Псковской губернии. До 1942 г. состоял на гражданской службе в качестве бухгалтера и начальника планового отдела. В 1942 г. 17 мая митрополитом Рижским Сергием (Воскресенским) был рукоположен в сан священника. Однако ни на одном из приходов ему не удалось проходить свое служение, так как во время отступления немцев был эвакуирован в Судетскую область оккупированной Чехословакии. По возвращении в СССР продолжал работать по гражданской специальности до пенсии, до 1952 г.³ В течение двух лет Синайский состоял в переписке с епископом Смоленским Сергием (Смирновым) на предмет поступления в

¹ *Цытин В., прот.* Епархиальное управление // Православная энциклопедия. 2013. Т. 18. С. 493.

² АСЕУ. Личное дело протоиерея Василия Синайского. Письмо настоятеля Екатерининской церкви г. Петрозаводска, Карельской АССР. Игумена Серафима Иннокентия, епископу Смоленскому и Дорогобужскому.

³ АСЕУ. Личное дело протоиерея Василия Синайского. Автобиография.

клир вверенной ему епархии, что и произошло в 1954 г. Мотивы епископа в принятии решения и позиция регионального уполномоченного Совета по делам РПЦ по персоне кандидата в священство по имеющимся документам неизвестны, но то, что решение вопроса затянулось на два года, косвенно свидетельствует о нелинейности процесса и возможных препятствиях.

В Смоленске священник Василий Синайский имел стремительную карьеру. Так, согласно указу архиерея, 19 мая 1954 г. он был назначен настоятелем Троицкой церкви с. Горки, Тумановского р-на¹. Не прослужив и месяца на приходе, Синайский 16 июня был переведен штатным священником в Успенский кафедральный собор «согласно прошению»², а также назначен на должность секретаря епархиального управления.

Подобный взлет позволил выявить некоторые черты Синайского. О них подробно написал в своем рапорте на имя епископа Сергия предшественник протоиерея Василия на посту секретаря епархиального управления и настоятель кафедрального Успенского собора протоиерей Виктор Никитский. Начинается рапорт, поданный 17 января 1955 г., со следующих слов: «Неоднократно докладывая устно Вашему Преосвященству о непристойном поведении четвертого священника Собора Василия Синайского, до сего дня все же никаких мер со стороны Вашего Преосвященства не принято»³. В числе примеров «непристойного поведения» Синайского упоминались систематичные пропуски богослужений, распитие спиртных напитков, небрежение в исполнении священнических обязанностей и некорректное ведение дел в качестве

¹ АСЕУ. Личное дело протоиерея Василия Синайского. Указ от 19.05.1954 г. священнику Синайскому Василию Владимировичу о назначении к церкви с. Горки, Тумановского района, Смоленской области.

² АСЕУ. Личное дело протоиерея Василия Синайского. Указ от 16.06.1954 г. священнику Синайскому Василию Владимировичу о перемещении на четвертую священническую вакансию Смоленского кафедрального Успенского собора.

³ АСЕУ. Личное дело протоиерея Василия Синайского. Рапорт настоятеля Смоленского Кафедрального Успенского собора протоиерея Виктора Никитского Сергию, епископу Смоленскому и Дорогобужскому.

секретаря Смоленского епархиального управления¹. Мнение протоиерея В. Никитского подкреплялось жалобами прихожан на имя правящего архиерея Смоленской епархии. В личном деле Синайского сохранилась одна из них, которая адресована уже преемнику епископа Сергия на Смоленской кафедре епископу Михаилу (Чубу), и начинается она следующим образом: «Убедительно просим убрать от нас священника о. Василия Синайского, который с первых же дней возмутил нас своею безнравственностью, пьянством и т.д.»². В заявлении прихожан представлены примеры для подтверждения данной Синайскому оценки и заключительная просьба удалить четвертого священника из собора.

Показательна реакция на обвинения в адрес своего секретаря самого епископа Сергия, принявшего скандального священнослужителя в епархию и доверившего ему значительные управленческие полномочия. На рапорт Никитского не последовало никакой резолюции архиерея. Протоиерей В. Никитский в своем рапорте недвусмысленно возлагает вину на епископа Сергия за бездействие и отсутствие реакции на многочисленные свидетельства против Синайского. Причину этому мы находим далее в том же рапорте, где В. Никитский приводит случай, при котором он, придя на личный прием к архиерею с целью сообщить ему о неподобающем поведении протоиерея Василия, услышал в свой адрес обвинения от епископа Сергия в предвзятом отношении к Синайскому. Помимо этого, архиерей отказывался принимать группу прихожан кафедрального собора по их жалобе на протоиерея Василия³.

Такое положение дел сохранялось вплоть до смены руководства Смоленской епархии, которое произошло в 1955 г., когда епископ Сергей

¹ Там же.

² АСЕУ. Личное дело протоиерея Василия Синайского. Заявление прихожан Успенского собора Владыке Михаилу.

³ Там же.

написал прошение патриарху Алексию I о переводе¹. В результате, преосвященный Михаил (Чуб) с февраля того же года стал епископом Вяземским, викарием Смоленской епархии², а затем 5 апреля был утвержден епископом Смоленскими и Дорогобужским³. Епископ Михаил поручил протоиерею В. Никитскому проверить документы Синайского⁴. Заключение по результатам проверки было следующим: «Из вышеизложенного видно, что священник Василий Синайский не имеет никакого юридического документа, свидетельствующего его сан и его уклонение, о представлении увольнительной грамоты говорит за то, что у него таковых документов нет, а посему... дальнейшее пребывание в клире Смоленской епархии священника Василия Синайского невозможно»⁵. Протоиерей Виктор отметил, что в личном деле Синайского все документы были написаны его собственной рукой, в том числе – архиерейская грамота от «митрополита Сергия Воскресенского». В этой связи возникает вывод о том, что епископ Сергей (Смирнов) принял священника Василия Синайского без увольнительной грамоты от предыдущего архиерея. В результате, епископ Михаил в день, когда рапорт об этом лег ему на стол, написал на нем резолюцию: «Согласен с заключением. Сообщить свящ. Василию Синайскому, что с 1 июня тек. года он не числится в клире Смоленской епархии»⁶.

¹ Уваров С., диак. Участие архиепископа Михаила (Чуба) во внешних церковных связях Русской Православной Церкви в 1950–1960-е годы. С. 203.

² «Викарий [лат. vicarius букв. – заместитель], церковная должность, связанная с исполнением обязанностей заместителя или помощника церковного администратора; в РПЦ и нек-рых др. правосл. Церквях – должность помощника правящего епархиального архиерея, к-рая учреждается для оказания помощи архиерею в управлении епархией» (Цыпин В., прот. Викарий // Православная энциклопедия. 2010. Т. 8. С. 404.).

³ Уваров С., диак. Участие архиепископа Михаила (Чуба) во внешних церковных связях Русской Православной Церкви в 1950–1960-е годы. С. 203.

⁴ Личное дело протоиерея Василия Синайского. Поручение прот. Виктору Никитскому проверить документы свящ. Василия Синайского.

⁵ АСЕУ. Рапорт от 01.06.55 г. настоятеля Смоленского Успенского кафедрального собора прот. Виктора Никитского епископу Смоленскому Михаилу.

⁶ Там же.

Эта экстраординарная ситуация могла закончиться исключением протоиерея Василия Синайского из клира епархии, но история продолжилась спустя пять лет.

30 сентября 1960 г. настоятель храма в честь святителя Николая г. Сортавала написал письмо в канцелярию епископа Смоленского, на тот момент им был Иннокентий (Сокаль), преемник епископа Михаила. Его содержание в лучшей степени может отразить смысл написанного, поэтому мы приводим его максимально в полном виде: «Регент нашего храма Синайский Василий Владимирович, отрекаясь от Бога и Церкви, публично заявляет, что он будто бы за какие-то заслуги из сельских священников был назначен в Смоленский кафедральный собор, да еще и на должность епархиального секретаря. Далее он сообщает, что непристойное поведение епископов и духовенства привели его к тому, что он добровольно снял сан, отрекся от религии и ушел из Смоленского собора. Это здесь особенно дает его отречению особый вес и значение. Поэтому я, по просьбе верующих, просил бы сообщить подробности о его пребывании в Смоленском соборе и истинную причину его ухода, с копией указа о его увольнении <...>. Синайский говорил, но теперь умалчивает, что был до Смоленска запрещен епископом Великолуцким Иовом»¹.

В истории Синайского есть и еще одно информационное дополнение: 11 ноября настоятель одного из храмов г. Петрозаводска сообщал епископу Иннокентию о том, что в местной газете «Красное Знамя» была опубликована статья Василия Владимировича Синайского «Почему я порвал с религией». В ней он отрекался от веры, обличал «людей из духовной среды», из-за которых потерял веру и разочаровался «в истине идеала человеческой чистоты». Игумен Серафим в настоящем письме также сообщает о том, что он в 1945–1952 гг. состоял в клире Великолуцкой епархии и занимал в ней различные посты, в том числе секретаря

¹ АСЕУ. Личное дело протоиерея Василия Синайского. Письмо настоятеля Никольской церкви г. Сортавала священника Ф. Брянского в канцелярию преосвященного епископа Смоленского от 30.08.1960 г.

епархиального управления и духовного следователя. В качестве последнего игумену Серафиму пришлось дважды расследовать дело Синайского Василия Владимировича по обвинению в прелюбодейном поведении. В первый раз суд прошел в 1949 г. Однако после признания Синайским своей вины епископ Великолукский Михаил (Рубинский) уничтожил все материалы этого дела. Повторно дело о том же предмете в отношении Синайского рассматривалось в 1951 г. по поручению уже другого управляющего Великолукской епархией, епископа Иова (Кресович). В результате следствием было доказано, что Синайский дважды был женат, и обе жены умерли, а в 1951 г. проживал с сожительницей. В итоге патриаршим указом в том же году Синайский был лишен сана¹.

Таким образом, можно резюмировать, что священник кафедрального собора, секретарь Смоленского епархиального управления, не имел никаких документов, свидетельствовавших о его сане. Не было у него и отпускной грамоты, без которой ни один священнослужитель не мог покинуть свою епархию и поступить в клир иной.

О причинах, которые могли создать благоприятные условия для подобной ситуации, можно только догадываться, тем более что возникают вопросы относительно компетентности и мотивов действий уполномоченного по делам РПЦ в Смоленской области, который выдавал регистрацию священнику Синайскому. Что касается мотивации епископа Сергия, принявшего и поставившего на высокий пост неизвестного ему человека, то она могла исходить как из тяжелого положения в епархии, бедной материальными ресурсами и, как следствие, кадрами, так и из личных побуждений, чему, однако, доказательств мы не находим.

Как бы то ни было, описанная ситуация свидетельствует о глубоком кадровом кризисе, в котором находилась Смоленская епархия в период управления ею епископом Сергием (Смирновым) с 1944–1955 гг.

¹ АСЕУ. Личное дело протоиерея Василия Синайского. Письмо настоятеля Екатерининской церкви г. Петрозаводск игумена Серафима в канцелярию преосвященного епископа Смоленского от 02.11.1960 г.

Однако данное суждение можно опровергнуть иными примерами самоотверженного служения клириков Смоленщины.

Неоднократно упоминается в связи с делом Синайского священник Виктор Никитский. Он представляет иной пример служителя Русской Православной Церкви, который на протяжении многих десятилетий достойно выполнял свой долг.

Виктор Павлович Никитский родился 22 октября 1906 г. в Тульской области в семье псаломщика. В начале 1930-х гг. Виктор вместе со своей семьей переехал в Москву, где до войны работал на заводе. Во время Великой Отечественной войны он был призван на фронт в качестве рядового солдата. В 1930 г. Виктор Никитский был рукоположен в сан диакона, а в 1943 г. епископом Смоленским и Брянским Стефаном (Севбо) – в сан священника. На протяжении многих лет, с 1955 по 1985 гг., занимал должность благочинного Сычевского округа и настоятеля храма в честь святителя Николая в г. Сычевка. С 1950 по 1954 гг. священник Виктор Никитский являлся секретарем епархиального управления, а в 1950–1955 гг. – настоятелем Успенского собора г. Смоленска. Последние должности протоиерей Виктор занимал, несмотря на непростые взаимоотношения с епископом Сергием (Смирновым).

Свой священнический путь Никитский начал в с. Шуи Ершицкого района Смоленской области. Через год, в 1944 г., он был переведен в г. Рославль настоятелем возрождающейся Петропавловской церкви. В этот период в Рославле служил один из достойнейших священнослужителей Смоленской епархии, благочинный Рославльского округа, протоиерей Всеволод Корицкий. Последний в своем рапорте на имя архиерея следующим образом отзывался о молодом священнике В. Никитском: «Из кадров священников, получивших образование в советской школе, весьма мало лиц, проникнутых духом церковности и старо-русского уклада церковной жизни. Такие церковно священнослужители, можно сказать, составляют в настоящее

время редкое явление. К числу таких священников можно отнести священника Петропавловской церкви г. Рославля о. Виктора Никитского»¹.

В 1946 г. иерей В. Никитский перемещается на должность второго священника Вознесенской церкви в г. Гжатск². Данное решение было принято на основе прошения самого Никитского³. Прихожане Петропавловского храма по этому случаю написали письмо правящему архиерею с просьбой оставить Никитского на прежнем месте. Однако епископом Сергием на «заявление» была наложена резолюция следующего содержания: «Оставить просьбу без удовлетворения»⁴. Новое место служения о. Виктора нельзя назвать удачным, так как у него не сложились взаимоотношения с настоятелем данного храма, иереем Михаилом Назаревским. Иерей Михаил 27 мая 1947 года написал епископу Сергию рапорт, в котором излагал причины, по которым не может продолжать свое дальнейшее служение с Никитским. Последнего он обвинял в «агитации» прихожан против себя и нерадивом неисполнении треб⁵.

16 июня 1947 г. смоленским архиереем был подписан указ, согласно которому иерей В. Никитский назначался на священническую вакансию в с. Мигновичи. Ершичского р-на⁶. Но в связи с болезненным состоянием жены

¹ АСЕУ. Личное дело протоиерея Виктора Никитского. Рапорт благочинного Рославльского благочиннического округа протоиерея Всеволода Корицкого епископу Смоленскому и Дорогобужскому Сергию о награждении священника В. Никитского от 04.01.1945 г.

² АСЕУ. Личное дело протоиерея Виктора Никитского. Указ № 127 священнику Петропавловской ц. г. Рославля о. Виктору Никитскому о переводе в г. Гжатск от 25.03.1946 г.

³ АСЕУ. Личное дело протоиерея Виктора Никитского. Прощение священника Петропавловской церкви г. Рославля о переводе на вторую вакансию священника в Вознесенскую ц. г. Гжатска от 25.03.1946 г.

⁴ АСЕУ. Личное дело протоиерея Виктора Никитского. Заявление прихожан Петропавловской церкви г. Рославля Сергию, епископу Смоленскому и Дорогобужскому, от 25.04.1946 г.

⁵ АСЕУ. Личное дело протоиерея Виктора Никитского. Рапорт настоятеля Вознесенской ц. г. Гжатска иерея Михаила Назаревского преосвященнейшему Сергию, епископу Смоленскому и Дорогобужскому.

⁶ АСЕУ. Личное дело протоиерея Виктора Никитского. Указ № 334 священнику Вознесенской ц. г. Гжатска о. Виктору Никитскому о переводе в с. Мигновичи от 16.06.1947 г.

(туберкулез и «сердце») и удаленностью от крупного поселения с больницей, Никитский подал прошение о почислении за штат с правом перехода в иную епархию¹. На это прошение со стороны епископа последовал положительный ответ в следующей форме: «Согласен на увольнение из Смоленской епархии без права возвращения»². Однако на своем же указе о почислении Никитского за штат епископ Сергей сделал следующую заметку: «Это решение признаю мягким и отменяю его»³, после чего священник был запрещен в священнослужении до тех пор, пока не выполнит указ о назначении в с. Мигновичи⁴. Отец Виктор вынужден был подчиниться и отправиться на свое место назначения.

Таким образом, в течение нескольких лет вплоть до 1950 г. священник В. Никитский последовательно занимал должность настоятеля храма в с. Мигновичи, с. Хиславичи и Преображенского храма г. Рославля.

Годы настоятельства в кафедральном соборе и исполнения должности секретаря епархиального управления, как видим лишь из одной истории с Синайским, не были вполне спокойными. Перед назначением настоятелем Успенского собора предшественник В. Никитского, протоиерей Николай Валюженич, и второй священник собора, родной брат епископа Сергия (Смирнова), протоиерей Владимир (Смирнов), были осуждены за дачу взяток сотруднику районного финансового отдела⁵. В 1953–1954 гг. в кафедральном соборе служил иеромонах Дорофей (Смирнов), который получил отрицательную характеристику от самого патриарха Алексия I⁶.

¹ АСЕУ. Личное дело протоиерея Виктора Никитского. Рапорт священника Виктора Никитского о почислении за штат от 24.06.1947 г.

² Там же.

³ АСЕУ. Личное дело протоиерея Виктора Никитского. Указ № 350 священнику Виктору Никитскому о почислении за штат от 27.06.1947 г.

⁴ АСЕУ. Личное дело протоиерея Виктора Никитского. Указ № 358 о запрещении в священнослужении священника В. Никитского от 30.06.1947 г.

⁵ АСЕУ. Личное дело протоиерея Владимира Смирнова. Рапорт епископа Сергия (Смирнова) патриарху Алексию I (Симанскому).

⁶ АСЕУ. Личное дело иеромонаха Смирнова Дорофея Васильевича. Письмо патриарха Алексия I епископу Смоленскому Сергию от 04.05.1954 г.

Как бы то ни было, священник В. Никитский в 1955 году был назначен настоятелем храма святителя Николая в г. Сычевка, где он прослужил три десятилетия. За годы службы в этом храме он снискал к себе уважение прихожан и духовного начальства, о чем свидетельствуют его многочисленные награды и положительные отзывы. В одной из характеристик в личном деле Никитского епископ Смоленский и Вяземский Феодосий (Процюк) писал о нем следующее: «Протоиерей о. Виктор Никитский за долголетнее пастырское служение в теч. 16 лет в приходе г. Сычевки, строго уставным служением, осмотрительным администрированием снискал высокий авторитет и уважение среди верующих прихожан. Мудрый опытный старец. Ряд лет занимает должность окружного благочинного и Епархиального духовника. Его личность была бы подходящей кандидатурой на должность настоятеля Кафедрального собора, в какой должности он и был в 1950–1955 гг., но преклонный возраст и его немощи делают невозможным исполнение вышеуказанного. Его заслуги учтены епархиальным начальством и Московской Патриархией»¹. Настоящая характеристика красноречиво свидетельствует о личности и деятельности протоиерея Виктора Никитского как пастыря и администратора.

Состояние и положение соборного клира Смоленска послевоенного десятилетия представлено фигурами во многом полярными. При этом исторический кейс-метод на основе рассмотренных персональных материалов—позволяет оценивать кадровое состояние, особенности администрирования (без четких ориентиров, глубокого архиерейского анализа и документальной проверки служения кандидатур, замещавших должности даже соборных настоятелей и епархиального секретаря) в котором находилась епархия в 1940-е–первой половине 1950-х гг.

Преемник епископа Сергия на Смоленской кафедре епископ Михаил также пользовался привлечением духовенства из других епархий, для чего обратился за помощью к архиереям Минской, Псковской и других епархий.

¹ АСЕУ. Личное дело протоиерея Владимира Смирнова. Характеристика от 27.06.1973 г.

Однако это средство не дало значительных результатов. Так, за 1956 г. прибыло 14 священнослужителей, а убыло – 11¹; в 1957 г. – 6 и 3²; в 1958 г. – 3 и 8³; в 1959 г. – 6 и 10⁴. Таким образом, количество духовенства в Смоленской епархии, несмотря на усилия епископа, не только не увеличивалось, но и несколько уменьшилось. Однако, что касается качества кадров, то здесь картина показывает положительную динамику, что признавал и Г.Н. Галинский. За три года пребывания епископа Михаила на Смоленской кафедре было прибыло 29 клириков, из которых 16 человек перевелись из западных областей, 5 из регионов РСФСР, 8 человек рукоположено в священный сан. Что касается последних, то среди них были трое окончивших духовную академию и семинарию и 5 из диаконов и псаломщиков. Показательными являются изменения в возрастном и образовательном показателях. Так, на 01.01.1955 г. количество священнослужителей до 40 лет составляло 4 человека, а на июль 1958 г. – 13. Старше 55 лет было 44 человека, то есть подавляющее большинство от общего числа, а затем таковых осталось 35 человек. Из 8 священнослужителей, получивших семинарское образование, 7 было направлено епископом Михаилом. Всего с духовным образованием в Смоленской епархии на 1958 г. имелось 26 человек⁵, то есть почти половина всего духовенства.

Эти показатели свидетельствуют об эффективной кадровой политике епископа в условиях противодействия со стороны органов государственной власти. Основным же триггером успеха стала грамотная расстановка кадров, при которой наиболее опытные и благонадежные священнослужители назначались на значимые приходы епархии. Это обеспечивало повышение авторитета церкви и духовенства в городах и крупных сельских общинах.

¹ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 22. Л. 1–2.

² ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 24. Л. 2, 18.

³ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 28. Л. 6, 24–25.

⁴ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 30. Л. 3.

⁵ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 28. Л. 7.

Епископ Михаил, в отличие от своего предшественника, пользовался иными методами кадровой политики, не довольствуясь тем составом, что остался после епископа Сергия. Так, он, по свидетельству уполномоченного, «прогнал своего секретаря Синайского, прекратил споры среди соборного духовенства...»¹. Далее последовали и иные кадровые изменения. С места настоятеля Успенского собора г. Смоленска был переведен в Сычевку иерей В. Никитский². Ряд скомпрометировавших себя клириков были запрещены в священнослужении, либо отправлены за штат с правом перехода в другую епархию³. Все эти меры вызывали недовольство некоторой части духовенства и мирян, которые стали писать оскорбительные для правящего архиерея письма в адрес уполномоченного, органов государственной власти и Патриархии⁴. Как бы то ни было, неким итогом работы епископа Михаила на данном направлении служит достаточно положительная для него характеристика Г.Н. Галинского, которую он дал архиерею за несколько месяцев до перевода из Смоленской епархии: «Он своей активной деятельностью значительно внес оживление в деятельность духовенства по сравнению с той, которая была при епископе Сергии»⁵.

Что касается вмешательства власти в вопросы обеспечения кадрами, то об этом свидетельствуют как инструкции уполномоченным Совета, так и практическая деятельность последних по недопущению направления молодых людей в семинарии и препятствия для перехода духовенства из одной епархии в другую.

В информационно-инструктивном докладе, произнесенном в 1957 г. в Москве, Г.Г. Карпов обращал особое внимание на людей, желающих поступить в духовные семинарии. Несмотря уклончивые формулировки о недопустимости прямого администрирования и вмешательства в вопросы

¹ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 20. Л. 14.

² Там же. Л. 20.

³ Там же. Л. 19–20.

⁴ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 22. Л. 7.

⁵ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 26. Л. 8.

комплектования духовных школ, руководитель Совета оговаривается, что в отдельных случаях «уполномоченный может отвести или рекомендовать ту или иную кандидатуру»¹. Также указывалось на возможность использования мер «воспитательного порядка, общественного воздействия или другие для того, чтобы предотвратить поступление того или иного юноши в духовную школу»². Карпов по этой теме заключал, что обо всех случаях «обработки» молодежи необходимо было информировать местные и партийные советские органы, тем самым зафиксировав функцию уполномоченного прежде всего в качестве наблюдателя и информатора, но не активного участника борьбы с «обработкой».

Подобные инструкции иллюстрируют практики, применявшиеся до «нового наступления» на церковь. В дальнейшем ситуация серьезным образом изменилась в сторону большей вовлеченности уполномоченных и местных органов власти в решение проблемы «обработки молодых людей» и кадровой политики в целом. Уполномоченный активно пользовался своим влиянием на архиерея для того, чтобы не допустить приток духовенства в епархию, о чем он прямо и сообщает в отчете за 1960 г. Г.Н. Галинский Он указал на значительный наплыв желающих перевестись в Смоленскую епархию священников из Белоруссии. Было отмечено, что в основном это были «бывшие воспитанники епископа» времен его работы ректором Минской духовной семинарии. Однако уполномоченный «под всякими предложениями не рекомендовал принимать просителей, с чем епископ согласился»³. С учетом того, что епископ Иоанн характеризовался Г.Н. Галинским как человек, который «прислушивается» к его мнению, данная кадровая политика была обречена на неудачу. Этому также способствовали и иные обстоятельства, а именно ужесточение контроля за теми, кто убеждал молодых людей поступать в семинарию. Так, в том же

¹ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 26. Л. 98.

² Там же.

³ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 33. Л. 14.

1960 г. зафиксирован случай, когда священник был снят с регистрации за активность «по вербовке» молодежи в семинарию¹.

О трудностях, связанных не только с поступлением в духовную семинарию, но и продолжением обучения, свидетельствует письмо уполномоченного Совета по БССР в адрес Г.Н. Галинского, которого он убеждал «организовать работу с семинаристом гр-ном Михеенковым П.Т., проживающим в Смоленской области с тем, чтобы он отказался от дальнейшей учебы в семинарии»: «Мы принимаем все меры к тому, чтобы за время летних каникул убедить каждого семинариста в нецелесообразности продолжения учебы в семинарии и оказать им помощь в устройстве на работу или учебу»². Это письмо свидетельствует об изменении роли уполномоченных как информаторов в сторону их более активной работы и повышению ответственности за поступление молодых людей в духовные школы и их обучение.

Таким образом, с возведением епископа Иоанна на Смоленскую кафедру положение с комплектованием приходов не улучшилось, а наоборот, наблюдался все больший недостаток духовенства, хотя количество сельских храмов, не способных содержать священника, становилось все меньше. Также на подобное положение дел влияли жесткие меры финансово-хозяйственного контроля, которые лишали священнослужителей значительной доли доходов за совершение треб не только на дому, но и в храмах путем введения квитанционного учета. В этой связи наблюдалась следующая статистика. В 1960 г. в сан священника было посвящено 4 человека. Двое из них не имели духовного образования, и их возраст составлял более 60 лет. Также из Минской епархии прибыло 4 человека. Однако в тот же год выбыло 12 священников, из них трое лишены были регистрации уполномоченным, четверо были запрещены в священнослужении за моральное разложение, один умер, а четверо

¹ Там же. Л. 9.

² ГАСО. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 36. Л. 34.

отправлены за штат по старости¹. В 1962 г. прибыло четыре священника, а выбыло семь, пять из которых оставили священнослужение². В 1963 г. ни один священник не перешел в Смоленскую епархию, посвящений в сан также не было. Трое оставили священнослужение³.

Таким образом, с учетом объективных обстоятельств, к каковым можно отнести ужесточение государственной политики по отношению к церкви, трудное материальное положение духовенства, слабое здоровье епископа Иоанна, а также субъективных, в числе которых жесткая кадровая политика правящего архиерея и его лояльность по отношению к уполномоченному, чьи советы им учитывались, небольшое оживление при епископе Михаиле не способно было кардинальным образом переменить ситуацию с наличием духовенства. Данное служение к концу 1950-х гг. – началу 1960-гг. имело специфические черты: преследования со стороны государства, активная пропаганда против священнослужителей, неустойчивость в общественном поле и материальные трудности на протяжении всего рассматриваемого периода определяли состояние кадровой политики в Смоленской епархии.

Сложившиеся условия подталкивали руководство епархии к тому, чтобы принимать сомнительные элементы и предоставлять им ответственные должности. Эти условия были продиктованы сменой поколений, в результате которой в церковь пришли люди, стремившиеся обеспечить себе сытую жизнь, не утруждая себя моральными и религиозными рамками. Также и правящие архиереи были скованы в своих решениях, в связи с чем не всегда имели возможность принимать самостоятельные решения о приеме и назначении тех или иных клириков в епархии.⁴ Эта ситуация способствовала общей деградации морального состояния среди духовенства и препятствовала улучшению кадрового положения в епархии. Несмотря на то

¹ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 33. Л. 9.

² ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 37. Л. 11.

³ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 40. Л. 7.

⁴ См.: *Каиль М.В.* Послевоенное православие: епископат, духовенство и государственное регулирование церковной жизни в СССР (1943–1953 годы). С. 31.

что перед нами предстает замкнутый круг, выход из сложившейся ситуации все же был. Привлечение местных кадров могло способствовать изменению ситуации в лучшую сторону. Однако архиерею необходимо было считаться как с мнением духовенства, укорененного в местной приходской среде, так и с изменчивой позицией региональных уполномоченных Совета по делам РПЦ, выстраивая соответствующий формат взаимоотношений. В этом смысле порою гораздо легче было принять в епархию священника с темным прошлым и оказывать на него влияние.

3.3. Приходской уровень религиозной жизни Смоленской епархии

Данный параграф, завершая настоящее исследование, является не менее важным с точки зрения выявления того, каким образом все процессы, происходившие в рамках взаимоотношений государственной власти и церкви, влияли на жизнь верующих людей в рамках приходов. Этому аспекту придает большой вес тот факт, что именно общины, согласно Постановлению ЦК КПСС от 1929 г. «О религиозных объединениях», были наделены правовым статусом, а не церковная организация в лице епископата и духовенства. В этой связи влияние верующих на жизнь церкви в контексте взаимоотношений с государством требует особого рассмотрения в рамках данной работы.

В предыдущих разделах были рассмотрены высшее и среднее звено административно-организационной структуры Русской Православной Церкви на уровне епархии. За управление епархиальной жизнью ответственность нес правящий архиерей, в лице которого осуществлялась судебная, хозяйственная и административная власть. Полномочия для осуществления этой власти на уровне прихода передавались священникам. Однако в исследуемый период в силу различных обстоятельств община верующих, несмотря на то что находилась в нижней части пирамиды управления, также обладала значительными ресурсами для влияния на жизнь церковного сообщества.

Понятия приход и община в церковном контексте далеко не всегда тождественны. Приход – это прежде всего административная единица, управляемая священником, исполняющим свои обязанности по поручению архиерея. Главой прихода в любом случае выступает архиерей, который делегирует свои полномочия настоятелю. Что касается общины, то в этом случае мы сталкиваемся с живым организмом, состоящим как из духовенства, так и из членов прихода, будь то староста, казначей, члены двадцатки и т.д. В таком случае жизнь прихода не может мыслиться без

общины. Для последней, как и для любого сообщества людей, характерно наличие различий как у отдельных его представителей, так и у отдельных групп, у которых имеются порой свои неформальные лидеры. В этом смысле, с одной стороны, настоятель прихода является тем, кто объединяет между собой людей с различными взглядами, интересами и образом жизни, с другой стороны, настоятель служит выразителем неких общих установок, прежде всего указаний правящего архиерея, в рамках системы управления церковью. На этой почве возникали коллизии, которые в настоящем разделе и будут рассмотрены. Таким образом, под приходом будет подразумеваться преимущественно административная единица в рамках структуры Смоленской епархии и шире – Русской Православной Церкви. Общину же мы будем рассматривать как сообщество верующих, объединенное в рамках прихода.

Для понимания той роли, которую играл приход в жизни Смоленской епархии, в настоящем разделе будут рассмотрены взаимоотношения общины с высшей церковной властью, в первую очередь, в лице архиерея. Также мы проанализируем связь общины и государственных властей. Кроме того, предлагается изучить взаимоотношения внутри общин, те проблемы, которые в них возникали и механизмы их решения.

Одной из первых задач, которая стояла перед церковью после встречи И.В. Сталина с иерархами в 1943 г., стало создание нормативной базы управления церковью с учетом контроля над ее деятельностью со стороны Совета по делам РПЦ. Для ее решения в том же 1943 г. Синодом был разработан проект «Основные положения управления Русской Православной Патриаршей Церкви»¹. Целью документа было упорядочить взаимоотношения различных подразделений церкви с учетом изменившейся политической обстановки. Проект так и не был утвержден, однако послужил

¹ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 2а. Л. 10–13. См.: *Звонарев С., свящ.* Проект «Основных положений управления Русской Православной Патриаршей Церкви» 1943 года – малоизвестный документ истории высшего управления Русской Православной Церкви // Вестник церковной истории. 2008. № 2 (10). С. 271–278.

основой для принятого в 1945 г. «Положения об управлении Русской Православной Церкви»¹.

Один из разделов Положения был посвящен теме приходов и их месте в системе управления церкви. Настоятель признавался главой общины, однако из текста следует, что его область ответственности относилась к духовному руководству причта и членов общины. Что касается хозяйственной части, то за сохранность имущества, переданного государством общине в безвозмездное пользование и иные вопросы отвечал исполнительный орган (–церковный совет), в который помимо его руководителя, настоятеля, входили староста, его помощник и казначей.² Последние избирались приходским собранием либо вновь образованной группой верующих. Также в каждом приходе была организована ревизионная комиссия из 3-х человек, члены которой на регулярной основе контролировали движение церковных средств и следили за сохранностью имущества. В случае, если фиксировались какие-либо нарушения, комиссия составляла акт и направляла его в местные органы власти – горсовет или сельсовет. Комиссия была подотчетна прежде всего государственной власти. Отдельно оговаривалось, что в случае незаконных действий со стороны исполнительного органа или отдельных его членов, настоятель был обязан сообщить об этом архиерею, а тот в свою очередь после консультации с уполномоченным, принимал решение о замене «неисправных» членов новыми людьми.

Итак, описанная система предполагала некоторые ограничения полномочий настоятеля, на фоне которых нередко возникали конфликтные ситуации. Зачастую они выходили за рамки прихода, и в их решение, как показывает практика, нередко вовлекались архиерей и уполномоченный.

Действовавшая система имела серьезные недостатки, проявлявшиеся в частом злоупотреблении своими полномочиями отдельных членов

¹ Положение об управлении Русской Православной Церкви. М.: б.и., 1945. 8 с.

² Там же. С. 6–7.

исполнительных органов и ревизионных комиссий приходов. При этом имевшиеся механизмы решения проблем не были достаточно эффективными для их устранения. Подобное положение было обозначено письмами верующих в адрес уполномоченного с просьбой предпринять меры к недопущению вмешательства настоятелей в «хозяйственные дела общин, а главное, проверке касс»¹. Почвой для недовольства стало претворение в жизнь параграфа 40, согласно которому именно настоятель являлся председателем церковного совета. Иллюстрируют сложившуюся ситуацию следующие случаи конфликтов настоятелей и членов исполнительного органа. Так, в Гжатске староста Крылов с целью присвоения церковных средств в сумме около 100 тыс. руб. положил их на личный сберегательный счет в банке. Когда же настоятель потребовал, чтобы деньги были переведены на счет прихода, Крылов организовал лояльную к себе группу для ходатайств перед архиереем о замене настоятеля². В Хиславичах староста присвоил 120 тыс. руб., на которые купил себе дом, по свидетельству верующих прихода³.

Подобные случаи имели место и в других приходах, в том числе кафедральном соборе Смоленска, где староста похищал средства во время кружечных сборов, за что церковным советом совместно с ревизионной комиссией был отстранен от занимаемой должности⁴. Подобные случаи происходили в ряде иных приходов и на протяжении всего изучаемого периода. Более того, органы власти способствовали такому положению дел тем, что старосты могли избежать серьезной ответственности за хищения церковных средств. Так, в 1960 г. церковный совет Преображенского храма г. Рославля обратился с жалобой к уполномоченному на районного прокурора, который не желал принимать материалы для привлечения к ответственности бывшего старосты храма Степанова за растрату 10 тыс. руб. Г.Н. Галинский

¹ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 3. Л. 27.

² Там же. Л. 28.

³ Там же.

⁴ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 4. Л. 6.

обратился с этим к областному прокурору, на что получил от него разъяснение следующего характера: «Церковь является частной организацией, следовательно, церковный староста Степанов не является должностным лицом и не может привлекаться к уголовной ответственности. К нему можно предъявить только гражданский иск»¹.

Так или иначе в связи с введением в жизнь нового Положения ситуация требовала упорядочивания всех вопросов функционирования приходов, в том числе хозяйственных. И этот процесс естественным образом наталкивался на противодействие тех, кто был ключевым бенефициаром ранее сложившегося порядка вещей.

Реакция епископа Сергия на подобные конфликтные ситуации была достаточно осторожной, что давало повод Н.Л. Митину характеризовать такой подход как «двойственную политику». Например, в 1946 г. староста церкви с. Уварово Ельнинского р-на обратился к уполномоченному за содействием в снятии с должности настоятеля священника Евгения Тихомирова. Последнего он обвинял в непристойном поведении и пьянстве. Настоятель же «не остался в долгу» и также сообщал епископу о фактах хищений средств старостой Алексеевым и халатном отношении к содержанию храма². Епископ не предпринял никаких действий, которые могли бы урегулировать данный конфликт, что свидетельствовало о поддержке настоятеля храма. Это подтверждается документами, содержащимися в личном деле Тихомирова. Несмотря на многочисленные жалобы и просьбы назначить другого священника в с. Уварово, Тихомиров прослужил в нем до 1954 г., пока не перешел в Калужскую епархию. На протяжении восьми лет служения регулярно в канцелярию поступали жалобы на Тихомирова как человека, не отвечающего званию священнослужителя. Однако епископ отказывался верить жалобщикам и считал их обращения наговорами, о чем свидетельствует его письмо

¹ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 33. Л. 10.

² ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 4. Л. 46.

Тихомирову за месяц до перевода в другой приход. В нем архиерей сообщает священнику о том, что им получена от прихожан жалоба на «непотребную» жизнь с просьбой о перемещении. На это епископ заметил: «Верить этому сообщению не решаюсь – предоставляю это Вашей совести, но считаю необходимым предупредить Вас, что, если сообщения будут усиливаться, я вынужден буду назначить следствие, которое выяснит всю вашу жизнь»¹.

На самом деле подобные следствия проводились и ранее. Так, еще в 1946 г. епископ вызывал к себе Тихомирова и старосту Алексева по «неотложным церковным делам»², когда в канцелярию стали поступать жалобы, то есть с первых дней после прибытия нового настоятеля в храм. Также и в 1947 г. благочинный, проводя ревизию церкви с. Уварово, обнаружил факты халатного отношения к своим обязанностям настоятеля³. В итоге, после предупреждения благочинным иереем Владимиром Лелявским было произведено следствие, в ходе которого подтвердились обвинения ряда прихожан и членов двадцатки в отношении Тихомирова. Связано ли столь снисходительное отношение к поведению священника со стороны архиерея кадровым дефицитом с определенностью сказать невозможно, однако, отвечая на запрос из Калужской епархии, архиерей так отозвался о нем: «Священник Евгений Тихомиров, будучи в Смоленской епархии, проявлял себя с отрицательной стороны в смысле трезвости и других интимных вопросов... Конечно, Смоленская епархия, нуждаясь в кадрах, болезненно отзывается на каждый уход священника, но в данном случае приходится думать и о спасении скромного и безобидного пастыря, а посему я разрешаю священнику Тихомирову Евгению переход в другую епархию»⁴.

¹ АСЕУ. Личное дело священника Е. Тихомирова. Священнику церкви села Уварова Тихомирову Евгению от 26.05.1954 г.

² АСЕУ. Личное дело священника Е. Тихомирова. Священнику церкви села Уварова Тихомирову Евгению от 05.12.1946 г.

³ Там же. Настоятелю церкви села Уварова Тихомирову Евгению от 08.02.1947 г.

⁴ Там же. Его преосвященству, преосвященнейшему Онисифору, епископу Калужскому и Боровскому от 02.12.1954 г.

Отметим, что храм в селе Уварово был единственным в Ельнинском районе. Уполномоченный признавал в 1954 г. наличие там значительного числа верующих. Храм во время богослужений был наполнен людьми, также совершалось большое количество треб¹, поэтому считать данный приход малолюдным и соответственно подходящим для «ссылки» нерадивых священнослужителей оснований нет.

Таким образом, кадровый дефицит заставлял епископа Сергия не замечать проблем нравственного характера священнослужителей в случае их «скромного» и «безобидного» поведения, из-за чего порой жизнь общин была наполнена скандалами и нестроениями. Благодаря своему положению и активности прихожан данный приход, несмотря на подобные компрометирующие примеры, не прекратил своего существования и в период хрущевского наступления на церковь. Тем не менее было бы ошибочным назвать обстановку на приходе, где верующие в течение многих лет писали письма с просьбами о замене настоятеля, здоровой.

В деле священника Евгения Тихомирова также содержатся детали, раскрывающие некоторые стороны деятельности исполнительных органов прихода. Так, одной из проблем в послевоенный период стала организация двадцаток. Она заключалась в том, что не все члены этого органа готовы были формализовать свое участие в религиозной жизни. Это выражалось в отсутствии на собраниях и отказу от подписей под теми или иными документами, принятыми общиной. С этой проблемой Тихомиров столкнулся при регистрации здания храма на общину, когда в общих собраниях участвовало иногда около одной трети членов церковного совета². Это осложняло оформление каких-либо документов, так как именно двадцатка являлась юридическим представителем верующих. Об этом в своем рапорте благочинный Рославльского округа свящ. Н. Валуженич сообщал следующее: «По моим наблюдениям, среди

¹ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 18. Л. 26–27.

² АСЕУ. Личное дело священника Е. Тихомирова. Докладная записка от 13.11.1946 г.

учредителей замечается какая-то нерешительность, неуверенность и отстраненность, связанные с боязнью чего-то, а потому и большинство членов уклоняется от выполнения всяких формальностей, хотя и дали согласие вступить в число членов двадцатки»¹. Вполне возможно, что люди, опасаясь за свою судьбу, старались не свидетельствовать своими подписями о принадлежности к церкви.

Что касается конфликтных ситуаций на финансовой почве между настоятелями и старостами, то в приведенной докладной записке содержится ответ на один из их источников. Так, священник Тихомиров сообщал о том, что основным «подрядчиком» работ по благоустройству храма неизменно выступал староста Алексеев, который на собраниях по согласованию с рядом членов двадцатки назначал себе сумму оплаты работ. С определением последней настоятель был не согласен, как и с тем, что старосте была назначена ежемесячная плата в размере 200 руб. Тихомиров настаивал на сумме в два раза меньшей этой, ссылаясь на бедственное положение прихода и необходимость значительных ремонтных работ. Тем не менее, его предложение также оказалось проигнорированным и не было внесено в протокол, о чем он сообщил в своей докладной записке².

Очевидно, что настоятель не обладал единоличным правом решения тех или иных вопросов. Его мнение было одним из большинства, несмотря на то что он был руководителем церковного совета. Есть и другие свидетельства, подтверждающие что на некоторых приходах велись «черные кассы». Так, от группы людей в адрес Патриарха Алексия I была направлена жалоба на настоятеля Троицкого собора г. Вязьмы прот. Н. Валюженича. В ответе епископа Михаила на переправленную ему жалобу сообщалось о том, что жалобщики являлись при предшественнике Валюженича расхитителями приходской кассы. Например, за год до его назначения, в 1953 г., доля неучтенных средств составляла 53 % от суммы официально указанного

¹ АСЕУ. Рапорт благочинного Рославльского округа свящ. Н. Валюженича от 24.01.1947 г.

² Там же.

дохода. 80 % этих доходов было получено от продажи свечей, купленных у старообрядческой общины г. Москвы¹. Как сказано в отзыве, такая практика сложилась при бывшем настоятеле собора, и прот. Николаю пришлось предпринять значительные усилия для того, чтобы ее прекратить. Следствием этих действий стали конфликтные ситуации с теми, чьи интересы были задеты в ходе наведения порядка.

В данном случае прослеживается иная ситуация, нежели чем у Тихомирова, при которой предшественник Валюженича смог «договориться» с некоторыми членами церковного совета о сокрытии и использовании в личных целях доходов прихода. Подавая заниженную статистику доходов, настоятель тем самым влиял и на уменьшение сумм отчислений в епархиальную кассу.

В Смоленской епархии на протяжении 1940-х–1950-х гг. имелось более пятидесяти приходов. Лишь с началом следующего десятилетия их количество значительно уменьшилось. Вполне естественным было бы предположить, что архиерей в гораздо меньшей степени был озабочен жизнью отдельных общин, так как перед ним стояло решение задач и проблем совершенно иного масштаба. На самом же деле, учитывая то, что крупных приходов в Смоленской епархии насчитывалось не более 10, архиерей вынужден был вникать в проблемы каждого из них. К этому стоит добавить кадровые трудности епархии, внутриприходские нестроения, которые напрямую отражались на жизни общин. Именно последние обстоятельства были частой причиной обращения верующих к архиерею с просьбой вмешаться в разрешение конфликтов.

С 1953 г. уполномоченный Совета Г.Н. Галинский, в отличие от своего предшественника, в докладах значительное место уделял жизни приходов, их проблемам и условиям деятельности. Рославль стал одним из первых городов, который уполномоченный посетил в рамках изучения деятельности

¹ АСЕУ. Личное дело священника Н. Валюженича. Отзыв по жалобе на протоиерея Николая Валюженича и по делу псаломщицы А.П. Петровой от 11.11.1958 г.

общин на местах. В 1953 г. в городе насчитывалось три действующих храма, крупнейшим из которых являлся Преображенский. Посещение храма верующими было активным и многочисленным. В средствах приход не нуждался, в связи с чем имел возможность содержать достаточно большой штат сотрудников и проводить значительные ремонтные работы. Двадцатка Преображенской церкви также состояла из 38-ми человек. Конфликт, который описывает уполномоченный в своем отчете за 1953 г., был связан с нежеланием части общины иметь в качестве старосты на приходе некоего Н.Н. Шибанова.

Предыстория этого случая такова, что священник А. Чугунов без согласования с епископом снял старосту Шибанова со своего поста, надеясь на поддержку церковного совета и 20-ки, так как староста действительно «был нечист на руку». Однако епископ усмотрел в этом действии настоятеля нарушение своих прав и перевел Чугунова в Петропавловскую церковь Рославля, а Шибанова вернул на должность старосты. Также преосвященный Сергей поручил благочинному Корицкому провести собрание в Преображенском приходе и донести до прихожан его решение. Это собрание состоялось при стечении большого количества верующих, которые после оглашения решения епископа «подняли шум», стали выкрикивать оскорбительные фразы в адрес архиерея. Священник Корицкий в своем донесении предлагал епископу не уступать общине и до времени не назначать нового священника. В итоге община на некоторое время уступила, но затем снова обратилась к архиерею с прошением о переизбрании старосты¹. На него епископ ответил отрицательно. В результате часть прихожан не позволила двум присланным один за другим настоятелям осуществлять свое служение на приходе. Кроме того, особо активные верующие писали епископу Сергию неподобающие письма с оскорблениями и угрозами в случае невыполнения их требований закрыть храм и сдать

¹ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 14. Л. 15–16.

ключи в городской совет. Епископ вынужден был уступить и разрешить переизбрать старосту¹.

Подобное произошло и в 1959 г. при епископе Иннокентии (Сокале), когда в одной из рославльских газет был опубликован фельетон, обличающий настоятеля Преображенского храма в пьянстве. На основе этой заметки епископ решил перевести настоятеля на другой приход, чем вызвал большое недовольство членов общины. Верующие, как пишет уполномоченный, «толпами приезжали к епископу с требованием возвратить обратно» настоятеля. И архиерей вынужден был уступить².

Данные случаи заставляют задаться над следующими вопросами. Каким образом епископ мог контролировать членов церковного совета прихода, не осуществляя управления над ним? По какой причине настоятель храма и церковный совет не могли осуществлять своих полномочий при назначении и выборе старосты храма? Здесь, как видно, заложена основа для противоречий, которые и проявили себя в деле о Шибанове. И настоятель, и община желали сменить старосту, однако архиерей своей властью блокировал это вполне понятное решение, учитывая личность старосты и игнорируя желание исполнительных органов Преображенского прихода. Вместо решения проблемы им последовательно направлялось два настоятеля в храм, которые не были приняты общиной. В результате все перетекло в открытый конфликт между правящим епископом и одним из крупнейших приходов епархии. Эта ситуация свидетельствует о наличии формальных механизмов неограниченной власти архиерея над жизнью приходов. Однако были и неформальные инструменты, которые позволяли верующим добиваться своих интересов.

Второй общиной Рославля, которую рассматривал Г.Н. Галинский, стал приход Петра и Павла. Характерным являлось то, что церковная двадцатка

¹ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 16. Л. 8.

² ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 33. Л. 15.

активно решала ключевые вопросы деятельности прихода: ремонт, выборы исполнительных органов и т.д.

Последней на очереди у уполномоченного была Вознесенская церковь. Ее настоятелем был престарелый 90-летний протоиерей Всеволод Корицкий. По причине старости и немощи он не имел возможности регулярно проводить богослужения, о чем неоднократно писал архиерею, однако за штат его не отправляли. В связи с этим ряд прихожан во главе со старостой были недовольны тем, что священник даже в воскресные дни не всегда служит в храме¹.

Таким образом, в рассмотренных случаях, особенно в отношении Преображенского храма, выступают прежде всего те черты, которые обнаруживаются в жизни общин кон. 1940-х–нач. 1950-х гг. Роль настоятеля как руководителя прихода не была столь очевидной для членов общины, которые, как правило, участвовали в восстановлении своих храмов в период немецкой оккупации. Более того, власть и авторитет епископа также могли подвергаться сомнению в том случае, если он не желал считаться с мнением верующих.

К сожалению, значительную трудность представляет исследование того, насколько частыми были обращения членов различных приходов к смоленскому епископу, тематика писем и их обоснованность. Архив канцелярии Смоленской епархии за исследуемый период не сохранился. Однако следующий эпизод в некоторой степени позволяет оценить эти показатели.

В описании деятельности Покровского храма г. Демидова Г.Н. Галинский сообщает о назначении нового настоятеля, священника А. Исаева. Последний по прибытии в приход, согласно договоренности с епископом, заменил весь состав церковного совета и ревизионной комиссии. Однако, нашлись те, кого эти перемены не устроили, и они начали активно писать архиерею доносы на настоятеля, обвиняя его в финансовых

¹ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 16. Л. 9–11.

злоупотреблениях и прочих недостатках. Староста прихода, побывав на приеме у архиерея, направился к уполномоченному. Ему он сообщил о реплике епископа Сергия (Смирнова) на обвинения старосты по отношению к Исаеву: «Что там у вас все пишут, тогда мне придется церковь закрыть»¹. Это утверждение свидетельствует о характере и количестве писем, которые часть прихожан направляло на имя архиерея. Стоит отметить, что практика посещения уполномоченного и обращения к нему как арбитру при решении тех или иных вопросов была достаточно распространенной. В последних видели возможность повлиять на настоятелей при решении конфликтных ситуаций. Так, например, бывший староста Спасской церкви г. Смоленска обратился к Н.Л. Митину с просьбой вернуть ему должность старосты, предлагая за это взятку². Подобные явления демонстрировали непонимание некоторой части членов приходского совета роли уполномоченного, который не имел формального права решать, кто будет назначен на ту или иную должность в исполнительном органе.

Еще одной частой причиной конфликтных ситуаций между общинами и архиереем являлось перемещение священнослужителей с прихода на приход. Негативного отношения со стороны некоторой части верующих заслужил епископ Михаил (Чуб), который в начале своего служения на Смоленской кафедре совершил массовое перемещение священнослужителей с места на место, что вызвало подачу большого количества жалоб, писем и просьб на имя патриарха либо уполномоченного³. По утверждению епископа Михаила, недовольство прихожан зачастую было вызвано подстрекательством со стороны священнослужителей и их «пособников», «привыкшими пользоваться церковными доходами»⁴. Яркой иллюстрацией подобной характеристики служит случай, произошедший с общиной в с. Дубровно. Настоятель храма, располагавшегося в данном селении,

¹ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 16. Л. 28.

² ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 5. Л. 49 об.

³ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 22. Л. 7.

⁴ АСЕУ. Отчет епископа Смоленского и Дорогобужского Михаила (Чуб) за 1955 г. С. 5.

священник П. Мельник, был снят епископом Михаилом с должности и переведен на другой приход по причине развала церковной жизни и хаотичного ведения учета финансовой деятельности прихода. На имя епископа поступали прошения о возвращении священника П. Мельник в приход с. Дубровно, однако архиерей своего решения не изменил.

Далее в этой истории раскрываются детали конфликта, черты которого имели место быть и в других приходах. Мельник отказался подчиняться решению архиерея и остался проживать в с. Дубровно. Более того, он собрал вокруг себя единомышленников, которые вносили смуту в жизнь прихода и мешали новоназначенному настоятелю осуществлять свою деятельность. Кроме того, Мельник, имея запрет на совершение священнодействий и по просьбе епископа лишенный регистрации, совершал по деревням таинства, молебны и т.д.¹ Характерно то, что для определенной части общины подобное поведение запрещенного священнослужителя укладывалось в рамки их религиозного мировоззрения, ценностей и «чувства правды».

О сложностях в работе с прихожанами говорит и такой случай, произошедший в г. Демидове. В 1957 г. епископ Михаил снял с настоятельства иерея А. Исаева. Новоназначенный настоятель встретил настолько ожесточенное сопротивление сторонников своего предшественника, что не был допущен в храм. Проблема была отчасти решена лишь тогда, когда вмешался епископ².

При возникновении любых проблемных точек в общинах их члены, как правило, незамедлительно обращались для отстаивания своих интересов к архиерею. Однако, не получив ответа или не удовлетворившись решением епископа, жалобщики, как это ни странно, обращались к уполномоченному. И в некоторых случаях это было оправданно, о чем свидетельствует случай,

¹ АСЕУ. Рапорт епископа Смоленского и Дорогобужского Михаила патриарху Алексию от 17.04.1956 г. № 145.

² ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 24. Л. 5.

произошедший в Никольском храме в г. Сычевке¹. Службы в этом храме проводились ежедневно, так же, как и в кафедральном соборе. Количество молящихся было таково, что верующие не вмещались в здание храма, и сотни человек вынуждены были стоять на центральной площади города под окнами здания горсовета и училища². Во время служб имелись случаи оскорбления верующих и включения из неподалеку установленного репродуктора музыки. В этой связи члены общины на протяжении многих лет направляли жалобы и просьбы на имя уполномоченного о разрешении строительства нового здания храма на окраине города. Имеющееся помещение приход готов был передать горсовету.

В 1956 г. настоятель В. Никитский обратился к Г.Н. Галинскому за разрешением на расширение действующей церкви. Последний же адресовал эту просьбу председателю Облисполкома Гнедову, который дал согласие лишь на пристройку³. Однако в следующем 1957 г. расширение было заблокировано решением Сычевского горсовета. В этой связи уполномоченный вынужден был в очередной раз выезжать в Сычевку, где местные власти, несмотря на разрешение уполномоченного, выступали категорически против строительства. В итоге Г.Н. Галинскому потребовалось снова обратиться с этой темой к председателю Областного исполкома Гнедову, который подтвердил свое согласие на расширение храма.

Еще одной причиной обращения общин к уполномоченному было то, что их неоднократные просьбы к епископу ни к чему не приводили. Жалобы носили, как правило, коллективный характер. Показательно то, что основная

¹ О Никольском приходе стоит сказать отдельно, так как в 1953 г. Г.Н. Галинский отмечал, что община этого храма «по активности занимает второе место в епархии» (ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 16. Л. 35). Более того, судя по отчетам, эта активность не снижалась на протяжении всего исследуемого периода, так как ее настоятелем с 1955 г. был маститый протоиерей В. Никитский, занимавший до этого пост настоятеля кафедрального Успенского собора и секретаря епархии.

² ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 16. Л. 35.

³ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 22. Л. 9–10.

тема этих жалоб – морально-нравственное состояние духовенства¹. Последний факт свидетельствует в первую очередь о внутренних разногласиях в общинах. Верифицировать эти жалобы и ходатайства практических невозможно, так как сам уполномоченный их не рассматривал в своем отчете, относя их к разряду «внутрицерковных».

В 1961 г. произошли значительные изменения в структуре управления приходом, что не могло не отразиться на деятельности всей церкви. На Архиерейском соборе 1961 г. был принят новый Устав об управлении Русской Православной Церкви, согласно которому настоятель отстранялся от административно-хозяйственной жизни прихода. Более того, отныне де факто не требовалось согласования кандидатур старосты и иных должностей приходов с архиереем, их должны были утверждать и регистрировать уполномоченные и местные органы власти.

Этому решению предшествовало обсуждение широкого круга вопросов на совещаниях, в инструктивных письмах и докладах, в которых разоблачалась деятельность Совета в период управления им Г.Г. Карповым, как принесшая вред борьбе с религиозными предрассудками. Так, на одном из выступлений² в 1960 г. новый руководитель Совета В.А. Куроедов обращал внимание уполномоченных на значительные нарушения законодательства в практике управления РПЦ. К таковым он относил «узурпацию» власти настоятелями и «отстранение от управления церковью исполнительных церковных органов», а также вмешательство архиереев в жизнь приходов и назначение членов церковных исполнительных органов³. Если ранее о подобных «нарушениях» не сообщалось в инструктивных письмах и в отчетах уполномоченных, то отныне подобное положение дел объявлялось незаконным. Таким образом, по мысли Куроедова, приход действовал автономно от архиерея, функции которого ограничивались назначением священников, которые, в свою очередь, хотя и являлись

¹ Там же. Л. 8.

² ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 32. Л. 21–56.

³ Там же. Л. 36–37.

председателями церковного совета, но все действия должны были согласовываться с его членами. Это мнение обрело законодательные формы в 1961 г.

Так, Постановлением от 16 марта 1961 г. отменялось Постановление СНК СССР от 28 января 1945 г., которым было утверждено Положение об управлении Русской Православной Церкви. В.А. Куроедов в своем докладе на Всесоюзном совещании уполномоченных Совета 20 апреля 1961 г. подробно разъяснял изменения в законодательстве о культурах, а также необходимости усиления контроля уполномоченными за его исполнением. В своем выступлении Куроедов подчеркивал, что ревизия законодательства была вызвана наличием противоречий Положения от 1945 г. советскому законодательству¹. В частности, это касалось управления церковью, роли архиереев и священнослужителей в жизни общин. Ссылаясь на декрет «Об отделении церкви от государства» председатель Совета указывал на то, что «право решения всех вопросов, касающихся внутренней жизни религиозной общины... принадлежит верующим, а не духовенству»². Положение от 1945 г. нарушало этот принцип, давая право настоятелям «единолично управлять делами религиозного общества»³. Далее, обращая внимание на то, что благодаря Постановлению от 16 марта 1961 г., данное Положение утратило силу, Куроедов подчеркнул: «Задача состоит в том, чтобы управление церкви, особенно в ее низовом звене – религиозной общине, где служители культа долгое время попирали все права исполнительных органов, построить строго на основе существующего законодательства»⁴. Таким образом, ключевым в Постановлении и новом Уставе об управлении РПЦ, принятом под давлением Совета, стало лишение права настоятеля вмешиваться в хозяйственно-финансовые вопросы жизни прихода, но оставило за ним

¹ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 35. Л. 32.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 33.

совершение богослужбных функций¹. Достигнуто это было следующими мерами:

- Священники исключались из исполнительных органов приходов;
- Был создан механизм, при котором община «нанимает, по рекомендации правящего архиерея, священнослужителей церкви»²;
- Общины «освобождались» от обязательных взносов в епархиальную кассу, которые становились добровольными;
- Епархиальное управление не имело права вмешиваться в хозяйственно-финансовые дела общины.

Тем самым новые правила приводили к децентрализации приходского управления и их обособлению от власти епархиального архиерея, который мог лишь рекомендовать священников для приходов. Для проведения в жизнь этих изменений от уполномоченных требовалось подбирать в церковные органы людей, через которых можно было бы «проводить нашу (прим. автора – Совета) линию». Это требовало глубокого изучения церковных общин, их состава, из которого требовалось выявить людей, не относящихся к «религиозным фанатикам»³. Более того, уполномоченным и местным органам власти предоставлялось право неограниченного отвода кандидатов в исполнительные органы. Это давало возможность в полной мере контролировать общины путем отвода неподходящих кандидатур с точки зрения чиновников.

В 1961 г. в Смоленской епархии были избраны новые члены церковных советов и ревизионных комиссий. Процесс длился на протяжении трех месяцев, и в нем участвовали местные городские и сельские советы. Так, шесть кандидатур старост были отклонены уполномоченным по следующим причинам: двое «скомпрометировали себя ранее», столько же –

¹ См. Там же. Л. 51.

² Там же.

³ См.: Там же. Л. 52

по причине неграмотности. Священник и диакон также не были зарегистрированы в качестве старост¹.

Что касается епископа Иннокентия, то примечательна его реакция на произошедшие изменения. По мнению Г.Н. Галинского, тот считал, что все останется как прежде, за исключением отрешения духовенства от должности председателей церковных советов. Но уполномоченный, сообщив ему о полной независимости приходских органов управления от духовенства, рекомендовал епископу ознакомить клириков с новым положением, принятым Синодом².

После принятия нового устава можно было бы ожидать обострения взаимоотношений внутри общин. Этому способствовала работа уполномоченного, который в период инструктирования новоизбранных церковных органов убеждал в необходимости снизить цены на требы и предметы церковного обихода. Несомненно, эта мера должна была нанести урон материальному положению храмов. Однако сам Г.Н. Галинский замечал, что реформа на начальном этапе не показала свою эффективность, так как среди верующих активизировалась «забота о материальной базе церкви и ее авторитета», что настораживало уполномоченного и заставляло его в постоянном режиме контролировать деятельность исполнительных органов³. Что касается климата внутри общин, то несмотря на предпринятые меры к их развалу, обстановка в них была достаточно спокойной. Резкого роста жалоб или конфликтных ситуаций между членами общины, священниками и верующими в Смоленской епархии не наблюдалось.

Приходская жизнь в Смоленской епархии в 1943–1964 гг. была достаточно контрастной. Большие приходы в городах и некоторых селах являлись значительными центрами не только религиозной, но и общественной жизни. Однако энергия верующих людей, будучи стесненной рамками религиозной государственной политики, порой не находила своего

¹ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 22. Л. 8.

² См.: ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 35. Л. 7.

³ ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 36. Л. 9.

выхода в созидании и служении. Поэтому нередко были случаи, когда общины были раздираемы внутренними противоречиями на фоне смены настоятелей, членов церковного совета и др. В таком случае члены приходов обращались, как правило, к правящему епископу как высшей инстанции для решения проблем. Еще одним арбитром для верующих были уполномоченные, которые, благодаря активности некоторых прихожан, получали разного рода информацию, в дальнейшем используемую ими для достижения собственных задач. В разрешении конфликтных ситуаций в приходах уполномоченные, как правило, не вмешивались, мотивируя это тем, что проблемы носят «внутрицерковный» характер. Однако, несмотря на постоянные отказы уполномоченного разбирать подобные дела, количество жалоб и заявлений с годами не уменьшалось.

Введение нового устава в 1961 г. положило начало новому существованию приходских общин. Эта реформа, принятая под давлением органов государственной власти, была нацелена на разрушение первичной ячейки церковной структуры – прихода. Обострение противоречий между архиереями, настоятелями, членами церковных советов и отдельными верующими должно было подорвать силы церкви к самоорганизации и сохранению себя в качестве единого организма. Серьезное влияние результат это нововведение не оказало на жизнь приходов, так как в среде верующих в большинстве было сохранено традиционное отношение к священнослужителю как руководителю общины. Этот фактор стал определяющим в сохранении традиционного управления общиной священниками, а не старостой либо группой прихожан. В этой связи дальнейшие изменения в жизни приходов требуют особого изучения в контексте последствий принятия Устава об управлении РПЦ от 1961 г. в долгосрочной перспективе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Русская Православная Церковь является одним из старейших духовных институтов гражданского общества в России. Ее роль и значение в современном политическом, культурном и тем более религиозном пространстве нашей страны неоспоримы.

В настоящей работе была предпринята попытка проанализировать историю Смоленской епархии Русской Православной Церкви в двух проекциях: церковно-государственных взаимоотношений и внутрицерковных процессов. И если о первом аспекте – государственной политике в период 1943–1964 гг. – написано немало работ, то изучение внутренней жизни религиозных организаций, проблем и задач, которые перед ними возникали, позволяет совершенно по-иному осветить, казалось бы, давно решенные вопросы.

Для последовательного рассмотрения государственной конфессиональной политики в обозначенные хронологические рамки автором настоящей работы было решено обратиться к нормативно-правовой базе, регулирующей жизнь религиозных сообществ. Исследование правового поля и правоприменительной практики является логичным основанием исследования, позволяющим описать правовые контуры государственно-церковных отношений. Благодаря рассмотрению законодательной базы советского государства о религии удалось проследить направления церковной жизни, которые более всего волновали государственный аппарат. Кроме того, стало возможным по хронологии принятия различных нормативных актов и постановлений Коммунистической партии выявить сменяющие друг друга этапы в вероисповедной политике государства и соответствующие им адаптационные практики церковных структур и сообщества верующих.

В итоге автор пришел к следующим выводам. Противостояние Русской Православной Церкви и советской власти имело глубокие

идеологические причины. Согласно марксистской идеологии, прежде чем религия утратит свое место в жизни общества, необходимо ни много ни мало переустройство мира согласно разумным началам. Под этим подразумевалась глобальная революция, восстание угнетенных пролетариев, которые должны были установить свою диктатуру. Эти этапы благодаря Октябрьской революции были пройдены, и далее должен был наступить следующий – упразднение религии. Данный концепт проводился в жизнь различными методами. Послевоенный период характеризуется попыткой построения прагматичных взаимоотношений между государством и церковью, давление на которую тем не менее продолжало оказываться. В конце 1950-х – начале 1960-х гг. политика сдерживания и ограничения деятельности церкви приобрела новый размах. Однако новое руководство не могло действовать старыми репрессивными методами при устранении нарушений законодательства о религиозных объединениях. После короткого периода либерализации вероисповедной политики и расширения возможностей легальной деятельности церкви в середине 1940-х гг., в 1950-е–1960-е гг. акцент сместился в сторону идеологических и правовых рычагов воздействия, которые применялись под лозунгом об искоренении нарушений «советской законности».

Исследование государственной конфессиональной политики невозможно без рассмотрения деятельности уполномоченных Совета по делам Русской Православной Церкви. Существуют различные оценки роли уполномоченных в реализации религиозной политики СССР. В этой связи перед автором настоящей работы стояла задача ответить на вопрос о том, какие рычаги имел Совет и его уполномоченные для влияния на отношения государства и церкви, каковы были причины и мотивы принятия тех или иных решений; описать распорядительные функции и повседневную деятельность уполномоченных, их динамику во времени и степень отражения в ней изменений политической линии в отношении конфессиональных организаций.

Совет по делам Русской православной церкви стал связующим административным звеном между государством и церковью, легитимизирующим и регламентирующим ее существование в советском государстве и обществе. В задачи этого органа входило недопущение неконтролируемого развития (значительный рост верующих, материальной состоятельности) церкви, контроль за ее деятельностью и работой государственных органов, которые, взаимодействуя с верующими, обязаны были соблюдать их права. Таким образом, Совет был призван осуществлять координирующую функцию, связывая органы государственной власти и зарегистрированные религиозные общества. Последняя задача Совета и его уполномоченных так и не была реализована, так как под влиянием внутривластных процессов, деятельность уполномоченных стала трансформироваться и приобретать не координирующий, но контролирующий и нормирующий в русле ограничения характер в отношении конфессиональной организации и ее служителей. Эти изменения сопровождались ростом зависимости уполномоченных как от местных партийных органов, которые обеспечивали возможности осуществления полномочий и должны были делегировать ресурсы, так и от центрального аппарата Совета, который оценивал эффективность их работы.

Эта деятельность была включена во внутривластную повестку различных групп и отдельных лиц, боровшихся за власть после смерти И.В. Сталина. В этой связи в 1953 г. деятельность Совета по делам Русской православной церкви на некоторое время выпала из поля зрения государственных органов. Об этом свидетельствует тот факт, что на многочисленные письма со стороны председателя Совета с предложениями о создании нового Положения о его деятельности никакого ответа от вышестоящих структур вплоть до 1954 г. так и не последовало. Поэтому Совет и его уполномоченные осуществляли свою деятельность в умеренном русле военных и послевоенных лет. Однако Постановление ЦК КПСС от 7 июля 1954 г. стало предвестником трансформации конфессиональной

политики. Как стало понятно позднее, принятый документ заложил основы государственной политики по отношению к церкви в конце 1950-х – начале 1960-х гг. В постановлении подчеркивалась ключевая роль партии в идеологии советского государства, что означало отмену курса на мирное «сосуществование» с религией в строящемся коммунистическом обществе. Несмотря на значительные ресурсы, брошенные для окончательного решения вопроса наличия религиозности в советском обществе, решительных результатов к концу рассматриваемого периода, то есть руководства государством Н.С. Хрущевым, так и не удалось достичь. Важным в этой кампании было то внимание, которое уделялось мировоззрению людей, феномену религиозности и способов передачи религиозных традиций. Изучение этих вопросов подтолкнуло представителей идеологического блока КПСС инициировать создание отдельных дисциплин и научных направлений, которые в дальнейшем оформились в религиоведческий блок предметов, призванных раскрыть истоки религиозности и обосновать их роль в человеческом обществе.

Более определенных успехов на поле борьбы с «религиозными предрассудками» удалось достичь путем давления на хозяйственную жизнь Русской Православной Церкви. Именно это стало одним из основных инструментов скорректированного в 1954 г. курса вероисповедной политики властей. Как итог, многие приходы не могли нести финансовое бремя по обеспечению деятельности священнослужителя и поддержанию основных фондов в должном состоянии, поэтому священники в такие приходы не направлялись и религиозные общества снимались с регистрации. Определенную роль в проведении всех мероприятий играл уполномоченный. Однако относительно Смоленской области можно отметить особый стиль работы местного уполномоченного Совета, должность которого продолжительное время занимал Г.Н. Галинский. Он стремился выполнять указания своего руководства, избегая инициатив и превышения своих полномочий. В то же время политика партии, порой стремительно менявшей

свой курс, не позволяла как аппарату Совета, так и уполномоченным на местах выстраивать долгосрочные основы для осуществления взаимодействия с религиозными объединениями. Об этом свидетельствуют многочисленные инструкции, характер которых также часто претерпевал значительные изменения. В этой связи попытки добиться эффективности в проведении мероприятий по контролю за соблюдением законодательства о культурах в Смоленском регионе во многом не достигали поставленных целей.

Смоленская епархия, несмотря на некоторые инфраструктурные потери, смогла сохранить свое положение в обществе, консолидировать верующих для своей защиты и осуществлять деятельность в обстоятельствах новых ограничений. Не в последнюю очередь такому результату способствовала «атеистическая работа», которая велась, как показывают отчеты уполномоченных, не системно и не столь эффективно, как ожидалось. Количество верующих, регулярно участвующих в богослужениях, неуклонно снижалось, что можно объяснить опасением людей за свое положение в обществе. Причастность к религиозным обществам могло создать для человека трудности как в социуме, так и в трудовой деятельности. Тем не менее количество совершаемых обрядов оставалось на прежнем уровне, не меняясь под воздействием предпринимаемых мер. Этот результат свидетельствовал об успешном вытеснении вопросов веры из сферы публичной в частную, не подразумевающую действий, являющихся примером для окружающих. Однако подобный успех привел к иным негативным последствиям, при которых отсутствие храмов спровоцировало увеличение числа мирян, бравших на себя функции духовного наставничества. Таким образом, процессы религиозной жизни граждан уходили вглубь и становилась менее контролируемыми.

Все это свидетельствовало о прочных позициях религиозности в сознании людей, которая за прошедшие десятилетия господства атеизма так и не умерла. Избегая открытого исповедания и регулярного посещения

храма, верующие стремились участвовать в ключевых таинствах и совершать обряды.

Такая устойчивость церковной обрядности во многом зависела от личности тех, кто являлся ее активными представителями, ядром, вокруг которого строилась структура. К таковым относятся архиереи, священники и рядовые верующие.

Роль архиерея в изучаемый период была особенно значимой, так как на нем в полной мере лежала ответственность за развитие всех сторон жизни епархии: миссионерской, хозяйственной, кадровой. Последнее было одной из самых проблемных точек епархиального управления. Недостаток священников, тем более образованных, разрушительным образом сказывался на всех сторонах жизни. Архиереем и уполномоченным нередко упоминались низкий культурный, образовательный и порой морально-нравственный облик священнослужителей Смоленской епархии. Для исправления подобной ситуации архиереи предпринимали различные средства. Например, происходило активное привлечение клириков из Белоруссии и Украины. Эти союзные республики были основным источником пополнения и обновления кадров. Также предпринимались попытки организовать подготовку священнослужителей из наличествующих людей, исполнявших какие-либо обязанности в приходах Смоленской епархии. Они так и не увенчались успехом. Частой практикой для оздоровления епархиальной жизни было использование запретов в священнослужении, отправка за штат с правом перехода в другую епархию, лишение сана.

Таким образом, Смоленская епархия наряду с внешним давлением со стороны государственных органов испытывала ряд трудностей с кадрами, материально-технической базой, финансами. Деятельность епископа Михаила (Чуба) в качестве управляющего Смоленской епархией с 1955 по 1959 гг. показала принципиальную возможность решения этих проблем. Более того, как свидетельствуют документы уполномоченного и

епархиального архива, немаловажным фактором нестроений в церковной жизни являлся порой недостаточно жесткий кадровый контроль за иерархическим звеном Русской Православной Церкви. В таком случае, практика выбора обремененных пороками и немощами кандидатов в архиереи неизбежно отражалась на всех сторонах жизни епархий. С аналогичным контролем и ограничениями связаны кадровые проблемы в рядах священнослужителей не только Смоленской, но и иных епархий.

Смоленская область была одной из наиболее пострадавших в годы Великой Отечественной войны. Население было вынуждено ютиться в землянках, восстанавливая народное хозяйство на выжженной войной земле. В этих условиях духовенство вместе с паствой разделяло все тяготы послевоенного времени. Однако трудно согласиться с тем, что лишь по экономическим причинам священники отказывались проходить свое служение в Смоленской епархии. Как видно из отчетов уполномоченных и архиереев, в Смоленском регионе было немалое число храмов, открытых в период оккупации. В дальнейшем они по разным причинам лишились своих прихожан и не могли более содержать священника. Однако кадровая проблема заключалась не только и не столько в количестве, а в качестве духовенства, о чем неоднократно архиереи сообщали уполномоченному Совету и в Московскую Патриархию. Этот вопрос епископом Сергием (Смирновым, 1944–1955 гг.) решался спорными методами. Он принимал в епархию сомнительных клириков и назначал на ответственные должности. В дальнейшем лишь епископу Михаилу (Чубу, 1955–1959 гг.) за четыре года удалось переломить ситуацию и значительно обновить штат духовенства епархии. Его преемник епископ Иннокентий (Сокаль, 1959–1964 гг.) при работе с кадрами в первые годы ограничивался строгими наказаниями и призывами к дисциплине, после чего по причине возраста и тяжелой болезни практически отошел от дел.

Дефицит кадров образовался в результате многочисленных факторов, в числе которых смена поколений духовенства, администрирование со

стороны органов исполнительной власти и влияние уполномоченного в связке с представителями органов госбезопасности, что связывало архиереям руки при принятии кадровых решений. Немалую роль в решении этого вопроса играло само духовенство, порой опиравшееся на поддержку активных прихожан, и влиявшее на решения архиерея, самостоятельность которого в управлении епархией снижалось под влиянием зависимости от уполномоченных и исполкома.

Приходы и общины Смоленской епархии в 1943–1964 гг. представляют собой довольно противоречивую картину. С одной стороны, работали сильные городские и сельские приходы, объединявшие тысячи людей. Однако наряду с ними существовали затухающие общины, оживить которые не было никакой возможности. Естественным образом большее внимание на себя обращают первые. Значение общин было достаточно велико по формальным и неформальным причинам. Формально при каждом приходе имелся церковный совет и ревизионная комиссия, которые обладали полномочиями при контроле за денежными средствами и хозяйственной жизнью. Поэтому настоятель прихода вынужден был считаться с членами этих органов управления и не мог менять их состав без согласования с архиереем.

Это положение закладывало противоречия в жизнь общин, так как архиерей не всегда имел возможность объективно оценить обстановку и принять взвешенное решение (тем более, что нередко были прямые директивы архиерею по смене состава совета). В итоге, нередко были случаи противостояния общин и архиереев. Помимо этого, неформальная власть общины заключалась в том, что от нее зависело служение присылаемого епископом настоятеля. Стоит отметить, что в послевоенный период среди прихожан многих храмов сохранились еще те, кто восстанавливал их с первого дня открытия в период оккупации. Позиция таких людей по тем или иным вопросам имела большой вес, с чем вынуждены были считаться как священники, так и архиерей. В том же случае, когда решение епископа не

устраивало кого-либо из активных прихожан, они обращались к уполномоченному, вообще апеллировали к светским властям, и такие случаи были нередкими. Уполномоченный как правило занимал нейтральную позицию в возникавших конфликтных ситуациях внутри приходов. После принятия нового Устава РПЦ в 1961 г., духовенство формально отошло от управления хозяйственной жизнью приходов. Однако в Смоленской епархии, за исключением отдельных случаев, не было зафиксировано серьезного обострения конфликтов внутри приходов и между приходами и архиереем.

В настоящей работе удалось проследить трансформацию вероисповедной политики государственной власти в отношении Русской Православной Церкви на примере и материалах Смоленской епархии в 1943–1964 гг. Выявить те направления, которые каждая из сторон избирала в качестве приоритетов в рамках складывавшегося взаимодействия. При этом стало возможным обратить внимание на то, что не все деструктивные процессы, наблюдавшиеся в религиозной жизни епархиального уровня, можно было объяснить реализацией мер государственной религиозной политики. Немало проблем, с которыми сталкивалась Русская Православная Церковь в послевоенное двадцатилетие, носили системный характер, и выходили за рамки отдельных приходов и даже епархий. В этом смысле для будущих исследователей, как видится, может представлять большой интерес сравнительный анализ внутрицерковных процессов, протекавших в различных епархиях. Выводы, которые могут за этим последовать, дадут более объективную картину, при которой можно будет рассматривать церковь не только как объект влияния государства, но и как субъект, имманентно развивающийся в текущих исторических обстоятельствах, имеющий свои цели, методы их достижения и разрешающий неизбежные проблемы, встречающиеся на пути.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Источники.

Архивные материалы

Архив Смоленского епархиального управления – АСЕУ

1. АСЕУ. Переписка с Московской Патриархией. Выписка из журнала № 1 заседания Священного Синода от 8 февраля 1954 г.
2. АСЕУ. Рапорт епископа Смоленского и Дорогобужского Сергия патриарху Алексию I (Симанскому) от 16 мая 1950 г.
3. АСЕУ. Личное дело священника Д. Степанова. Вызов в епархиальное управление.
4. АСЕУ. Прошение священника Д. Степанова об увольнении за штат.
5. АСЕУ. Указ об увольнении за штат настоятеля церкви с. Кузьмичи священника Степанова Дмитрия.
6. АСЕУ. Письмо от священника Д.Т. Степанова епископу Иннокентию от 09.12.1959 г.
7. АСЕУ. Священнику Степанову о. Дмитрию ответ от 10.12.1959 г.
8. АСЕУ. Личное дело протоиерея Владимира Смирнова. Почтительнейший рапорт епископа Смоленского и Дорогобужского Сергия патриарху Алексию I (Симанскому).
9. АСЕУ. Личное дело игумена Иосифа (Стулевич). Указ № 362 от 23.12.1954 г. о перемещении на вакантное священническое место к Смоленскому Кафедральному Успенскому собору.
10. АСЕУ. Личное дело игумена Иосифа (Стулевича). Указ № 32 от 11.02.1955 г. об увольнении игумена Иосифа (Стулевич) из Смоленской епархии.
11. АСЕУ. Личное дело игумена Иосифа (Стулевича). Письмо от верующих г. Львова.

12. АСЕУ. Личное дело игумена Иосифа (Стулевича). Письмо епископу Смоленскому и Дорогобужскому Сергию от верующих г. Сычевка от 31.10.1953 г.
13. АСЕУ. Личное дело игумена Иосифа (Стулевича). Письмо уполномоченному Совету по делам Русской православной церкви Г.Н. Галинскому за № 46 от 21.02.1955 г.
14. АСЕУ. Резолюция № 555 Святейшего Патриарха Алексия I на отчете по Смоленской епархии за 1955 год от 20.03.1956 г.
15. АСЕУ. Отчет епископа Смоленского и Дорогобужского Михаила (Чуб) за 1955 г.
16. АСЕУ. Отчет епископа Смоленского и Дорогобужского Михаила (Чуб) за 1956 г.
17. АСЕУ. Личное дело протоиерея Василия Синайского. Автобиография.
18. АСЕУ. Личное дело протоиерея Василия Синайского. Указ от 19.05.1954 г. священнику Синайскому Василию Владимировичу о назначении к церкви с. Горки, Тумановского района, Смоленской области.
19. АСЕУ. Личное дело протоиерея Василия Синайского. Указ от 16.06.1954 г. священнику Синайскому Василию Владимировичу о перемещении на четвертую священническую вакансию Смоленского кафедрального Успенского собора.
20. АСЕУ. Личное дело протоиерея Василия Синайского. Рапорт настоятеля Смоленского Кафедрального Успенского собора протоиерея Виктора Никитского Сергию, епископу Смоленскому и Дорогобужскому.
21. АСЕУ. Личное дело протоиерея Василия Синайского. Заявление прихожан Успенского собора Владыке Михаилу.
22. АСЕУ. Личное дело протоиерея Василия Синайского. Поручение прот. Виктору Никитскому проверить документы свящ. Василия Синайского.
23. АСЕУ. Рапорт от 01.06.55 г. настоятеля Смоленского Успенского кафедрального собора прот. Виктора Никитского епископу Смоленскому Михаилу.

24. АСЕУ. Личное дело протоиерея Василия Синайского. Письмо настоятеля Никольской церкви г. Сортавала священника Ф. Брянского в канцелярию преосвященного епископа Смоленского от 30.08.1960 г.
25. АСЕУ. Личное дело протоиерея Василия Синайского. Письмо настоятеля Екатерининской церкви г. Петрозаводск игумена Серафима в канцелярию преосвященного епископа Смоленского от 02.11.1960 г.
26. АСЕУ. Личное дело протоиерея Виктора Никитского. Рапорт благочинного Рославльского благочиннического округа протоиерея Всеволода Корицкого епископу Смоленскому и Дорогобужскому Сергию о награждении священника В. Никитского от 04.01.1945 г.
27. АСЕУ. Личное дело протоиерея Виктора Никитского. Указ № 127 священнику Петропавловской ц. г. Рославля о. Виктору Никитскому о переводе в г. Гжатск от 25.03.1946 г.
28. АСЕУ. Личное дело протоиерея Виктора Никитского. Прошение священника Петропавловской церкви г. Рославля о переводе на вторую вакансию священника в Вознесенскую ц. г. Гжатска от 25.03.1946 г.
29. АСЕУ. Личное дело протоиерея Виктора Никитского. Заявление прихожан Петропавловской церкви г. Рославля Сергию, епископу Смоленскому и Дорогобужскому, от 25.04.1946 г.
30. АСЕУ. Личное дело протоиерея Виктора Никитского. Рапорт настоятеля Вознесенской ц. г. Гжатска иерея Михаила Назаревского преосвященнейшему Сергию, епископу Смоленскому и Дорогобужскому.
31. АСЕУ. Личное дело протоиерея Виктора Никитского. Указ № 334 священнику Вознесенской ц. г. Гжатска о. Виктору Никитскому о переводе в с. Мигновичи от 16.06.1947 г.
32. АСЕУ. Личное дело протоиерея Виктора Никитского. Рапорт священника Виктора Никитского о почислении за штат от 24.06.1947 г.
33. АСЕУ. Личное дело протоиерея Виктора Никитского. Указ № 350 священнику Виктору Никитскому о почислении за штат от 27.06.1947 г.

34. АСЕУ. Личное дело протоиерея Виктора Никитского. Указ № 358 о запрещении в священнослужении священника В. Никитского от 30.06.1947 г.
35. АСЕУ. Личное дело протоиерея Владимира Смирнова. Рапорт епископа Сергия (Смирнова) патриарху Алексию I (Симанскому).
36. АСЕУ. Личное дело иеромонаха Смирнова Дорофея Васильевича. Письмо патриарха Алексия I епископу Смоленскому Сергию от 04.05.1954 г.
37. АСЕУ. Личное дело протоиерея Владимира Смирнова. Характеристика от 27.06.1973 г.
38. АСЕУ. Рапорт епископа Смоленского и Дорогобужского Михаила патриарху Алексию от 17.04.1956 г. № 145.

Государственный архив Смоленской области – ГАСО

39. ГАСО. Ф. 985. Оп. 1. Д. 15.
40. ГАСО. Ф. 985. Оп. 2. Д. 21.
41. ГАСО. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 12.
42. ГАСО. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 24.
43. ГАСО. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 30.
44. ГАСО. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 31.
45. ГАСО. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 33.
46. ГАСО. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 36.
47. ГАСО. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 37.
48. ГАСО. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 38.
49. ГАСО. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 39.
50. ГАСО. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 40.
51. ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 2.
52. ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 3.
53. ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 4.
54. ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 5.
55. ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 6.
56. ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 7.
57. ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 9.

58. ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 10.
59. ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 12.
60. ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 14.
61. ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 16.
62. ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 18.
63. ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 20.
64. ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 22.
65. ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 24.
66. ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 26.
67. ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 27.
68. ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 28.
69. ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 29.
70. ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 30.
71. ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 32.
72. ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 33.
73. ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 35.
74. ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 36.
75. ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 37.
76. ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 40.
77. ГАСО. Ф. 1620. Оп. 2. Д. 42.

Государственный архив новейшей истории – ГАНИСО

78. ГАНИСО. Ф. 3201. Оп. 1. Д. 2.
79. ГАНИСО. Ф. 3201. Оп. 1. Д. 4.
80. ГАНИСО. Ф. 3201. Оп. 1. Д. 6.
81. ГАНИСО. Ф. 3201. Оп. 1. Д. 16.
82. ГАНИСО. Ф. 3201. Оп. 1. Д. 26.
83. ГАНИСО. Ф. 3201. Оп. 1. Д. 41.
84. ГАНИСО. Ф. 3201. Оп. 1. Д. 47.
85. ГАНИСО. Ф. 3201. Оп. 1. Д. 99.

Государственный архив Российской Федерации – ГАРФ

86. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 291.
87. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1115.
88. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1649.
89. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1747.
90. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1748.
91. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1841.
92. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 2а.
93. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 44.
94. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 309.

Российский государственный архив новейшей истории – РГАНИ

95. РГАНИ. Ф. 4. Оп. 16. Д. 554.
96. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 91.

Российский государственный архив социально-политической истории –
РГАСПИ.

97. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 946.
98. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 313.
99. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 8.
100. РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 15. Д. 120.

Дополнительные источники

101. Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. В 11 т.: Т. 5. М.: Новоспасский монастырь, 1996. 405 с.
102. Декрет СНК «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», 23 января (5 февраля) 1918 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1917–1918 гг. № 18. Отд. I. Ст. 263. М., 1942. С. 286-287.
103. Законодательство о религиозных культах / Сборник материалов и документов / Под общ. ред. Куроедова В.А., Панкратова А.С. М.: Юридическая литература, 1971. 210 с.
104. Коммунистическая партия Советского Союза. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и

Пленумов ЦК (1898–1988) / Под общ. ред. А. Г. Егорова, К. М. Боголюбова: В 16 т. М.: Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, 1985. Т. 8. 542 с.

105. Коммунистическая партия и Советское правительство о религии и церкви: Сборник. М.: Госполитиздат, 1961. 112 с.

106. Обращение митрополита Московского и Коломенского, Главы Православной Церкви в России Сергия к «Пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви». 22 июня 1941 г. // Правда о религии в России. М., 1942. С. 15–17.

107. Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения // Правда. 1954. 11 ноября. № 315. С. 13–14.

108. Постановление ЦК КПСС «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах её улучшения» // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 8. 1946–1955. М.: Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, 1985. С. 428 – 432.

109. Речь генерального секретаря Центрального Комитета КПСС товарища Ю. В. Андропова на пленуме ЦК КПСС 15 июня 1983 года // Материалы пленума ЦК КПСС. 14–15 июня 1983 года. М.: Политиздат, 1983. С. 5–17.

110. Сборник Законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета (1938–1956) / под ред. к. ю. н. Мандельштам Ю. И. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1956. 503 с.

Литература.

Монографические исследования

111. Андреев А., свящ. Становление финансово-хозяйственного управления Русской Православной Церкви: История централизованного управления церковным имуществом и финансами в России. М.: Издательство ПСТГУ, 2014. 119 с.

112. Амельченков В.Л. Смоленская епархия в годы Великой Отечественной войны. Смоленск: Свиток, 2006. 192 с.

113. Казаков А.И. Население Смоленщины: прошлое и настоящее. Смоленск: Б.и., 1988. 143 с.
114. Курляндский И.А. Сталин, власть и религия (религиозный и церковный факторы во внутренней политике советского государства в 1922–1953 гг.). Москва: Кучково поле, 2011. 701 с.
115. Одинцов М.И. Государство и церковь: история взаимоотношений (1917–1938 гг.). М.: Знание, 1991. 63 с.
116. Одинцов М.И. Русская православная церковь в XX веке: история, взаимоотношения с государством и обществом. М.: Объединение исследователей религии, 2002. 312 с.
117. Одинцов М.И., Чумаченко Т.А. Совет по делам Русской Православной Церкви при СНК (СМ) СССР и Московская Патриархия: эпоха взаимодействия и противостояния. 1943–1965 гг. Санкт-Петербург: Российское объединение исследователей религии, 2013. 372 с.
118. Одинцов М.И. Государство и церковь в России. XX век. М.: Луг, 1994. 171 с.
119. Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. М.: Изд-во «Республика», 1995. 512 с.
120. Серафим (Амельченков), иером. Русская Православная Церковь и общество в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов (На материалах Смоленской области). Смоленск: Свиток, 2012. 256 с.
121. Смолкин В. Свято место пусто не бывает: история советского атеизма. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 552 с.
122. Федотов А.А. Ивановская, Владимирская и Костромская епархии Русской Православной Церкви в 1917–1990-е гг. Иваново: б.и., 2000. 140 с.
123. Федотов А.А. Из истории Русской Православной Церкви в XX веке. Иваново: б.и., 2002. 226 с.
124. Цыпин В., прот. История Русской Церкви. В 11 кн.: Кн. 9. М.: Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997. Кн. 9. 831 с.

125. Чумаченко Т.А. Государство, православная церковь, верующие. 1941–1961 гг. М.: АИРО-XX, 1999. 248 с.
126. Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь в XX веке. М.: Вече, 2010. 480 с.
127. Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах). М.: Крутицкое Патриаршее Подворье, 1999. 399 с.

Диссертации

128. Дорош А.А. Государственная политика Советской власти в отношении Церкви и религии в 1941–1964 гг. (по материалам Воронежской области). Дисс. на соиск. уч. степени к.и.н. Белгород: Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 2018. 285 с.
129. Смирнова О.С. Деятельность института уполномоченных совета по делам Русской Православной Церкви в 1944–1965 гг.: на материалах Верхнего Поволжья. Дисс. на соиск. уч. степени к.и.н. Иваново: Ивановский государственный университет, 2010. 225 с.
130. Федотов А.А. Русская православная церковь в 1960–1990 гг.: внутрицерковная жизнь и взаимоотношения с государством: На материалах Владимирской, Ивановской и Костромской областей. Дисс. на соиск. уч. степени к.и.н. Иваново: Ивановский государственный университет, 2000. 220 с.

Статьи

131. Алейнеков В.Н. К вопросу о ренегатстве православного духовенства в период хрущевской антирелигиозной кампании (1958–1964) // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 4. С. 326–345.
132. Апанасенок А.В. Несостоявшееся исчезновение: статистика православной обрядности в позднем СССР // Материалы Всероссийской (национальной) научно-практической конференции, проводимой в рамках XIX Международных научно-образовательных Знаменских чтений

«Христианские основы российской цивилизации в противостоянии секулярному началу современного мира». Курск, 2023. С. 43–53.

133. Бухтояров А.В. Приходы и приходская жизнь Тульской епархии в годы хрущевских гонений (по материалам докладов уполномоченного Совета по делам РПЦ при Тулоблсполкоме Н.Н. Князева) // В сборнике: Сборник трудов Тульской духовной семинарии. Сборник статей сотрудников и выпускников ТулДС. Под общей редакцией И.Н. Юркина. Тула, 2017. С. 31–48.

134. Васильева О.Ю. Русская Православная Церковь в 1927–43 годах // Вопросы истории. 1994. № 4. С. 35–46.

135. Василицын А.Г. Изменения в положении структур Русской Православной Церкви в БССР во второй половине 1950 – первой половине 1960-х гг. // Наука и образование сегодня. 2018. № 2 (25). С. 18–20.

136. Василий (Ратмиров) // Православная энциклопедия. Т. VII. Москва, 2004. С. 93–94.

137. Гераськин Ю.В. Уполномоченный Совета по делам Русской Православной Церкви: исторический портрет (На материалах областей Центральной России) // Государство и церковь в XX веке: эволюция взаимоотношений, политический и социокультурный аспекты. Опыт России и Европы. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. С. 48–59.

138. Горанский А.О., Мандрик С.В. Подготовка и осуществление реформы приходского управления 1961 г. в Белоруссии // Вестник церковной истории. 2008. № 3 (11). С. 124–140.

139. Горбачев О.В. Организованная миграция из села Центрального Нечерноземья во второй половине 1940-х–1960-е годы // Вопросы истории. 2003. № 2. С. 138–148.

140. Дорош А.А. Трансформация направленности политики Советского государства в отношении Церкви и религии в 1953–1964 гг. // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2018. № 2. С. 130–132.

141. Жиромская В.Б., Исупов В.А., Корнилов Г.Е. Население России 1939–1945 // Вестник РАН. 2020. Т. 90. № 9. С. 845–857.
142. Звонарев С., свящ. Проект «Основных положений управления Русской Православной Патриаршей Церкви» 1943 года – малоизвестный документ истории высшего управления Русской Православной Церкви // Вестник церковной истории. 2008. № 2 (10). С. 271–278.
143. Климова Е.С. Состояние приходского духовенства в Кемеровской области в послевоенный период // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: Материалы XIV Международной научной конференции: В 2 ч. Ч. 1. Иваново: Ивановский государственный университет, 2015. С. 135–142.
144. Косик В.И. Иннокентий (Сокаль) // Православная энциклопедия. 2015. Т. 23. С. 23–24.
145. Каиль М.В. Послевоенное православие: епископат, духовенство и государственное регулирование церковной жизни в СССР (1943–1953 годы) // Новый исторический вестник. 2019. № 4. С. 22–35.
146. Каиль М.В. Владыка Сергей (Смирнов): епископское служение и взаимоотношения с клиром послевоенной церкви // Вопросы истории. 2020. № 9. С. 228–240.
147. Лебедев Н. Без тени смущения // Правда полей. 23 октября 1959 г. С. 4
148. Мотревич В.П. «Новый курс» в сельском хозяйстве СССР (К 60-летию аграрной реформы 1953 г.) // Аграрный вестник Урала. 2013. № 8. С. 36–38.
149. Никитин Д.Н. «О религиозных объединениях» // Православная энциклопедия. Т. 52. Москва, 2004. С. 201–210.
150. Павлов М.Ю. Путь Хрущева к «облегченному» культу личности // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2011. № 3. С. 58–66.
151. Потапова Н.В. Политика Советского государства в отношении Церкви в 1940–1980 гг. (Нормативно-правовые аспекты регулирования) // Ленинградский юридический журнал. 2007. № 4. С. 166–178.

152. Петров И.В. Духовенство, верующие и власть на освобождённой от нацистов территории СССР в 1944–1946 гг. // Российская история. 2020. № 3. С. 108–116.
153. Раева Т.В. Развитие советских миротворческих практик в условиях холодной войны // Управление в современных системах. 2018. № 4. С. 18–24.
154. Сафонов Д.В. К 20-летию кончины архиепископа Михаила (Чуба) // Альфа и Омега. 2006. № 1. С. 185–195.
155. Сафонов Д., свящ. Налог на культовую деятельность как способ борьбы с религией при советской власти // Богословский вестник. 2015. Т. 16–17. № 1–2. С. 155–192.
156. Сазонов Д., прот. Государство и Церковь в Советском Союзе. Мотивы и последствия Архиерейского собора Русской Православной Церкви 1961 года // На пути к гражданскому обществу. 2013. № 3–4. С. 46–51.
157. Сазонов Д., прот. Реформа приходского управления Русской Православной Церкви, принятая на поместном соборе 1961 года, и ее последствия // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2014. № 1. С. 69–73.
158. Сазонов Д., прот. Сопротивление духовенства реформе приходского управления 1961 года (по материалам Ярославской и Костромской областей) // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2015. № 4. С. 32–37.
159. Сазонов Д., прот. Отречение от веры. Мировоззренческая убежденность или сумма обстоятельств? К теме ренегатства 1960-х годов // Вестник Костромского государственного университета. 2019. № 2. С. 71–78.
160. Сазонов Д., прот. Разница понимания и смыслов при принятии реформы приходского управления 1961 года со стороны Церкви и государства. Дискурс истории // Ипатьевский вестник. 2022. № 1. С. 128–134.
161. Сентябова М.В. «Обязательная благотворительность»: финансовые отчисления красноярских приходов Русской Православной Церкви в советские общественные фонды // Наука и образование: опыт, проблемы,

перспективы развития. Материалы международной научно-практической конференции. Красноярск, 2021. С. 372–375.

162. Сосковец Л.И. Правовое положение религиозных организаций в советском государстве // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2003. № 3. С. 310–322.

163. Сосковец Л.И. Приходское духовенство Западной Сибири в послевоенный период // Вестник Томского государственного университета. 2003. № 276. С. 153–163.

164. Соколова М.И. Судьба православного духовенства в Волгоградской и Сталинградской епархии во второй половине 1950-х годов // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4, Ист. 2010. № 2 (18). С. 105–111.

165. Уваров С., диак. Участие архиепископа Михаила (Чуба) во внешних церковных связях Русской Православной Церкви в 1950–1960-е годы // Церковь и время. 2017. Т. LXXVIII. С. 196–224.

166. Федотов А.А. Реформа приходского управления. Закрытие храмов как одно из важнейших направлений хрущевской антицерковной политики // Вестник Ивановского государственного университета. 2005. № 2. С. 52–58.

167. Федотов А.А., Полозова К.А. Внутренние противоречия советского законодательства, регулирующего религиозную сферу в 1929–1943 гг. // Государство, общество, церковь в истории России XX-XXI веков. Материалы XIX Международной научной конференции. Иваново, 2020. С. 10–15.

168. Чурилина Т.И. Отношения советского государства и Русской Православной Церкви на Дальнем Востоке в середине 1950-х гг. // Успехи современной науки и образования. 2017. Т. 7. № 2. С. 98–102.

169. Цыпин В., прот. Епархиальное управление // Православная энциклопедия. 2013. Т. 18. С. 487–493.

170. Цыпин В., прот. Викарий // Православная энциклопедия. 2010. Т. 8. С. 404–409.

171. Чумаченко Т.А. Государство и Русская Православная Церковь в 1958–1964 годах: новая политическая борьба с религией, церковью и верующими // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 19. С. 82–90.

172. Чумаченко Т.А. Совет по делам Русской Православной Церкви при СМ СССР и его уполномоченные в первой половине 1960-х годов: структура, формы и методы работы // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 30. С. 74–85.

173. Шкаровский М.В. Михаил (Чуб) // Православная энциклопедия. 2021. Т. 45. С. 663–666.

Иностранная литература

174. Peris D. «God Is Now on Our Side»: The Religious Revival on Unoccupied Soviet Territory during World War II // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2000. Vol. 1. № 1. P. 115–117.